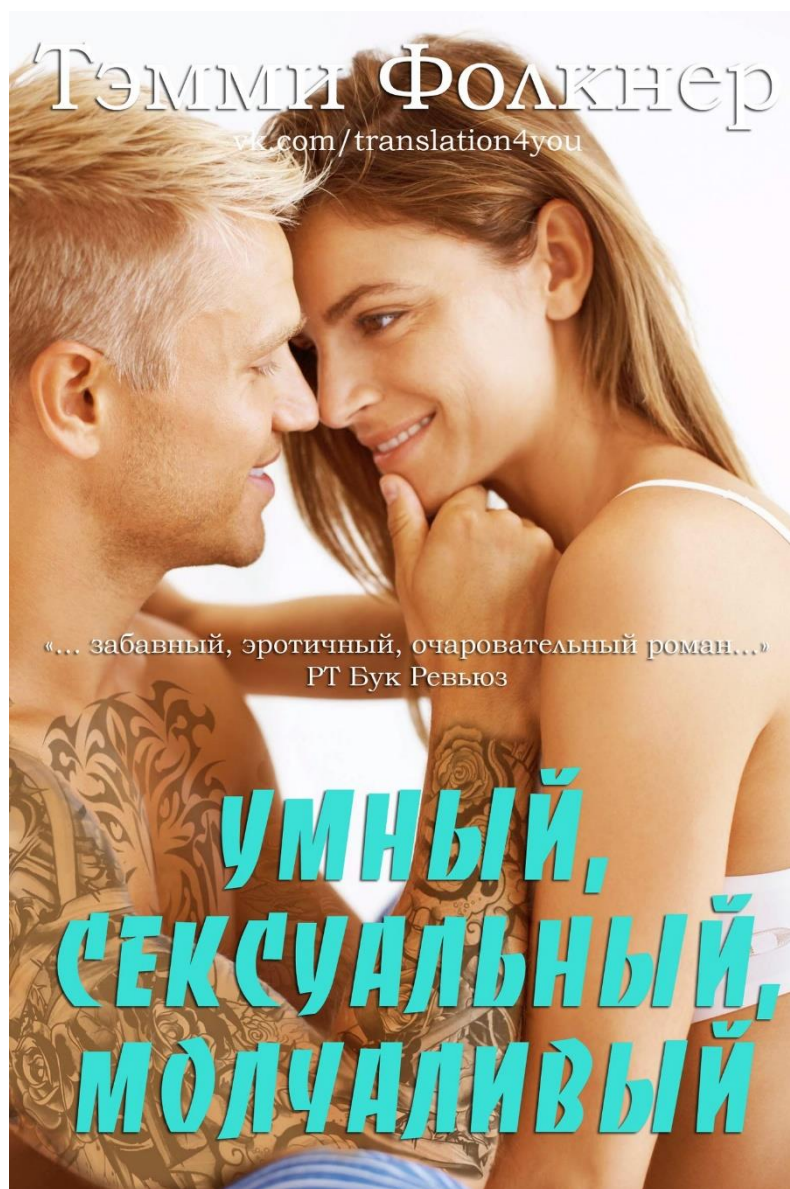

Эта книга предназначена только для предварительного ознакомления и не несёт в себе никакой материальной выгоды. Любое копирование и размещение материала без указания группы и людей, которые работали над книгой, **ЗАПРЕЩЕНО!** Давайте уважать и ценить чужой труд!

Тэмми Фолкнер
УМНЫЙ, СЕКСУАЛЬНЫЙ, МОЛЧАЛИВЫЙ
(Братья Рид #2)

Оригинальное название: *Smart, Sexy and Secretive* by Tammy Falkner

Серия: *The Reed Brothers / Братья Рид*

Номер в серии: 2

Переводчик и редактор: Екатерина Прокопьева

Вычитка: Катерина Матвиенко

Обложкой занималась Изабелла Мацевич.

Переведено специально для группы <http://vk.com/translation4you>.

Аннотация

Эмили

Я вернулась в Нью-Йорк и готова начать совершенно новую жизнь, теперь уже с Логаном. Нам ещё многое нужно решить, ведь мы не общались вот уже три месяца. Но в одном я уверена точно — я не могу жить без него.

Логан

Она нужна мне как воздух. И вот она вернулась, однако её отец и бывший парень сговорились нас разлучить. Вот только у нас всё получится. Разве нет? Сможем ли мы? Но мы должны суметь, потому что я не представляю своей жизни без неё.

Посвящается моей маме, и всё потому, что она сказала мне: «Ты сможешь».

Дорогие читатели!

Когда я работала над «Высоким, привлекательным, в татуировках», мой восемнадцатилетний сын попросил меня прочитать книгу. Добравшись до «горячих» сцен, он спросил, не могла бы я их вырезать. Ему нужна была версия «только для него». Нет, он ни в коем случае не скромняга, но ему было гораздо комфортнее с «облегчённой» версией книги. Моя мама тоже обычно пропускает постельные сцены, и она с интересом восприняла мою инициативу написать такой вот специализированный вариант.

Так как первая книга была издана в обеих версиях, я решила, что будет честно повторить это и со второй. Первый вариант — «горячая» версия, которая не предназначена для лиц младше 18 лет, а также тех, кому не нравятся откровенные сексуальные сцены.

Второй вариант — это версия книги для моего сына. Она также ни в коем случае не предназначена для лиц младше 18 лет, так как её содержание — только для взрослых, в том числе из-за использования ненормативной лексики. Но, тем не менее, это «облегчённый» вариант.

Надеюсь, вам понравится выбранный вами вариант, и вы оцените то, что имеете возможность выбрать его сами лично! И знайте, вам не нужно будет платить за две книги. «Облегчённый» вариант был включён мною лишь ради тех, кому он может понравиться. Цена же, которую вы заплатите за издание, начислена из расчёта количества слов, что превышает пятьдесят тысяч, и будет взиматься только за одну книгу.

С наилучшими пожеланиями,
Тэмми.

От команды, трудившейся над переводом этой книги: Мы считаем, что переводить обе версии — это нерациональная трата нашего времени и сил, поэтому перевели для вас версию, которая «погорячее». А тем, кому откровенные сексуальные сцены не по душе, предлагаем их просто пролистывать. Надеемся на понимание. И приятного прочтения!

Эмили

Мой папа не хочет, чтобы я возвращалась в Нью-Йорк. Он всем сердцем против этого. Но моё сердце принадлежит Нью-Йорку. Там Логан. И сейчас мы на борту самолёта, летим туда.

Я познакомилась с Логаном осенью. Он позаботился обо мне, когда я нуждалась в ночлеге, а я позаботилась о нём, когда у его брата снова обнаружили рак. Мэту было необходимо дорогостоящее лечение, а получить на это деньги могла лишь я — смирившись и пожертвовав своим счастьем. Так я и сделала. Уехала обратно в Калифорнию, оставив любовь всей своей жизни в Нью-Йорке, вернулась к равнодушной семье — той самой, от которой убежала. Мэту назначили лечение, оплаченное моим отцом, и Логан продолжил жить дальше.

Как много раз я хотела с ним связаться! Но наше общение — это та ещё проблема. Логан глухой, он общается при помощи письма. У меня дислексия, и я с трудом могу читать. Так что письма и телефонные звонки не для нас. Семья Рид из числа бедных, у них нет даже компьютера. Я раздумывала над тем, не купить ли им его и отправить посылкой, чтобы мы с Логаном могли общаться по «Скайпу», используя язык жестов, только вот они бедные, *но гордые*, а это убийственное сочетание.

Так что прошло уже почти три месяца с тех пор, как я видела Логана. И ровно столько же мы с ним не разговаривали. Мне хочется посмотреть в его глаза. Мне нужно его увидеть. И это скоро произойдёт.

По внутренней связи пилот сообщает нам, что через двадцать минут мы прибудем в Нью-Йорк. Мама с папой глядят на меня. Мама улыбается, папа — нет. Его телохранитель откладывает в сторону свою газету и отстёгивает ремень безопасности. У моего отца много денег. Очень-очень много. А моя мама их тратит. Очень-очень много. И я необычайно рада тому, что они поженились, потому что никакой другой мужчина на всём белом свете не смог бы её содержать.

Папе принадлежит «Мэдисон-Авеню». Нет, не улица, а линия люксовой одежды и аксессуаров. Это по-настоящему дорогие вещи, ставшие очень популярными сначала в Калифорнии, а теперь и по всей стране. У моих родителей денег больше, чем у самого Господа Бога.

— Эмили, волнуешься? — спрашивает меня мама, когда шасси касаются полосы приземления. Я делаю глубокий вдох. Мне легче дышать уже даже от того, что я просто нахожусь с ним в одном городе.

Я смотрю прямо в глаза матери, потому что она знает, насколько сильно я люблю Логана, и, вообще-то, она рада, что мы снова будем вместе.

— Больше чем ты думаешь.

— Не знаю, зачем тебе так приспичило поступить в колледж, Эмили, — рявкает папа. — Могла бы просто выйти замуж и жить в достатке.

В прошлом году папа пытался выдать меня замуж за сына одного из своих деловых партнёров. Именно поэтому я уехала из Калифорнии ни с чем, сев на автобус до Нью-Йорка. Я и десяти центов не взяла из денег моего отца, зарабатывая на жизнь тем, что играла на гитаре за деньги в переходах метро. Но ему почти ничего неизвестно о том, как я существовала вдали от них. Он не знает того, что я жила в приютах, когда с деньгами были напряги. Или что иногда я голодала несколько дней подряд. Он предпочитает думать, что и без них я жила так же шикарно, как дома. Но это не так. Мне было тяжело. Хотя я ни на что не променяю то, что мне пришлось пережить. Потому что это привело меня к Логану.

Боже, как же сильно я хочу его увидеть! Ещё я хочу, чтобы мои родители уехали, но им обязательно нужно убедиться, что я обустроилась в своей новой квартире. Она за углом от колледжа, в котором я буду учиться — Джульярда. Мне всегда хотелось изучать музыку, и теперь я смогу. Это заслуга моей мамы.

Мама шлёпает папу по руке. Лёгкий шлепок, но он привлекает папино внимание.

— Мы это уже обсуждали, дорогой. Она не хочет замуж. По крайней мере, за молодого мистера Филдса.

Я фыркаю. Да я не вышла бы за него замуж, будь он последним мужчиной на Земле!

— Филдс — отличный молодой человек, — говорит мой отец. И что самое плохое, он действительно в это верит, хотя, на самом деле, Трип — меркантильный козёл, который хочет подняться по финансовой лестнице, а меня использовать в качестве верхней ступеньки. Но точно могу сказать, ему никогда не встать на *эту* ступеньку!

— Ммм-хмм, — неопределённо мычу я.

— Филдс — подонок, дорогой, — говорит мама. Она берёт свою сумочку, и мы покидаем самолёт. Снаружи нас ждёт лимузин, в который мы садимся, пока кто-то невидимый разгружает наш багаж.

— Пап, он постоянно сморкается, — говорю я. — И не принимает душ после того, как поиграет в баскетбол. — Да, и ещё он обозвал меня тупой на глазах у всех своих друзей. Но мы не говорим об этом.

Папа кривит губы.

— В этом парне много потенциала. У него отличное видение. Он стал бы замечательным мужем.

На самом деле, наш союз для него — нечто сродни деловой сделки между двумя семьями, которая увеличила бы благосостояние обеих. Но мне плевать, стану ли я ещё богаче. На самом деле, самое счастливое время в моей жизни — это когда я жила с Логаном и его братьями. У него их четверо — два старших и два младших. Они живут одни с тех пор, как их мама умерла, а папа ушёл из семьи. У них не много денег, но они до безумия любят друг друга.

Мои родители тоже любят меня, но не так. Далеко не так.

— Тебе стоит самому построить с ним отношения, папа. Потому что я на это не пойду, — ворчу я. За последние несколько месяцев у нас было уже бесчисленное количество подобных разговоров.

Папа тяжело вздыхает. В бизнесе ему нет равных, но что касается взаимоотношений, тут он полный профан.

— Собираешься увидеться с тем парнем, пока будешь здесь? — спрашивает папа.

При любой возможности, если он позволит.

— Сомневаюсь, что он захочет со мной увидеться. Я ушла от него, не сказав ни слова, и с тех пор мы не разговаривали. — Он наверняка зол на меня. Настолько зол, что оставил прошлое позади. От одной мысли об этом у меня ёкает сердце.

Я знала, что мне придётся оставить Логана, когда мой папа оплатил лечение его брата, но я не думала, что наше расставание будет длиться вечно. Я посмотрела на татуировку на внутренней стороне своего предплечья. Отец ненавидит её; я же обожаю. Это ключ, вдоль основания которого написано имя Логана. Потому что Логан освободил мой мир. Он принял и полюбил меня такой, какая я есть, ну или такой, какой я, по его мнению, была. И мне остаётся лишь надеяться, что его чувства до сих пор сильны.

Мы едем до моей квартиры целую вечность. Всю поездку мне приходится выслушивать речи папы о том, какой бы замечательный муж вышел из Трипа. Мама корчит мне рожицы. Это заставляет меня смеяться. Теперь, после того, как я излила ей душу по возвращении домой, мы достигли нового уровня взаимопонимания. По-моему, она прекрасно разбирается в ситуации и приняла мою сторону. Но от этого с папой не стало проще.

— Если у того мальчишки есть мозги, то он будет держаться от тебя как можно дальше, — почти злобно ворчит папа. Он решительно против того, чтобы я была с кем-то настолько бедным.

Но Логан богат во всех смыслах, в которых хотелось быть богатой и мне. Его богатство — в его семье, в умении любить и сопереживать, и он души не чаёт в том, чем зарабатывает на жизнь. Логан потрясающий художник, он работает в принадлежащем его

семье тату-салоне, набивая свои шедевры на кожу людей. В нашем последнем разговоре он рассказывал, что хочет вернуться в колледж. У него была стипендия, но ему пришлось взять академический отпуск, когда заболел Мэт. Они взяли много кредитов, чтобы оплатить первый курс лечения, но, когда Мэт был больше не в состоянии работать, Логан оставил учёбу и занял его место в салоне.

— Если у мальчишки есть хотя бы капля ума, — говорит мама, — то он только и ждёт, когда ты вернёшься в Нью-Йорк.

Надеюсь, что так и есть. Но за три месяца столько всего могло произойти! Женщины каждый день валяются к ногам Логана. Это слишком — требовать от него ждать меня все три месяца, пока я буду пытаться вернуться к нему.

Мама похлопывает папу по колену.

— Дорогой, как дела у его брата? Я знаю, что тебе докладывают.

Я сползаю на край сидения. *Прошу тебя, скажи, что с ним всё в порядке. Пожалуйста.* Я спрашивала его об этом бесчисленное множество раз, но он отказывается мне отвечать, напоминая о нашей сделке.

— Хорошо.

И это всё, что он произносит. Только одно лишь это слово. Я снова откидываюсь на сидении.

— Нельзя ли поточнее? — спрашивает мама, улыбаясь папе.

— Лечение помогает, но пока нельзя сказать, что он вне опасности. Ему приходится делать томографию каждый месяц, но потом, со временем, они начнут растягивать сроки.

Моё сердце сжимается. Мэту становится лучше. Моя жертва не была напрасной. Слезы начинают жечь глаза, и мама протягивает руку и сжимает моё колено.

— Это хорошо, дорогой, — говорит она папе. — Я так рада, что ты смог ему помочь.

— Я сделал это, чтобы она вернулась домой, — отвечает он и пристально смотрит на меня. — И согласно нашей сделке, она должна была вернуться домой, а не отправиться в Джульярд.

Мама снова похлопывает его по колену.

— Дорогой, но она же вернулась домой. А теперь она собирается в Джульярд.

— Я лишь надеюсь, что он будет держаться от неё подальше, — бурчит папа, больше себе, чем мне или маме. Мы все знаем, кто это — *он*. И *ему* лучше не держаться от меня подальше. Ни на день. Ни на час. Ни на минуту.

Мы подъезжаем к моему дому, и папа хмурится.

— А чего-нибудь получше не могла найти? — Он сердито смотрит на маму.

— Это идеальное место, — говорю я. Здесь красиво, напротив входа — маленький скверик. Моя квартира на десятом этаже, что замечательно мне подходит. Ещё тут есть консьерж, пожилой джентльмен, и он улыбается мне, склонив голову в приветствии, когда мы заходим в здание.

— Ах, мистер Мэдисон, — говорит он. Видимо, знает, кто мой отец. Но не протягивает руки, хотя берёт мою, когда я её вытягиваю. Я ничем не лучше этого мужчины, и мне хочется, чтобы он это знал.

— Мисс Мэдисон, — говорит он, широко мне улыбаясь. — Меня зовут Генри.

— Мистер Генри, — говорю я, пожимая ему руку.

— Просто Генри. — Он смотрит на презрительное выражение лица моего отца.

— Эмили, не води дружбу с прислугой, — предупреждает папа.

Лицо Генри вытягивается.

Я ему подмигиваю.

— Я бы не посмела подружиться с Генри, — говорю я. — Он слишком хорош для таких, как мы.

Папа сердито сдвигает брови.

— И что это должно означать?

— Доброта превыше денег, папа, — говорю я. Я узнала это на собственной шкуре.

И пусть я не умею хорошо читать, прямо сейчас мне кажется, что я во сто крат умнее его. Мы с Генри стукаемся костяшками, и он улыбается мне.

Генри поднимает вверх палец и отходит к закрытому шкафчику рядом с его столом. Он достаёт ключ.

— Я прослежу, чтобы ваш багаж доставили, мисс Мэдисон.

— Спасибо, Генри. — Я снова подмигиваю ему, пока мои родители идут к лифту. Он с неподдельным радушием улыбается мне в ответ.

Пока мы поднимаемся наверх, родители молчат. Папа стучит большим пальцем по перилам, а мама просто тихо стоит.

— Не понимаю, с чего вам вздумалось сюда приезжать. Я и сама могла бы обустроиться.

— Я не могу отправить тебя в незнакомый город одну-одинёшеньку. — Папа смотрит на меня. Он прекрасно знает, что в прошлом году я была здесь совершенно одна. — Это был твой выбор, — тихо говорит он. — Не мой.

Я встаю на цыпочки и целую его в щёку. Он искоса смотрит на меня, отчего я ухмыляюсь.

— Я рада, что вы здесь.

И надеюсь, что они не задержатся надолго. Мне не терпится увидеть Логана. Сегодня вечер пятницы, и, скорее всего, у него смена в клубе. Он работает там охранником.

Папа ходит по моей новой квартире, критически рассматривая каждую мелочь. Она сдавалась уже с мебелью, которая оказалась очень даже милой. Здесь две спальни и сигнализация, ничем не уступающая национальной безопасности.

Вообще-то, я хотела жить в общежитии, но папа решил, что это плохая идея. По крайней мере, этот дом недалеко от колледжа.

Мама подмигивает мне, а затем поворачивается к папе.

— Дорогой, я думаю, что нам пора отправиться в наш отель.

Он поднимает бровь.

— Уже?

— Да. — Она больше ничего не говорит. Только «да».

Папа тяжело вздыхает. Он целует меня в лоб, обняв за голову своей массивной рукой.

— Увидимся завтра утром.

Я киваю.

— Я никуда отсюда не денусь.

— Ты уверена, что тебе ничего не нужно? — Он волнуется. Чрезмерно.

Мне нужен Логан. И больше ничего. Я качаю головой.

Мама шепчет мне на ухо:

— Не забудь про контрацепцию, милая.

Мои губы растягиваются в улыбке.

— Да, мам.

Дверь за ними закрывается. Сначала мне нужно в душ, а потом я отправлюсь на поиски Логана. Он необходим мне как воздух.

Логан

На мою спину опускается рука, лёгкие дразнящие прикосновения пальцев словно рисуют восьмёрку. Я смотрю через плечо, и меня передёргивает, потому что это Триш. Я беру её руку в свою и сдёргиваю со своей спины, отводя в сторону как можно более нежно.

— О, Логан, — говорит она, уголки её губ поднимаются, она смеётся. Я даже рад, что не могу слышать этот смех, потому что если он хоть чем-то похож на неё, то наверняка такой же скрипучий, как и эта фальшивая улыбка. Та, в которой нет настоящего счастья. Триш кладёт свою руку мне на грудь, её пальцы настойчиво прижимаются к моему телу.

— И как долго ты собираешься сохнуть по той девчонке? В море так много других рыбок.

Я могу говорить, но порой выбираю молчание, и люди принимают это, потому что я глухой. Я потерял слух, когда мне было чуть больше десяти лет. Постучав по поверхности своих часов, выразительно смотрю на неё, выгнув бровь. Через две минуты ей нужно быть на сцене.

Она тяжело вздыхает и отчаливает в нужном направлении.

Если бы меня вынудили ответить на её вопрос, то я бы сказал «вечно». Эмили вроде как со дня на день должна вернуться в Нью-Йорк, ведь в Джульярде стартует весенний семестр. У меня, в университете Нью-Йорка, занятия уже начались, а ей не стоит отставать. Конечно, в том случае, если она вообще приезжает. Я не говорил с ней с того самого дня, как она ушла, а прошло уже несколько месяцев.

Но я видел её в таблоидах. Она ходила в клубы, на ленчи и светские мероприятия со своим бывшем парнем, Трипом Филдсом. СМИ не прекращают сплетничать о том, как они расстались, а потом снова воссоединились. Но когда я смотрю на её фотографии, то вижу, что она не выглядит счастливой, не такой, какой была, когда жила с нами. Мне нравится думать, что всё это лишь слухи. Я чертовски надеюсь, что всё это лишь слухи. У меня внутри всё болит от одной мысли, что это не так.

Эмили продала своё возвращение домой отцу в обмен на жизнь Мэта. Он мой брат, и он — всё для меня. И Мэт жив благодаря её жертве. Я рад, что она так поступила, но с тех пор, как она ушла, в воздухе, которым я дышу, словно не хватает кислорода. Я до безумия по ней скучаю.

После её ухода я не посмотрел ни на одну другую девушку. Ни на одну. Я думаю лишь о ней. Когда девушки, наподобие Триш, подходят и призывно смотрят на меня, мне не удаётся придумать ничего, что заставило бы меня откликнуться на этот призыв. Или вспомнить, почему я делал это в прошлом. Эмили — это всё, о чём я могу думать.

Я смотрю в сторону главного входа, который преграждает Форд, ещё один охранник. Боун, местный отморозок, стоит в дверном проёме, а Форд знает, что если тот окажется хотя бы в нескольких шагах от меня, я убью его голыми руками. Мой младший брат Пит так и нарываяется на неприятности, зависая с Боуном. Несколько дней назад я застукал их переговаривающимися на улице, и мне это не нравится. Боун означает проблемы, и на прошлой неделе я сказал ему держаться, на хрен, подальше от моей семьи. Потому что, похоже, до Пита не доходит, что за проблемы притягивает Боун.

Я делаю шаг к двери, но внезапно передо мной оказывается Мэт, блокируя меня от Боуна. *Оно того не стоит*, показывает он мне.

Не для меня, отвечаю я. Я пытался поймать ублюдка, когда он был один, с того самого последнего раза, когда видел его с Питом. У нашего маленького братца откуда ни возьмись появился мобильник и наличка. Он работает, но его зарплаты вряд ли хватит на те вещи, которые сейчас у него появились. Тем более что каждую законно заработанную им копейку он отправляет в нашу семейную копилку для оплаты счетов.

Он подонок. Я говорю, широко размахивая руками, привлекая внимание нескольких человек неподалёку.

Я знаю, отвечает Мэт. *Мы позаботимся о нём, но не стоит делать это здесь*. Он

смотрит мне в глаза. *И ты знаешь, что у него пушка.*

Ещё одна причина не впускать его сюда.

Мэт качает головой.

Не сегодня.

Чёрт побери! Форд отходит в сторону и пропускает Боуна, когда подходит владелец клуба, чтобы выяснить, в чём проблема. Он пристально смотрит на Форда.

Форд — хороший друг, он знает, как я отношусь к Боуну. Поэтому мне совсем не хочется, чтобы Форд попал на прицел Боуна, так что по этой причине я даже рад, что он его пропустил.

Боун улыбается мне, глядя прямо в глаза, потому что мой взгляд следует за ним через всё помещение. Затем он проскальзывает на диван за столик и разрывает зрительный контакт.

Перед барной стойкой завязывается драка. Я хлопаю в ладоши, чтобы привлечь внимание Мэта. Сегодня ночью он не работает. Его организм ещё недостаточно окреп, так что он здесь больше как помощник.

Я вижу, показывает он. Тот, что здоровый, напился.

Здоровяков всегда непросто завалить.

И чертовски сложно потом поднять.

Мэт смеётся. Я чертовски рад, что он возвращается к нормальной жизни.

Я займусь мелким, а ты бери на себя здоровяка. Он хрустит костяшками и ухмыляется мне.

Ты как баба, показываю я. И ты даже не сможешь обвинить во всём химиотерапию, потому что ты вёл себя так ещё до того, как заболел.

Он пожимает плечами и без тени смущения улыбается мне. И видеть его таким — настоящее счастье для меня. Прошлой осенью его состояние ухудшилось до такой степени, что мы думали, ему не выкарабкаться. Может, это по-прежнему так, но теперь у нас есть надежда.

По крайней мере, я могу потрахаться, если постараюсь. Он смотрит на мою промежность. *А твой член скоро отомрёт от бездействия.*

Ничего не могу поделатъ — я однолюб.

Он хлопает рукой по моему плечу и сжимает его.

Когда, по-твоему, она вернётся? Мне стоит её поблагодарить.

Она вряд ли захочет благодарностей. Я пожимаю плечами. Хотелось бы мне знать самому.

Мэт указывает на драку, которая грозит перерасти в серьёзную потасовку. Мелкому хватает ума толкнуть здоровяка. Тот падает на женщину рядом, и её парень начинает махать кулаками.

Наш черёд, говорит Мэт.

Наш черёд. Мне чертовски нравится эта часть нашей работы. Мы справляемся вчетвером. Мэт, Форд, ещё один охранник и я дружно налетаем на драчунов и быстро берём ситуацию под контроль. Но здоровяк продолжает лежать на полу с закрытыми глазами. На его лице улыбка. Он что-то бормочет себе под нос, но я не могу прочитать ничего по его губам.

Он, что, поёт? Говорит Мэт, вопросительно поднимая брови. Девчонка, из-за тебя мои динамики взрываются?

Я смеюсь. Люди оглядываются на звук, исходящий из моего горла, но мне плевать. Смеяться здорово. Этому меня научила Эмили. *Помоги мне поднять его.*

Мэт берётся за одну его руку, я за другую, и мы вместе поднимаем его на нетвёрдые ноги. Его подружка, которая тоже еле стоит на ногах, говорит, что им нужно такси.

Мы с Мэтом выводим его к стоянке такси и запикиваем мужика в машину. Подружка садится на заднее сидение. Я уже сочувствую водителю такси, которому придётся вытаскивать эту здоровую задницу на тротуар.

Я потираю ладони. По крайней мере, с этим покончено.

На нас падает снег, и я провожу рукой по волосам. Рядом внезапно цепенеет Мэт.

Что? Спрашиваю я.

Он улыбается, хлопает меня по плечу и говорит: *Отпросись с работы на всю оставшуюся ночь.* И потом он показывает за мою спину.

Я разворачиваюсь и застываю на месте. Мои лёгкие отказываются работать, и я стою, не дыша, не двигаясь, стараясь ничего не чувствовать. Но это она. Эмили. Стоит на тротуаре и смотрит на меня.

Она переминается с ноги на ногу, чертовски нервничая. Снег падает на её волосы, она без пальто. Хотя теперь-то уж может себе позволить. Её семья владеет миллиардами. Её тёмно-русые волосы, так непохожие на чёрные с синей прядью, которые были у неё, когда мы познакомились, падают до середины спины, и она заправила их за ухо. Одежда на ней тоже не похожа на прежнюю. Теперь это всё от «Мэдисон-Авеню».

Но лучшее во всём этом то, что... она моя.

Мэт что-то говорит ей, но Эмили не отвечает. Она не отрывает от меня глаз, и я чувствую невидимую нить между нами.

Я смотрю на Мэта, собираясь сказать, что пойду за ней, куда бы она ни направилась. Он ухмыляется. *Думаю, теперь нам точно не нужно волноваться о том, что твой член умрёт от бездействия.*

До скорого.

Сомневаюсь, говорит он. Но по-прежнему улыбается своей дурацкой улыбкой. *Я бы хотел обнять её, но, думаю, тебе быть первым.*

И последним. И тем, что между ними.

Мэт машет Эмили и показывает слово «пока».

Она кивает, посылает ему воздушный поцелуй, а потом начинает двигаться в мою сторону. Её сапоги оставляют следы на снеге, и я заставляю себя стоять на месте. Я даже засовываю руки в задние карманы джинсов, чтобы не схватить её.

Привет, показывает она.

Я больше не могу сдерживаться. Я так быстро протягиваю к ней руки, что она даже пугается, но тут же тоже тянется ко мне. Я притягиваю её к себе, мне необходимо ощутить биение её сердца рядом со своим.

Её дыхание касается моего уха, и долбаные слёзы обжигают глаза. Я прячу лицо в её шею и вдыхаю её неповторимый запах. Эмили обнимает меня за талию, и её ладони проскальзывают в мои задние карманы. Так мы и стоим под снегом, пока я не начинаю чувствовать, что моя футболка намочена. Я поднимаю её лицо, чтобы посмотреть на неё.

— Я так рад, что ты дома. — Я говорю вслух, потому что не хочу убирать от неё руки.

— И я, — отвечает она. Одинокая слезинка бежит вниз по её щеке. Я стираю её подушечкой большого пальца.

— Ты вернулась? — спрашиваю я.

Она кивает, поворачивая голову, чтобы поцеловать мою ладонь.

— Надолго?

— Навсегда. — Она улыбается. Боже, этой улыбкой она может свести меня с ума.

— Обещаешь? — В моей груди бешено стучит сердце.

Эмили кивает и рисует крест на груди.

— Клянусь.

— А твой отец?

Она качает головой.

— Сейчас я не хочу говорить о своём отце.

— Я не переживу этого снова, если ты опять уйдёшь. — Я проглатываю ком в горле.

— Ты сможешь уйти со мной домой? — спрашивает Эмили.

Если прямо сейчас я отведу её домой, то мы не сможем поговорить, потому что я

накинусь на неё.

— Давай съедим по пирогу, — говорю я.

Её лицо мрачнеет.

— Ты злишься на меня.

— Девочка, я люблю тебя до безумия! Как я могу на тебя злиться? — Я вбираю взглядом её лицо, от изгиба губ до почти чёрных в ночи глаз.

Она сжимает мои руки.

— С Мэтом всё хорошо?

Я киваю.

— Благодаря тебе — да.

Она выдыхает, словно где-то внутри неё из воздушного шарика выпускают воздух.

— Что будем делать? — спрашивает Эмили.

— Съедим по пирогу, — говорим мы одновременно. Я беру её за руку и веду в ресторанчик, где мы впервые вместе пообедали. Пирог — это безопасно. Пирог — это хорошо. Пирог позволит мне купить достаточно времени для того, чтобы убедиться, что она по-прежнему любит меня так же сильно, как я её.

Эмили

— Наверное, мне не стоит спрашивать, ела ли ты сегодня, — шутит Логан. Когда мы только познакомились, он постоянно чувствовал необходимость накормить меня. Еда была редким событием, но я всегда справлялась.

— Я слишком нервничала, чтобы поесть, — признаюсь я, положив руку на живот, который внезапно заурчал. Хорошо, что он не может услышать.

— Почему нервничала? — спрашивает Логан, садясь на диванчик в отдельной кабинке. Иногда он забывает, что не показывает жеста, и пользуется минимальным набором слов. Но мне всё равно.

Я открываю рот, чтобы сказать ему, это из-за того, что я боялась, что он ненавидит меня, но к столику подходит Энни, официантка, и спрашивает:

— Вам принести меню?

Логан качает головой и указывает на меня. Он будет то же самое, что и я.

— Два куска яблочного пирога и два рутбира, — говорю я.

Она кивает и щёлкает жвачкой.

— Ты выглядишь жутко знакомой, — говорит она, прищурившись.

Логан берёт салфетку и вытаскивает из кармана маркер. У него всегда найдётся что-нибудь, чем можно писать. Он очень медленно выводит слова «моя девушка». Скорость, с которой он пишет, и пространство между буквами позволяют мне прочитать их. Потом он показывает на меня.

Брови Энни взлетают вверх. Она скептически кривит губы, но потом пожимает плечами и уходит.

— Почему ты не говорил с ней? — спрашиваю я. — У тебя же есть голос.

— Я не говорю со всеми подряд.

— Ммм-хмм, — мычу я. — Порой я думаю, что тебе нравится твой молчаливый мир.

— Он мне по душе до тех пор, пока ты тоже там. — Логан берёт мою руку в свою и проводит своим большим пальцем по моей коже. Перевернув мою руку, он внимательно разглядывает татуировку. Потом поднимает глаза на меня.

— Ты уже знала, что уйдёшь от меня, когда сделала её.

Я понимала, что этих вопросов не избежать. И на них следует ответить.

— Да, я уже позвонила папе и сказала, что вернусь домой, если он позаботится о Мэте.

Он проводит пальцем от моего запястья до локтя, и волоски на моей руке становятся дыбом, когда Логан следует по очертаниям букв своего имени. Это не изысканная татуировочка. Она занимает почти всё место на внутренней стороне моего предплечья.

— Ты позвонила своему отцу из больницы, в тот день, когда сказали, что Мэту не на что надеяться.

Я киваю.

— Они сказали, что у него мог бы быть шанс при наличии необходимой суммы. А у меня был доступ к такой сумме.

Он морщит лоб.

— Почему ты мне ничего не сказала? Оставила меня, чтобы я проснулся в одиночестве и увидел, что тебя нет.

— А ты бы позволил мне уйти?

Он проводит рукой по лицу, как будто бы устал.

— Я не знаю.

— Я не хотела спорить с тобой на эту тему. Нужно было выбирать: либо жизнь Мэта, либо моя свобода. — Я пожимаю плечами. — Я и выбрала жизнь Мэта.

Голубые глаза Логана пронзают меня насквозь, он наклоняется вперёд и обхватывает ладонью мою шею. Придвигает меня ближе. Его дыхание нежно касается моих губ, и мы сливаемся в поцелуй. Не знаю, чего я ждала, но точно не этого. Логан проводит языком

вдоль моих губ, и я приподнимаюсь, чтобы ещё ближе прижаться к нему, встаю на колени, чтобы перегнуться через стол. Его язык бархатистый и шершавый. Когда он отстраняется, я задыхаюсь.

— Не покидай меня снова, — говорит он.

— Не покину.

Логан сжимает меня за шею, очень быстро целует и садится на место. Мне хочется пересесть рядом с ним, чтобы я могла касаться его, но тогда ему трудно будет видеть мои губы. Я похлопываю его по руке, чтобы он посмотрел на меня.

— Я хочу показать тебе кое-что.

Он поднимает брови и игриво двигает ими.

— Лучше бы тебе быть готовой к тому, чтобы показать мне всё.

Я чуть не поперхнулась. Это я покажу ему позже.

— Спроси меня о чём-нибудь на языке жестов.

Когда я ушла от него, то знала лишь азы. Я даже могла кое-что понимать, но не всё. И пока мы были в разлуке, я ходила на курсы. Теперь я могу свободно общаться на языке жестов.

Логан, прищурившись, смотрит на меня и начинает показывать жестами:

Занятия в университете начались с понедельника.

Мои занятия в Джульярде начинаются со следующего понедельника.

Он широко улыбается.

Неплохо. Практиковалась?

Ходила на курсы.

У него отвисает челюсть.

Ради меня?

Нет, дурачок. Ради себя.

Он снова ухмыляется. В его семье «дурачок» — это выражение привязанности. Там пользуются и другими словами, в которых нет и намёка на нежность, но все они до безумия любят друг друга.

Мои братья захотят увидеть тебя, особенно Мэт.

Я киваю.

Я бы тоже хотела с ними увидеться.

Я беру его руку в свою и переворачиваю запястье, чтобы увидеть свою татуировку на его коже. Этот рисунок я нарисовала, когда чувствовала себя отчаявшейся и потерянной. Он набил его себе на внутреннюю сторону запястья, добавив замочную скважину — чтобы у меня был выход. И поэтому на моей руке теперь красуется ключ. Я провожу пальцем по его татуировке. Она прекрасна. Как и он сам.

Логан ёрзает на месте и поправляет ширинку. Я вопросительно поднимаю бровь.

— Что-то не так? — спрашиваю я его вслух, потому что не хочу отпускать его руку.

— Нет, за исключением того, что я чертовски возбуждён. — Он смеётся, когда моё лицо вспыхивает. — Давай поговорим про снег или про замёрзшую реку, потому что иначе мне ни за что не встать отсюда.

Энни ставит между нами две тарелки с пирогами и два стакана рутбира. Логан ухмыляется ей. Я благодарю её, пытаюсь отвлечься. Мне нужно спросить Логана об одной вещи. У меня нет никаких прав на это, и, вообще-то, это даже не должно меня волновать, но я должна узнать.

Логан поднимает пальцем мой подбородок.

— Что случилось? — спрашивает он.

— Логан, — начинаю я и делаю глубокий вдох. — Я ушла от тебя. И я пойму, если ты решил двигаться дальше. Мне просто хочется быть уверенной в том, что ты хочешь меня сейчас, начиная с этого момента. Это не моё дело, что ты делал и с кем встречался после того, как я ушла.

Слёзы жгут глаза. Я прощаю ему всё, что он мог сделать, но плохо справляюсь с этой

задачей.

— Что за хрень, Эмили? — спрашивает Логан, бросая на стол салфетку. — Давай, задай мне этот вопрос.

Он пристально смотрит на меня, и внутри меня всё съёживается под этим взглядом.

— Спроси, трахался ли я с кем-нибудь после того, как ты ушла от меня. Ты ведь это хочешь знать, так?

— Нет. Я пытаюсь сказать... — Дерьмо. Я сама не знаю, что говорю. — Если так и было, то я сама толкнула тебя на это.

Я тяжело вздыхаю и закрываю глаза. В его взгляде слишком много страстей.

Его голос звучит тихо, но чётко, и проникает в меня сквозь закрытые веки.

— С той ночи, как я занимался с тобой любовью, я не трахал никого. — Он с силой опускает ладонь на стол. — Ты правда думаешь, что я мог вот так взять и перестать любить тебя?

— Были ли секс и любовь равнозначны для тебя раньше, Логан? — Я открываю глаза, и он кажется ошарашенным.

— Нет, пока я не встретил тебя, — признаётся он и немного расслабляется. — Последняя девушка, внутри которой я был, это ты, Эм. Ты. И только ты.

У меня замирает сердце.

— И у тебя никого не было? Всё это время?

— Как кто-то мог быть, моя гениальная маленькая дурочка? — спрашивает он, смягчая тон на последнем слове, потому что как-то он уже ранил им мои чувства. Из-за дислексии мне тяжело читать, а люди могут быть очень жестокими.

— Сошло бы и просто «дурочка», — тихо говорю я, но сквозь слёзы уже пробивается улыбка.

— А ты? — спрашивает он, напряжённо вглядываясь в меня.

У меня на сердце так полегчало, что я едва могу вспомнить, о чём мы вообще говорили.

— А что я?

— Ты спросила, был ли я тебе верен, — напоминает Логан.

— Вообще-то, я не спрашивала. Я лишь говорила тебе, что поняла бы, если бы ты с кем-то был. Ты ведь даже не знал, вернусь ли я.

— Я знал. Но поступил бы точно так же, не знай я ничего. — Он прищуривает глаза. — Ты избегаешь ответа на мой вопрос?

— Какой вопрос?

— Чёрт, Эмили. — Он ударяет ладонью по столу. — Трахалась ты с кем-то ещё или нет?

Люди за соседними столиками смотрят в нашу сторону, и я прикладываю палец к губам.

— Убавь-ка громкость, — говорю я.

Он спрашивает, теперь уже тихо:

— Так что?

Я кладу руку на свою грудь.

— Боже, да нет же! — выдыхаю я. Как ему вообще такое в голову взбрело?

— Мне попадались твои фотографии с прежним бойфрендом. Много фотографий. — Его взгляд снова впивается в меня.

— Это устроили пиарщики моего отца. Им хотелось, чтобы все думали, будто мы по-прежнему счастливые жених и невеста. — Я даже ничего не знала об этом до тех самых пор, пока не отправилась на первое мероприятие. Трип подошёл ко мне. И фотографии, как безумные, начали делать снимки. — Прости, что тебе пришлось их увидеть и беспокоиться на этот счёт.

— Ты не помолвлена с ним, да? — От волнения он сдвигает брови, и мне очень стыдно за то, что ему пришлось из-за меня пережить.

— Нет. Ещё с тех самых пор, как впервые уехала из Калифорнии.
— И он об этом знает? — спрашивает Логан.
— Прекрасно знает. — Он знает. Не уверена, есть ли ему до этого дело, но он знает.
— Он знает, что я влюблена в тебя.
Логан невинно улыбается.
— Он знает обо мне?
— Он знает всё о тебе. — Я беру его за руку. — Я люблю тебя, Логан.
— Отлично. Потому что, как только ты мне позволишь, я собираюсь надеть кольцо на вот этот палец, — он подносит мой безымянный палец к своим губам и нежно его целует.
Моё сердце гулко стучит.
— Кольцо?
Он кивает.
— Кольцо.
— А ты можешь сделать мне его татуировку? — в порыве спрашиваю я. — Потому что я собираюсь никогда его не снимать.
Логан улыбается.
— Я подумаю.
Он указывает на мой пирог.
— Ешь. Я глухой, а слышу, как урчит у тебя в животе. Представь, как сильно ты коробишь остальных. Им лишь хочется доесть свой суп, а твой желудок рычит как мотор грузовика.
— Откуда ты знаешь, как звучит мотор грузовика? — Я смеюсь. До безумия соскучилась по нему.
— Тогда назови ещё что-нибудь громкое и стонущее? — спрашивает он.
— Ты, чуть позже.
Он застывает.
— Доедай свой долбаный пирог.
Я подношу к губам вилку со здоровым куском пирога.
Я дома.

Логан

Наши с Эмили ладони крепко сжимают друг друга, и это хорошо — потому что я ни за что не хочу её отпустить.

— Ты можешь пойти ко мне домой? — спрашивает она, уже во второй раз. Снегопад усилился, и как только мы выходим за дверь закуской, её волосы сразу же покрывают белые снежинки. Я стаскиваю с себя худи и, надев на неё, надвигаю на её голову капюшон. Намотав одну прядь её волос на палец, позволяю шелковистому локону соскользнуть с него. На мне лишь термофутболка с длинными рукавами и джинсы. Я втягиваю голову в плечи из-за встречного ветра.

Эмили поднимает ворот моей толстовки к своему носу, чтобы понюхать.

— Возможно, ты никогда не получишь это обратно, — предупреждает она.

— Да и ладно.

Я счастлив уже только от того, что она здесь.

— Ну так что, ты хочешь поехать ко мне домой? — спрашивает она. Её голова чуть склоняется набок, как у пытливого щенка. В её взгляде вопрос и недопонимание.

— Где дом? — спрашиваю я.

— У меня квартира в нескольких километрах отсюда.

— Почему так далеко? — спрашиваю я.

Она пожимает плечами.

— Её выбрала мама. Она находится рядом с кампусом.

— А может, мы лучше пойдём ко мне? — спрашиваю я. Уверен, моим братьям хочется с ней повидаться. Они скучали по ней почти так же сильно, как я.

Эмили качает головой.

— Нет, пусть лучше ты весь будешь мой.

— Ты живёшь одна? — Не думаю, что это безопасно.

Она кивает и тянет меня за пальцы.

— Пойдём со мной.

Эмили вытягивает руку, чтобы остановить такси. Когда машина подъезжает, она вопросительно смотрит на меня.

— Хорошо. — Я помогаю ей забраться в такси, поддерживая рукой за поясницу, а затем усаживаюсь сам. Она на одном дыхании выговаривает адрес, но в темноте мне не видно её губ.

Эти её «несколько» километров оказываются всеми тридцатью, а я наблюдаю, как крутится и крутится счётчик. Не знаю точно, сколько денег осталось у меня в бумажнике. Дерьмо. Это плохо.

— В следующий раз поедем на метро, — бросаю я, проводя ладонью по лицу.

— Но не когда так поздно! — усмехается она.

— Я сумею тебя защитить. — Я поднимаю её подбородок. — Та Эмили, что ушла от меня, была бесстрашной. Что случилось?

— Та Эмили, что ушла от тебя, была бедна, как церковная мышь. У меня не было другого выбора — только передвигаться на метро, в любые ночные часы. Теперь мне это не нужно.

Она смотрит в мои глаза.

Я киваю. Иногда я забываю, что она из богатых. А я нет. Раньше мы были равны, но не сейчас.

Эмили поднимает руку и подушечкой большого пальца разглаживает морщину между моих бровей. И я понимаю, что нахмурился. Я сжимаю её руку, чтобы успокоить.

Её запах обволакивает меня, и мне хочется уткнуться лицом в её волосы и вобрать её в себя. Эмили такая чертовски красивая и пахнет так охрененно, что я, не в силах справиться с собой, перебрасываю её ноги через свои, так что она почти сидит у меня на коленях. Её голова опускается на моё плечо, и она утыкается в меня носом, её макушка

упирается в мой подбородок. Я снова вдыхаю её аромат и наслаждаюсь ощущением того, что она в моих объятиях.

Я задираю края её рубашки, и мои руки скользят по её коже. Она ойкает и, стиснув мою руку, прижимает её к своему животу.

— У тебя руки замёрзли, — говорит она сквозь смех.

— Знаю, — соглашаюсь я. — А ты тёплая. Так что согрей меня.

Если честно, сейчас я охвачен жаром настолько, что мог бы взорваться. Её попа покоится на моём бедре, и мне так сильно хочется оказаться внутри неё, что это можно почувствовать. Эмили отпускает мою руку и направляет её выше. Я вижу, что водитель наблюдает за нами в зеркало заднего вида, и опускаю руку обратно. Она стонет — вибрации от этого звука отдаются в её животе.

— Терпение, — поддразниваю я.

Такси наконец останавливается, я вытаскиваю двадцатку и протягиваю её водителю. Извини, чаевых не будет. Теперь мой бумажник совершенно пуст, ибо мне пришлось заплатить за ужин и за такси. Хорошо ещё, что хватило тех денег, что были.

Я останавливаюсь и поднимаю взгляд на здание, где она живёт. Оно совсем не похоже на то, где живу я. Его стены — сплошь глянцевое стекло, а из парадного входа навстречу нам, держа в руках зонт, спешит консьерж.

— Добрый вечер, мисс Мэдисон, — говорит он, защищая её голову от снега.

— Добрый вечер, Генри, — отвечает Эмили. Она улыбается ему, и старик улыбается ей в ответ ещё более широкой улыбкой. — У вас был хороший день?

Его улыбка становится ещё больше, и он отвечает:

— И он стал ещё лучше, когда я увидел вас вновь.

Эмили хлопает его по плечу.

— А вы неисправимый любитель пофлиртовать, Генри? — дразнится она. Его лицо краснеет.

— Моя жена выставит меня из дома, мисс Мэдисон, если я осмелюсь флиртовать с одинокой женщиной.

— Сколько лет вы уже женаты, Генри? — спрашивает Эмили.

Он почёсывает подбородок.

— Лет так тридцать шесть?

— Вы меня спрашиваете? — шутит Эмили.

Он качает головой и открывает перед ней дверь.

— Это было в тысяча девятьсот семьдесят восьмом. Просто я уже не могу так быстро считать в уме.

Эмили останавливается в дверном проёме и кладёт руку на моё предплечье.

— Генри, это мой друг, Логан Рид.

Она говорит и одновременно показывает жестами, и Генри осматривает меня с ног до головы. Но тут он протягивает мне руку, когда я протягиваю свою. Мы жмём друг другу руки и мне нравится его крепкое пожатие.

— Генри, — просит Эмили, — вы не могли бы проследить, чтобы Логану тоже сделали ключ? И чтобы он был в списке тех, кто может свободно заходить в дом?

Генри хмурится.

— Вы уверены, что ваш отец это одобрит? — спрашивает он.

Эмили переводит мне всё, что он говорит. Вообще-то, мне не так уж это и нужно, только если консьерж отвернётся.

— Я уверена, что он не одобрит, — со смехом отвечает Эмили. Она обвивает свою руку вокруг моей руки. — Но я собираюсь выйти замуж за этого мужчину.

Генри поднимает брови.

— Вас можно поздравить?

Эмили склоняется в его сторону, как будто хочет поведать ему некую тайну, но я с лёгкостью могу читать по её губам.

— Формально, он ещё не просил моей руки, но я сообщаю о своих планах, чтобы он знал о моих чувствах.

Генри улыбается.

— Понятно.

Потом он обращается ко мне:

— Она в мгновение ока наставит тебя на путь истинный. — Он указывает на Эмили.
— Посмотри на неё. Она шикарная девушка!

— Она моя, — говорю я, обнимая Эмили. — Так что вам не на что рассчитывать.

Я улыбаюсь ему и смотрю в карие глаза Эмили. Она подмигивает мне. Боже, какая она красивая!

— Если бы я был моложе, то тебе пришлось бы сражаться со мной за неё, — предупреждает Генри. Но потом он усмехается, смотрит на Эмили и подмигивает. — Я прослежу, чтобы изготовили ключ. И добавлю его в список.

Эмили просит его:

— Генри, а как по-вашему, стоит ли нам говорить моему отцу о ключе для Логана?

Он поджимает губы, а потом качает головой.

— О каком ключе?

Она ухмыляется, но моё сердце сжимается. Эмили не хочет, чтобы её отец знал, что у меня есть разрешение приходить к ней? Что за хрень?

Генри оценивающим взглядом осматривает мои татуировки. Не уверен, что он одобряет их, но, вообще-то, мне всё равно. Я закатываю рукава футболки повыше, чтобы он мог увидеть остальные. Почему бы ему не иметь полное представление обо мне, прежде чем он решит, достоин ли я Эмили или нет. Я трудолюбивый мужчина, что любит искусство, а ещё я люблю эту девушку. Это всё, что ему нужно знать.

— Спасибо за помощь, — говорю я.

Я не сопротивляюсь Эмили, которая тащит меня в сторону лифта. Она машет Генри, он машет ей в ответ, вспыхнув от смущения.

В лифте я прислоняюсь к стене и скрещиваю ноги.

— Почему ты не хочешь, чтобы твой отец знал обо мне?

Она краснеет.

— Я хочу, чтобы он знал всё о тебе, дурашка, — говорит она и тут же широко улыбается. — Я лишь не хочу, чтобы он знал, что ты со мной спишь.

— Сплю? — переспрашиваю я, двигая бровями. — Сомневаюсь, что у нас останется время на сон.

Двери открываются, и Эмили выходит, таща меня за собой, но вот оборачивается ко мне:

— А как тебе идея встретиться с моими родителями? — спрашивает она. — Они ещё в городе.

Я останавливаюсь, пока Эмили открывает двери, а потом цепляюсь рукой за верхний брус дверной рамы, когда она входит внутрь.

— Ты хочешь, чтобы я встретился с твоими родителями? — Я не был уверен, захочется ли ей этого.

Эмили бросает ключи на столик у входа, запирает за нами замок, а затем вводит код на панели у двери. Её волосы скрывают половину её лица, и я отбрасываю их назад.

— Эм, — тихо спрашиваю я, — ты хочешь, чтобы я встретился с твоими родителями?

Она тяжело вздыхает. Я чувствую этот вздох на своём подбородке.

— Я хочу, чтобы мои родители встретились с тобой. Просто не уверена, хочешь ли ты с ними встречаться?

Эмили снова вздыхает, на этот раз с некоторым раздражением.

— Мой папа может немного... смотреть на других свысока. И я боюсь того, что он тебе скажет. — Она качает головой. — Вот и всё.

Её глаза впиваются в мои.
— Это из-за него. Не из-за тебя.
— Значит, ты не хочешь, чтобы я с ними встречался. — Я позволяю рукам упасть
вдоль тела.
— Нет, — поспешно говорит она. — Я хочу, чтобы ты с ними встретился.
— Когда? — Мне нужно это знать.
Она пожимает плечами и морщится.
— Завтра?
На моих губах играет ухмылка.
— Правда?
Она улыбается.
— Правда. — Эмили проводит рукой по моей футболке. — Ты промок. Лучше бы
тебе снять её.
Ей не нужно просить меня дважды. Я подхватываю край футболки сзади и стягиваю
её через голову. Под футболкой на мне ничего нет.
Эмили застывает на месте, пялясь на мою грудь.
— Боже, вы только поглядите на это! — Она облизывает губы.
— Если тебе они нравятся, — шучу я, показывая на татухи, покрывающие мою грудь
и плечи, — то погоди, пока не увидишь ту, что на моей заднице. Она из-за тебя.
— Ты сделал тату на заднице ради меня? — спрашивает Эмили.
Я киваю.
— Хочешь посмотреть? — дразню я.
— Ещё как, чёрт возьми!

Эмили

Но вместо того, чтобы снять штаны и показать мне свою задницу, Логан медленно подходит ко мне, прищурился глаза и закусил нижнюю губу. Его руки решительно ложатся по обе стороны от моей головы, и он наклоняется к моему лицу, так близко, что я чувствую, как его дыхание щекошет моё ухо. Логан нежно прижимается губами к моему лбу и, закрыв глаза, делает глубокий вдох.

Я тянусь к нему, кончиками пальцев пробегаю по его обнажённой груди. Но он, простонав, поднимает мои руки над моей головой и прижимает их к стене.

— Ты дрожишь, — говорит он, переплетая наши пальцы.

Я судорожно выдыхаю, и Логан смеётся.

— Почему дрожишь, Эм? — тихо спрашивает он. Затем склоняется ко мне. Его зубы ловят верхнюю пуговицу моей рубашки и осторожно высвобождают её из петельки. Рубашка распаивается, обнажая кружевную отделку моего лифчика. Зубы Логана справляются с каждой пуговицей, пока все они не расстёгнуты, и я втягиваю в себя живот, когда его язык устремляется в ямочку пупка. Логан поднимает на меня глаза и ухмыляется.

— Почему дрожишь? — снова спрашивает он.

— Потому что ты здесь, — признаюсь я и прислоняюсь головой к стене. Мои руки по-прежнему зажаты над моей головой, но Логан сдвигает их вместе и теперь удерживает их за запястья одной ладонью. Указательный палец его свободной руки цепляется за лифчик и тянет вниз, и внезапно моя грудь оказывается на свободе, приподнятая чашечкой собравшейся снизу. Сосок напрягается из-за прохладного воздуха, и Логан облизывает губы.

— Пожалуйста, — выдыхаю я, выгибая спину. Но он меня игнорирует. Не уверена, что он вообще понимает, как сильно я жажду его прикосновений.

Быстрым рывком он расстёгивает мои джинсы, и молния медленно расползается вниз, громкими «клик, клик, клик» перекрывая звуки нашего дыхания и моего сердцебиения. Его рука опускается под резинку трусиков и накрывает мой холмик. Но он не шевелится, даже когда я двигаю бёдрами, пытаюсь заставить его руку скользнуть ниже. *Боже, пожалуйста, касайся меня!*

Но нет, рука Логана остаётся неподвижной, даже когда его рот накрывает мой. Поцелуй такой же нежный и осторожный, как и его ладонь. Мой клитор пульсирует, словно так мы сможем соприкоснуться, потому что сам Логан не сокращает дистанцию. Я ворчу в его губы. Он поднимает голову и смотрит на меня, языком продолжает ласкать мою нижнюю губу, проводя вдоль неё и проникая в мой рот. Затем он отстраняется, самоуверенно ухмыляясь.

— Что-то не так?

Его веки полуопущены, как у сонного. Но я-то знаю, что ему не до сна. Он настороже... и ждёт меня.

Тяжело вздохнув, я закусываю губу.

— У меня заняты руки, так что я не смогу её вытащить, — говорит он и, смеясь, открывает мой рот своим языком и засасывает мою нижнюю губу. Я больше не могу. Это выше меня.

— Лучше? — спрашивает он.

Я позволяю голове со стуком прислониться к стене.

— Нет, не лучше.

Я стою в своей гостиной с распахнутой рубашкой, моя грудь выставлена перед ним на полное обозрение, его ладонь лежит на моих трусах и... ничего.

— Ты такой осёл, — не всерьёз огрызаюсь я. Мои соски так набухли, что болят. Он же остаётся совершенно невозмутимым.

— Ты хочешь меня, да? — спрашивает Логан, хмуря брови.

— Нет, — вру я.

Тогда он пальцем скользит под трусиками, между моих губ, и я с шумом выдыхаю. Но Логан вытаскивает руку, больше не касаясь моего клитора. *Одно прикосновение? И всё?*

Он отпускает мои руки, чтобы снять рубашку. Потом разворачивает меня лицом к стене и расстёгивает лифчик, позволяя ему упасть на пол рядом с нами. Его ладони проникают под пояс джинсов и спускают их вниз, вместе с трусиками.

— Без Бетти Буп? — спрашивает Логан. Раньше я носила трусики с изображением Бетти Буп. Но «Мэдисон-Авеню» не производит бельё с персонажами мультиков.

Логан останавливается, чтобы снять мою обувь, а затем стягивает с меня джинсы и трусы. Его губы касаются места под коленкой, и от этого прикосновения у меня начинает кружиться голова. Прошло так много времени.

Логан разворачивает меня, и я не теряю ни секунды. Подпрыгнув, я обвиваю его ногами.

— Где кровать? — спрашивает он, усмехаясь мне в губы.

До кровати слишком далеко. Диван ближе.

— Диван, — говорю я. Но ему не видно было моих губ, поэтому я указываю в нужном направлении.

Он садится, я — верхом на его коленях. Мне приходится приподняться, чтобы справиться с пряжкой на его ремне. Логан не мешает, с каким-то радостным удивлением наблюдая за моими неуклюжими, лихорадочными движениями. Он твёрдый под ширинкой, и если мне всё-таки удастся расстегнуть её, то он окажется внутри меня. Логан поднимает бёдра, когда я наконец-то справляюсь с пуговицей и молнией, и спускает джинсы. Чуть-чуть. Потому что я ему мешаю.

— Эм, — говорит Логан, когда я устраиваюсь на нём. Он поднимает мой подбородок. — Нам нужен презерватив?

Боже! Он и об этом подумал. Ему цены нет!

— В последний раз мы обошлись без него, — напоминаю я ему. Как и до этого.

— Тогда ты говорила, что всё в порядке, — в свою очередь напоминает мне Логан. Он берёт в ладонь свой член и трётся им о мою щёлочку, задерживаясь на клиторе. — А теперь?

— Я не могу думать, когда ты так делаешь, — говорю я ему, пытаюсь подсчитать дни. Месячные кончились совсем недавно, но тут я вспоминаю, что принимаю таблетки. Мама сводила меня к врачу, как только я приехала домой. Но сейчас мне не хочется думать о маме. Я хлопаю Логана по плечам и подсакиваю на его коленях.

— Всё в порядке.

Как только эти слова срываются с моих губ, он тут же направляет себя к моей щёлочке, берётся за мои обнажённые бёдра и опускает меня на себя. С громким стоном Логан медленно проникает в меня, глядя мне в глаза.

— Боже, я тебя люблю.

У меня сводит живот, в хорошем смысле, от неприкрытых чувств, отражающихся на его лице. Он наклоняется вперёд и отодвигает меня назад, подстраивая наши тела друг под друга. Я откидываюсь, опираясь руками на его колени, выпячивая грудь вперёд. С безумным блеском в глазах, Логан очерчивает языком мой сосок, а затем быстро вбирает его в рот и глубоко всасывает разбухшую плоть. Он стягивает свои джинсы к лодыжкам, скидывает ботинки и шевелит ногами, пока его штаны и боксеры не падают на пол. Потом он перекачивает меня на бок, затем — на спину, положив на диван и осторожно поддерживая рукой. Всё это время его член остаётся внутри меня. Если бы он вытащил его сейчас, я бы закричала.

Логан нежно откидывает волосы с моего лица.

— Мне нравится, когда ты сверху, но ты слишком торопишься, — говорит он и, глядя мне в глаза, ждёт моего согласия.

Мы занимались любовью лишь дважды, и оба эти раза были в одну и ту же ночь — ночь накануне моего ухода. Но сейчас у меня такое ощущение, как будто он занимался со

мною любовью всю жизнь. Я доверяюсь ему всем сердцем, отдаю целиком и полностью. Я киваю и притягиваю его голову к себе. Он целует меня, одновременно начав медленно двигаться между моих бёдер, и я раздвигаю ноги пошире. Логан разводит мои бёдра, подхватывает ладонью мою попу и входит глубже. Моё дыхание становится сбивчивым, когда он скользит туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда. Его лицо опускается к моей груди, и он уделяет соскам столько же внимания, сколько до этого — губам.

— Боже, Эм, — говорит Логан, тяжело дыша. — Похоже, нам придётся снова ускориться.

Он закрывает глаза, сжимает губы.

— Я хочу кончить в тебя.

Его голубые глаза открываются, и он смотрит на меня сквозь дымку страсти. Я едва могу думать, говорить — и того меньше. Логан поднимает мою ногу и прижимает её к моей груди, перенося на неё свой вес, и наша поза внезапно меняется. У меня перехватывает дыхание. Я утыкаюсь лицом в его предплечье, оно совсем рядом, и прикусываю его запястье. Он усмехается.

— Нравится? — спрашивает он. Логан чуть приподнимается и смотрит вниз, туда, где мы соединяемся в одно, прижимая мою ногу к своей груди. Его движения медленные и глубокие. Но вдруг он увеличивает темп, отчего у меня перехватывает дыхание. Потом опять замедляется. И снова ускоряется.

— Господи, Логан, — выкрикиваю я. — Перестань меня мучить.

Я открываю глаза, и наши взгляды встречаются.

— Будь терпеливой. Я о тебе позабочусь, — бухтит он.

Логан наблюдает, как наши тела соединяются, и он касается моего входа своим пальцем, сжав его в кольцо вокруг своего члена.

— Такая тесная, — выдыхает он.

Мне ещё никогда и ни с кем не приходилось разделять столь интимные моменты. Никогда. И я знаю, что мне больше ни с кем не придётся испытать ничего похожего, только с ним. Это больше, чем секс.

Логан наклоняется, накрывая моё тело своим, его бёдра быстро двигаются, загоняя в меня его член. Я хватаюсь за него, потому что иначе, боюсь, разобьюсь вдребезги. Он чуть отстраняется, его рука скользит между нашими телами. Логан касается моего клитора, его палец влажный от того, где тот только что был. И он проводит им по мне. Раз. Второй. Третий. И тут я, громко вскрикнув, всё-таки разбиваюсь на осколки.

Логан отпускает мою ногу, которая падает обратно на диван. Но это ещё не конец. Он массирует мой клитор до тех пор, пока моё тело не перестает дрожать, пока я уже не в силах выносить эту пытку. Я выдёргиваю его руку, постанывая и качая головой. Снова оказавшись во мне, он урчит в моё ухо, кончая в меня, сотрясаясь в оргазме.

Логан без сил падает на меня, тяжело дыша. Мои глаза закрыты, потому что у меня не осталось сил, чтобы поднять веки. Но я чувствую, как его нежные руки приподнимают мою голову, чтобы мы оказались лицом к лицу.

— Посмотри на меня, — требует он. В его голосе звучит сомнение. — Мне нужно услышать от тебя, что всё будет хорошо.

Не знаю, о чём он. Ведь я же вернулась. Я качаю головой.

— Всё в порядке.

Он изучает моё лицо.

— Ты обещаешь? — Логан напряжённо хмурится. — Ты уверена?

Я толкаю его в плечо, чтобы он немного привстал с меня.

— Уверена в чём? — спрашиваю я.

Он выходит из меня, а я чувствую себя мокрой и изнурённой. Руки и ноги у меня как ватные, и я едва могу соображать.

— Ты спрашиваешь, не собираюсь ли я снова тебя оставить?

Он кивает.

— И про другое тоже.
— Про что?
Он встаёт и... Боже мой, голый он просто неотразим! В одежде Логан тоже красив, но голый... это просто вау! Произведение искусства.
— Эм, блин, я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж, — говорит он.
Моё сердце делает кульбит.
— Что могу сказать, это самое ужасное предложение руки и сердца, — шучу я.
— Скажи мне, что это по-настоящему, — умоляет он меня.
Я беру его за руку и смотрю в голубые глаза.
— По-настоящему настолько, насколько только может быть.
Он ставит меня на ноги.
— Хорошо.
— Ты же останешься на ночь? — спрашиваю я. Лучше бы ему согласиться.
Он ухмыляется мне.
— А почему я должен остаться?
— Потому что, если ты уйдёшь, это ранит меня в самое сердце. — Я говорю искренне, и выражение его лица становится мягче.
— Конечно, я никуда не уйду, дурочка. — Это нежное обращение вызывает во мне нервную дрожь. Было время, когда такие слова причиняли боль, но не когда их произносит он.
— Хочешь принять душ? — спрашиваю я.
Он качает головой, утыкаясь своей щетинистой щекой в мою шею.
— Я планирую снова тебя измазать, — предупреждает Логан, многозначительно двигая бровями. — Пойду возьму полотенце из ванной, чтобы мы могли привести себя в порядок.
Он тянет меня за нос.
— Так ты будешь лучше спать.
Когда Логан поворачивается, я вижу слова, вытатуированные вдоль его бедра — «Меня зовут Эмили».
Это мой почерк, он словно взял записку и отсканировал её на свою кожу. Тогда я впервые сказала ему, как меня зовут. Написала своё имя, чтобы сделать ему сюрприз.
— Ты запечатлел мою записку на своей заднице.
— Я хотел, чтобы это воспоминание было со мной вечно, — говорит он. Его взгляд проникает в самое моё сердце, и у меня на глазах наворачиваются слёзы.
— Ты сделал её после того, как я ушла. — Нет нужды спрашивать. Я уже знаю ответ.
Он кивает.
— Любил тебя тогда. Люблю сейчас.
Я вытаскиваю из шкафа его футболку с логотипом группы «AC/DC». Перед тем, как пойти в клуб, я успела кое-что распаковать.
— Всё это время моя футболка была у тебя? — спрашивает Логан.
— Это не твоя футболка, — ворчу я. — Она моя.
Я забрала её с собой, когда уходила, и с тех пор спала в ней каждую ночь.
— А кто владеет, тот и прав, ну и всё такое, — говорю я. Он ухмыляется, пока я отбрасываю одеяла и залезаю в постель.
— Что это за постельное бельё? — спрашивает Логан, проводя большим пальцем по ткани.
Очень дорогое, вообще-то.
— Это просто постельное бельё.
Мне не хочется говорить о цене ткани, как и ни о чём другом. Я хочу лишь одного — быть в его объятиях. Когда его рука с мокрым полотенцем начинает двигаться к моей промежности, я её перехватываю.
— Я сама.

Логан какое-то мгновение крепко удерживает её.

— Мне нравится заботиться о тебе, — говорит он.

Моё лицо вспыхивает.

— Дай мне немного времени привыкнуть к тому, что ты рядом, ладно?

Этот уровень близости — нечто новое для меня. Я никогда не проходила через подобное.

Он щурит глаза.

— Тебе лучше побыстрее привыкнуть к этому. — Он хлопает по своей покрытой татуировками груди. — Я хочу, чтобы ты принимала меня таким, какой я есть.

Логан гораздо глубже, чем его видят люди. Мне просто хочется, чтобы он знал об этом так же, как я.

Он ложится и притягивает меня к своей груди. Его губы касаются моих волос. На мне лишь его футболка, на Логане нет вообще ничего. Он напрягается, и мышцы его живота сокращаются, когда я кладу на него руку. Простыни дёргаются. Я смотрю на прикрытую нижнюю часть его тела. Не могу ничего с собой поделать. Поднимаю простынь и заглядываю. Передо мной торчит головка его члена.

— Ты хочешь спать? — спрашиваю я.

Логан качает головой и переворачивает меня на спину. В мгновение ока он уже внутри меня, и я не могу пожелать большего умиротворения.

***

На следующее утро мой безмятежный сон внезапно прерывает телефонный звонок. Логан крепко спит, перекинув через меня ногу. Его рука так крепко меня обнимает, что мне приходится постараться, дабы выбраться из его объятий и дотянуться до телефона.

— Алло? — сонно бормочу я.

Логан поднимает голову и хмурится.

— Мисс Мэдисон? — спрашивает голос в трубке.

— Да? — Я приподнимаюсь на локтях и откидываю волосы с лица.

— Мисс Мэдисон, это Генри.

Я потираю сонные глаза.

— Ммм-хммм, — мычу в ответ. Моя голова падает щекой на подушку. Губы Логана тут же оказываются на моём виске.

— Мисс Мэдисон, — говорит Генри. — Думаю, вам стоит знать, что прибыли ваши родители. Они уже поднимаются вверх.

Логан

Эмили вскакивает на колени и с голой задницей ползёт по кровати. Боже, она прекрасна, пусть даже её волосы выглядят так, словно её засосало в фен, а на щеке отпечаталась складка простыни. Я трясую рукой. Она одеревенела из-за того, что на ней лежала Эмили. От кончиков пальцев до самых подмышек руку покалывает, словно булавками.

Что случилось? Я показываю жестами, когда снова могу чувствовать пальцы.

Родители здесь, показывает Эмили в ответ.

Она бросает телефонную трубку и бежит к шкафу.

Дерьмо. Её родители здесь? Я ожидал, что наша встреча произойдёт как-то по-другому.

Хватит просто так лежать. Эмили толкает мою ногу. *Одевайся.*

Она убегает в гостиную и, вернувшись с моей одеждой и ботинками, кидает это всё в меня. Я сбрасываю ботинки на пол с таким же выражением, с каким бы смахивал с лица жука.

Эмили закатывает глаза и выразительно смотрит на меня.

Я вскакиваю на ноги и начинаю одеваться. Мне и раньше приходилось бывать в курьёзных ситуациях, но эта — определённо не самая приятная. Не так я хотел с ними встретиться. Мне хотелось быть хорошо одетым, побритым и выглядеть как тот, кто достоин их дочери. Я надеваю через голову свою термофутболку и стискиваю зубы.

Вот херь. Думаю, мне придётся с этим как-то справиться.

Я быстро натягиваю джинсы, а Эмили мчится в ванную, чтобы расчесаться. Я одеваюсь вплоть до ботинок — пусть на мне будут и ботинки, когда я встречу с её родителями. Один из носков потерялся, но у меня нет времени его искать. Я иду вслед за Эмили в ванную, выдавливаю на палец немного зубной пасты, чтобы почистить зубы, и провожу им по зубам, а она улыбается мне поверх зубной щётки.

Я сплёвываю и полощу рот, Эмили делает то же самое. Она бросается к двери, но я обхватываю рукой её талию и притягиваю Эм к себе. Она едва сопротивляется, смеясь мне в губы.

Веди себя прилично, журит она меня.

Эмили достаёт кофейник, и я подставляю под кран чашку вместо кофейника, но тут же исправляюсь и, наполнив его, мчусь к кухонному столу. Открыв газету, перелистываю страницы до раздела с кроссвордом и быстро вписываю несколько слов, как если бы я уже какое-то время пытался его решить.

Карандаш зависает над газетой, когда в дверь входят родители Эмили.

Они когда-нибудь стучатся? Я общаюсь с ней жестами.

Она качает головой и морщится. *Слава богу, что Генри позвонил.*

Её отец поднимает брови, как только замечает меня за столом. И тут же пристально смотрит на меня, прищурив глаза. Его взгляд скользит по моим татуировкам, которые тянутся от шеи к запястьям. Мне никогда не хотелось прятать их, и, честно говоря, сейчас, когда он меня изучает, я хочу закатать рукава, чтобы он смог увидеть всё. Но что-то подсказывает мне, это вряд ли его впечатлит.

— Мама. Папа. — Эмили показывает в мою сторону. — Это Логан.

Затем она снова показывает на них. Её речь сопровождается жестами, но лучше бы ей перестать.

Её мама устремляется вперёд.

— Логан, дорогой! — Она восторженно приветствует меня. — Мы так много о тебе слышали!

У меня ёкает сердце от мысли о том, что Эмили говорила обо мне, пока мы были в разлуке. Может, она скучала по мне так же сильно, как я по ней.

— Очень рад с вами познакомиться, — говорю я, протягивая руку.

Но она обходит её и обнимает меня. Крепко, и отпускает не сразу. Затем миссис Мэдисон отступает, но её руки по-прежнему лежат на моих плечах. Она стискивает их.

— Боже, а ты тот ещё здоровяк, а? — Миссис Мэдисон улыбается и подмигивает мне. — Теперь я понимаю, почему Эмили так в тебя влюблена.

Моё лицо становится пунцовым.

Отец Эмили засовывает руки в карманы, покачнувшись на каблуках. Он кивает мне и, как мне кажется, бурчит что-то себе под нос. Не знаю, что именно, но уверен, что он что-то сказал. Что-то, что могло бы меня оскорбить, если бы я мог слышать.

Я протягиваю ему руку.

— Мистер Мэдисон.

Он нехотя протягивает руку и решительно сжимает мою ладонь. Я заставляю себя не отвечать на провокацию, когда его хватка становится жёстче в знак предостережения. Я терплю. Позволяю ему одержать верх — ведь он, на хрен, её отец. Мне это не нравится, но я смиряюсь.

— Логан пришёл с нами позавтракать, — поспешно говорит Эмили. Она кладёт свою руку поверх наших и разжимает пальцы отца. Он не сопротивляется. Я встряхиваю рукой от боли, когда мистер Мэдисон её отпускает.

Он внимательно разглядывает отпечаток на щеке Эмили и отсутствие макияжа.

— Уверен, так и есть, — говорит он.

Мама Эмили бросает на стол пакеты с разнообразной выпечкой и прочими продуктами для завтрака. Эмили начинает разбирать их, встав на цыпочки. Она ходит туда-сюда в носках, что тут же напоминает мне о том, что один из моих потерялся. Я иду в гостиную и вижу его торчащим из-под подушки на диване. Мне приходится поспешно засунуть его в карман толстовки. Миссис Мэдисон заходит в комнату вслед за мной и, улыбаясь мне, грозит пальцем.

— Ты ведь не собираешься уходить?

Ни за что на свете.

— Нет, миссис Мэдисон, — говорю я. — Просто искал кое-что.

Она с прищуром глядит на меня.

— Нашёл?

Думаю, она спрашивает о чём-то более значительном, чем моя пропажа.

Я откашливаюсь в кулак из-за внезапно образовавшегося комка в горле. С чего бы?

— Да, мэм.

Она вопросительно выгибает бровь, побуждая меня продолжать.

— Теперь, когда Эмили вернулась, у меня есть всё, что нужно. — Я смотрю ей прямо в глаза.

— Сохраняй мужество, — говорит она. Потом подмигивает мне, но тут же вздрагивает и смотрит на дверь.

Из-за угла выходит Эмили, прищурив глаза. Мистер Мэдисон стоит за её спиной, самодовольно ухмыляясь. Должно быть, кто-то постучал в дверь. Эмили спешит к ней, смотрит в глазок, отступает и бормочет что-то себе под нос. Мне сложно читать по её губам.

Эмили открывает дверь, и входит мужчина. На нём рубашка, галстук и ботинки, которые стоят больше моей месячной арендной платы. Он ставит свой дипломат, обменивается рукопожатием с мистером Мэдисоном и, повернувшись к Эмили, начинает двигаться в её направлении с распростёртыми объятиями. Я делаю шаг вперёд, чтобы встать между ними, но миссис Мэдисон хватает меня за руку.

— Не надо, — предупреждает она. — Это решится само по себе.

Эмили позволяет ему себя обнять, но сама не обнимает его в ответ. Вместо этого она с отвращением ёжится. Это греет мне сердце.

Она смотрит на меня поверх его плеча, и в её взгляде я вижу что-то, что не вполне понимаю. Жалость? Ко мне? Боится ли она, что я не смогу соперничать с этим мужиком? И, кстати, кто он такой, чёрт побери?

Я рисую круг вокруг своих губ, спрашивая её, кто он такой, но так, чтобы меня никто не видел. Эмили сгибает указательный палец в знаке для буквы «X». Так он её бывший? Это шутка такая?

В дверь только что вошло прошлое Эмили. И если судить по выражению его лица, ему больше не хочется оставаться прошлым. Он хочет большего.

Я смотрю на её отца, который, сложив руки на груди, ухмыляется мне. Ему тоже не хочется, чтобы этот мудила оставался в прошлом.

Отлично. Тогда я как следует надеру ему задницу. Только так ему суждено будет оказаться частью её будущего.

Я делаю шаг вперёд, сжимая и разжимая пальцы. По комплекции он ни в чём мне не уступает, но я готов поклясться, что он та ещё размазня.

Эмили

Это плохо. Очень плохо. Трип не должен быть здесь. Он должен быть в Лос-Анджелесе. Но он *здесь*.

Он подходит ко мне с таким видом, будто мы старые друзья. Будто несколько месяцев назад он не обозвал меня тупицей, и это помимо прочих грубостей. Будто я не сбежала от него из-под венца в Нью-Йорк, где встретила Логана. Будто я с удовольствием брошусь в его раскрытые объятия.

Трип обнимает меня, притягивая к себе слишком близко. Я толкаю его в грудь, сильнее и сильнее, пока он наконец не отпускает меня. Подходит Логан. Я отталкиваю Трипа и беру Логана под руку. Отбросив волосы с лица, спрашиваю сквозь зубы:

— Что ты здесь делаешь, Трип?

Логан сжимает пальцы в кулак и снова разжимает. У него такой вид, словно он хочет придушить Трипа голыми руками.

Логан смотрит на моего отца, в его глазах — насмешливое удивление.

— Вы ничего не сказали ей, мистер Мэдисон?

— Да всё никак не получалось, — отвечает папа с улыбкой. — Думаю, сейчас самое время.

Он показывает рукой Трипу, чтобы тот сам всё объяснил.

— Твой папа попросил меня на время переехать сюда. Ему не понравилось, что ты будешь здесь одна. — Трип смотрит на моего отца, будто нуждаясь в подтверждении. Отец кивает. Трип ухмыляется и вроде как снова хочет меня обнять, но Логан кладёт ладонь ему на грудь. Трип, сморщившись, смотрит на Логана, как будто почувствовал неприятный запах.

— А ты кто такой, чёрт подери? — Он смотрит на меня, повисшую на Логане, и, на секунду, у него отвисает челюсть. Трип спрашивает у всех: — Это он? Тот парень?

А потом громко смеётся.

Я чувствую, как напрягается рука Логана. Крепко сжав её, обращаю его внимание на себя, впившись ногтями ему в кожу. Он наконец опускает на меня взгляд, и я смотрю прямо ему в глаза и произношу одними лишь губами: «Я люблю тебя».

Он едва заметно кивает, и напряжение в его теле чуточку ослабевает.

— Так ты переезжаешь в Нью-Йорк? — спрашиваю я Трипа.

Тот переводит взгляд на папу, который кивает.

— Разве это не здорово?! — восклицает Трип. — Мистер Мэдисон хочет, чтобы я возглавил филиал в Нью-Йорке.

Я смотрю на папу, наблюдая за выражением его лица.

— У нас филиал в Нью-Йорке?

Папа улыбается.

— Теперь да.

— Так поздравь же меня, Эм! — радостно кричит Трип. — Разве ты не рада меня видеть, хотя бы чуть-чуть?

От него уже кружится голова, что вызывает тошноту.

— Ох, Ральф, — выдыхает мама, когда до неё доходит смысл происходящего. — Ты не мог.

Она проводит руками по лицу и издает стон. Потом смотрит на меня.

— Я понятия не имела. Мне очень жаль. — Она глядит на Логана с виноватым выражением лица.

У меня возникает ощущение, что будет ещё хуже. От этого внутри у меня всё сжимается, и сердце тяжело стучит в груди.

— Почему бы нам всем не присесть? — спрашивает папа. Он показывает маме сесть на диван, а Трип падает на кресло напротив. Я пихаю Логана в бедро, пока он наконец тоже не садится в кресло, а сама присаживаюсь рядом на краешке. Его рука обвивается вокруг

нижней части моей спины, ладонь ложится на бедро. Папа и Трип хмурятся, видя это. Я накрываю ладонь Логана своей, чтобы он её не передвинул.

— Что происходит, папа? — спрашиваю я и смотрю на Трипа, который ухмыляется.
— Зачем ты здесь, Трип?

Трип вскакивает на ноги и хлопает в ладоши.

— Я твой новый сосед! — восклицает он.

Рука Логана напрягается, и я смотрю на него, подняв палец, чтобы он проявил терпение.

— У меня нет соседа по комнате, — говорю я. — И я не хочу, чтобы он появился.

— Не могу поверить, что ты это сделал, Ральф, — говорит мама и тоже вскакивает на ноги. — Не могу поверить, что ты сделал это, даже не обсудив со мной.

Повисает тишина, и слышно лишь цоканье маминых каблучков по полу, когда она начинает мерить шагами комнату.

— Я не хотел, чтобы ты была в городе одна, — говорит мне папа. Он выглядит слишком довольным собой. — И тут мы поняли, что Трип может тоже переехать в Нью-Йорк, подумали, что это сыграет на руку вам обоим. В конце концов, у тебя две спальни. И теперь тебе не придётся быть одной.

— Я и не собиралась быть одна, — начинаю я. Рука Логана сжимает моё бедро. Я умолкаю.

Папа хмурится.

— И что именно это значит, Эмили? — спрашивает он.

— Я... — Я умолкаю, не зная, что говорить дальше. — Я... — Мой рот снова закрывается. — Проехали, — бормочу я.

— В Нью-Йорке очень опасно, Эм, — говорит Трип. Он по-прежнему улыбается. Как продавец подержанных авто. Или как акула, которая собирается откусить кусище от ничего не подозревающего купальщика. Он смотрит на Логана, будто тот олицетворяет собой таящуюся в городе опасность. — Никогда не знаешь, на кого можешь нарваться.

Я закатываю глаза к потолку и считаю до десяти.

Логан спокоен. Как-то слишком спокоен. Хотя натянут туже струн на моей гитаре.

— Ты как? — спрашиваю я его и одновременно показываю жесты.

Трип хлопает себя по лбу.

— О боже, — восклицает он. — Я совсем и забыл о твоём нарушении!

И произносит следующие слова, делая между ними паузы:

— Ты. Хочешь. Чтобы. Мы. Говорили. Помедленнее?

— Я успеваю, — говорит Логан. — Но спасибо.

— Лишь. Дай. Нам. Знать. Чтобы. Мы. Заговорили. Помедленнее. — Трип улыбается, и мне хочется врезать ему по морде.

Логан поднимает голову, на его губах играет улыбка — фальшивая, я знаю.

— Спасибо.

— Папа, — начинаю я. — Трип не может остаться здесь.

Папа смотрит на Трипа, и они глядят друг на друга в притворном замешательстве.

— Почему нет? — спрашивает Трип.

Папа показывает на открытую дверь спальни.

— У тебя две спальни. И очень просторно. — Он, сузив глаза, смотрит на меня. — Ты, ты лично, когда вернулась домой, сказала мне, что вы двое по-прежнему друзья. Или это не так?

Он притворяется глупым. Я знаю своего отца. И знаю, когда он что-то понимает, а когда нет. Сейчас он отлично всё осознаёт.

— Трип — мой *бывший* парень, папа. Тебе не кажется, что это будет выглядеть странно?

Папа машет рукой в воздухе.

— С чего это? Вы можете приходить и уходить, когда вам вздумается. А мне будет

куда спокойнее на другом конце страны, зная, что он здесь, с тобой.

— Он не может остаться здесь. — Я топаю ногой. Не позволю этому случиться. — Я уйду, папа. Клянусь богом, если ты попытаешься заставить меня согласиться на это, я снова исчезну.

Папа с самоуверенным видом откидывается назад.

— Знаешь, на днях мне звонил доктор Мэта. — Теперь папа смотрит прямо на Логана. — Они сказали, что твой брат готов ко второй стадии лечения. И спросили, оплачу ли я её.

Рука Логана соскальзывает с моей талии, и он медленно встаёт на ноги. Глядя на меня сверху вниз, он прикладывает палец к моим губам. Палец дрожит.

— Мистер Мэдисон, — он кивает моему отцу, а затем маме, — миссис Мэдисон. Было приятно с вами познакомиться. А сейчас мне пора.

Логан направляется ко входной двери.

— И, раз речь зашла о лечении Мэта, если его цена — свобода Эмили, то можете засунуть свои деньги себе в задницу.

Он останавливается у двери. Я висну на нём, как обезьянка на липучках.

— Пожалуйста, не уходи, — молю я. — Не так. Я могу всё исправить.

Логан отцепляет меня от своей руки.

— Знаю, что можешь.

Он целует меня в лоб, его губы задерживаются там, когда он с закрытыми глазами делает вдох. Затем он отстраняется.

— Мне нужно идти. — Его голос звучит хрипло. — Потом поговорим.

— Я разберусь с этим, а потом найду тебя. Обещаю.

Логан кивает. Он выходит за дверь и осторожно закрывает её за собой. С другой стороны стены раздаётся глухой стук — я знаю, Логан ждал, пока не выйдет наружу, чтобы что-нибудь ударить.

— Скатертью дорожка, — говорит Трип, потирая руки, словно стряхивая с них пыль.

Логан

Я сжимаю в ладони женскую грудь, прикидывая, насколько она отвиснет лет за двадцать и изменится татуировка, которую хочет сделать моя клиентка.

— По-моему, не самое лучшее место, — говорю я.

На моих руках латексные перчатки, и мы находимся за занавеской в дальней части тату-салона, где делаются татуировки на интимных местах. Я пытался уговорить Пола, моего самого старшего брата, заняться этим, но у него не было времени. Его дочь, Хайли, была с няней, и ему нужно было её забрать. Я вызвался поехать вместо него, но брат рассмеялся, покачал головой и ушёл.

Я снова сжимаю грудь. Прежде чем коснуться её, я заставил клиентку наклеить на соски стикини. Так что в том, что происходит, нет ничего от секса. Для меня. Но, очевидно, не для неё, потому что она протягивает руку к пряжке моего ремня, и мне приходится сбросить её руку и поднять колено. Мне это не нужно. Я передаю ей её рубашку.

— Оденьтесь, пожалуйста.

Она выпячивает нижнюю губу, что, как она думает, выглядит сексуально. Но, по-моему, это глупо.

— Раньше с тобой можно было поразвлечься, — надувшись, говорит она.

Да, когда-то давно, когда я не был влюблён в женщину, которой не могу обладать.

Я все ещё не отошёл от того, что её отец предложил Трипу переехать к ней. Этот мурак мне даже не представился. Только и делал, что снисходительно говорил со мной, словно я тупой.

Ты. Козёл? Да. Ты. Козёл.

Но он тот козёл, что живёт с моей девушкой.

Занавеска колыхнется. Обычно так у меня спрашивают разрешения войти в эту часть салона.

— Заходите.

Из-за занавески показывается голова Эмили.

Ты занят? Показывает она. Мне нравится, когда она общается на языке жестов.

Несмотря на всё, что произошло до этого, я очень рад её видеть. Она медленно проходит через комнату и нежно меня целует. Мне не хочется отрываться от её губ ни днём, ни ночью. *Для тебя я всегда свободен.* И я рад, что клиентка всё-таки надела рубашку.

— А как же я? — спрашивает клиентка.

— По-моему, будет лучше сделать тату сбоку. Или под грудью — не на ней, — предлагаю я.

Она трясёт своими свободными от лифчика буферами под рубашкой.

— Они слишком большие для татуировки?

Я видел это миллионы раз. Пройдёт несколько лет, появится на свет парочка детишек — и её грудь будет свисать до живота. Нет, в этом нет ничего плохого — все женщины прекрасны — но для татуировки в этом точно нет ничего хорошего.

— Думаю, она лучше сохранится, если мы сделаем её под грудью. Она для твоего парня, ведь так?

Я смотрю на эскиз. Это мужское имя. Она кивает. Бедняга, этот болван, похоже, знать не знает, что она та ещё шлюха, которая удовлетворила бы меня в мгновение ока. Сделаю тату почти незаметной — уверен, что не пройдёт много времени, когда она решит её перекрыть.

Я достаю своё оборудование.

— Подождёшь, пока я закончу? — спрашиваю я Эмили.

Нам с ней нужно поговорить. Я должен узнать, что случилось после того, как я ушёл — я больше не мог там находиться. Просто не мог. Не тогда, когда её отец вновь шантажировал её лечением Мэта. Если бы она меня спросила, я, возможно, не позволил бы ей пожертвовать собой в первый раз и, будь я проклят, уж точно не позволю ей сделать это

снова. Она не какой-то там скот, которым можно торговаться. Она, чёрт побери, личность, и я безумно её люблю!

— Подожду, — отвечает Эмили.

Она уходит к Фрайди, нашему администратору, а я тем временем начинаю работу над татуировкой. Где-то через полчаса, когда она смеётся над чем-то, что сказала Фрайди, я выхожу с девушкой, на которой красуется новенькая татуировка. Эмили поднимает на меня свои красивые карие глаза. Я так сильно скучал по ней и очень рад, что она вернулась. Но меня не покидает лёгкое ощущение тревоги.

Девушка отдаёт деньги Фрайди и запикивает мне в карман свой номер телефона, проходя мимо. Когда она уходит, я выбрасываю его в мусорную корзину. Эмили поднимает брови.

— Мне есть о чём волноваться? — с ухмылкой спрашивает она.

Но мне как-то не до улыбок.

— А мне? — бросаю я в ответ и показываю, чтобы она шла за мной в заднюю часть салона.

Эмили позволяет мне помочь ей встать и идёт за мной.

— Ты закончил на сегодня? — спрашивает она, пока я чищу свои инструменты.

Я киваю.

— Что произошло после моего ухода?

Она тут же становится серьёзной. Её взгляд блуждает по комнате. Блин. Это плохо.

— Немного, — сморщившись, уклоняется она от прямого ответа.

Я поднимаю пальцем её подбородок, заставляя смотреть мне в глаза.

— Я не позволю тебе снова обменять свою свободу на лечение Мэта.

Она машет рукой в воздухе.

— Не переживай за это. Мама сказала ему, что сама заплатит, если дойдёт до этого. Она уже без ума от тебя. — Эмили мне ухмыляется. — Эти высокие, покрытые татуировками блондины — пожилые женщины сходят по вам с ума.

Из меня вырывается смех. Эмили продолжает улыбаться, но вдруг морщится.

— Расскажи мне, — уговариваю я. — Это не может быть хуже того, что я навоображал себе за целый день.

— Трип останется у меня, пока не найдёт себе собственное жильё. — Эмили ждёт моей реакции. Я делаю глубокий вдох, стараясь не выдать себя. — Ты злишься?

Я отодвигаю её от себя.

— Ты, блин, издеваешься? — Злость застилает мне глаза.

Эмили отступает от меня, и я понимаю, что она ещё ни разу не видела меня злым. Она видела меня раздражённым — когда спросила, не трахался ли я с другими. Видела меня плачущим. Видела меня, когда мне было больно — тогда мы все думали, что Мэт умрёт. Но она никогда ещё не видела меня по-настоящему злым. Я изо всех сил стараюсь смягчиться.

— Я злюсь на них. И если мне ещё раз доведётся увидеть Трипа, я сравняю его с землёй.

— Можно мне посмотреть? — спрашивает она, широко улыбаясь, а потом поспешно добавляет: — Видишь ли, тут вот в чём дело. Пока Трип ищет себе жильё, я решила рискнуть и попросить тебя остановиться у вас.

Эмили задерживает дыхание, пока ждёт моего ответа.

— Ты, блин, издеваешься? — снова спрашиваю я.

Но в этот раз я обнимаю её и кружу по комнате. Она хихикает, а я чувствую, как двигаются от смеха мышцы её живота. И она не пытается меня оттолкнуть, как сделала это с Трипом, когда он хотел проделать то же самое. И, конечно, это не сделало его самым счастливым человеком во всём долбанном мире. Думаю, это самое важное.

— Конечно, ты можешь остаться со мной. — Я тяну её за нос. — Глупая женщина.

Я хочу, чтобы она была рядом каждую минуту.

— Твои братья не будут против? — спрашивает Эмили.

— Они будут на седьмом небе от счастья, — отвечаю я и заправляю ей за ухо выбившуюся прядь. — Они тоже по тебе скучали.

— У вас в квартире воняет носками и протухшей пиццей? — спрашивает она.

Я морщусь. Наверное, так и есть.

— Может, немного, — говорю я и подкрепляю это жестом из большого и указательного пальцев.

Эмили прижимается ко мне, обхватив меня за талию. Она говорит что-то в мою грудь, но я не могу видеть её губы и поднимаю её лицо.

— Что?

— Я тебя люблю, — говорит она. И потом повторяет это снова, и снова, и снова. У меня сжимается сердце. Я целую её, как будто в последний раз, пока мы не начинаем задыхаться. Свет выключается.

— Я думаю, это намёк, что нам пора уходить, — говорю я и сдвигаю занавеску в сторону. На нас смотрит Фрайди, на плече у неё сумочка.

— Вы что, только что занимались здесь сексом? — невозмутимо спрашивает она.

— Боже, нет, конечно, — отвечаю я и легонько пихаю Фрайди в плечо, как пихнул бы свою сестру, будь у меня таковая.

— Это так негигиенично, — предупреждает она.

Эмили прикрывает рот рукой, стараясь не рассмеяться.

— Если секс всё-таки был, побрызгайте тут чем-нибудь. Каким-нибудь дезинфицирующим раствором, что ли. — Фрайди морщит нос.

— Ничего такого не было, — рычу я, протягивая руку к Фрайди. Она ненавидит, когда я треплю её по голове, поэтому визжит и уклоняется от меня.

— Ну, когда будет, не подцепите тут микробов. Постелите бумажное полотенце хотя бы. — Она очень серьёзно настроена, но мне всё равно смешно. Теперь, когда буду работать, не смогу не думать о сексе с Эмили.

— Я прослежу, чтобы он продезинфицировал, — говорит Эмили.

Я обнимаю её рукой, прижимая к себе. Потом целую. И, если мы сейчас же не уберёмся отсюда, у меня не будет другого выхода кроме как затащить её обратно за занавеску, а потом всё там продезинфицировать.

Мы выходим за Фрайди на улицу, и она запирает двери.

— Спокойной ночи, — говорит она нам. Сейчас ранний субботний вечер, так что я не предлагаю проводить её до дому. Она уже отходит, когда вдруг разворачивается обратно.

— Я рада, что ты вернулась, Эмили! — кричит Фрайди, сложив руки рупором, и только потом уходит.

— Она нечто, да? — спрашивает Эмили.

Это точно. Только вот что именно — мы не знаем.

— Не хочешь пойти куда-нибудь поесть? — спрашивает она. И тут я понимаю, что через её плечо перекинута знакомая мне чёрная холщовая сумка. Я забираю сумку и вешаю на себя.

— Смотрю, ты подготовилась, а?

— Я чувствовала, что ты меня не прогонишь.

Эмили широко мне улыбается. Я не смог бы прогнать её, даже если бы захотел.

— Давай пойдём домой и закажем пиццу, — предлагаю я и смотрю на часы. — Хайли ещё не должна лечь спать. Уверен, она захочет тебя увидеть.

— Тогда веди меня домой, — говорит Эмили.

Что я и делаю.

Эмили

Мы проходим в дверь квартиры, которую Логан делит со своими четырьмя братьями, и я подскакиваю от их дружного крика: «Сюрприз!».

Я смотрю на Логана, который качает головой и показывает жестом слово «прости». Затем он притягивает меня к себе и крепко обнимает, но это длится чуть больше мгновения. Ко мне подлетают его братья. Сэм и Пит, самые младшие в семье, оказываются первыми. Близнецы налетают на меня с двух сторон, и я оказываюсь сплюсненной между ними, как начинка в сэндвиче. Они крепко сжимают меня и целуют в щёки.

— Попробуйте только лизнуть, — предупреждаю я. Сэм уже вытащил свой язык, но он очень быстро втягивает его обратно и широко мне улыбается.

— Добро пожаловать домой, — говорит Сэм. Он отступает, и Пит обнимает меня, крепко прижимая мою голову к своей груди и запутываясь пальцами в моих волосах.

— Ты их вырвать хочешь? — ворчу я, пытаюсь привести свою шевелюру в порядок. Пит смеётся и отступает в сторону.

— Добро пожаловать домой, — говорит Пол и тоже меня обнимает. Он правда огромный, больше Логана, мне кажется, его руки могут дважды обернуться вокруг меня.

— Спасибо, — бормочу я ему в грудь. Мне едва удаётся дышать, но оно того стоит.

И тут я вижу Мэта, который опирается на кухонную столешницу, скрестив руки на груди. Он не улыбается. Его глаза влажные, и он очень быстро моргает.

— Иди сюда, здоровяк, — говорю я, подзывая его пальцами. Он отталкивается от столешницы и направляется в мою сторону.

— Я собираюсь поцеловать твою девушку, Логан, — предупреждает Мэт. Логан поднимает брови, но недовольным не выглядит — вместо этого он улыбается и пожимает плечами.

Мэт встаёт напротив меня и поднимает моё лицо к своему. Он смотрит мне прямо в глаза, не давая отвести взгляд.

— Спасибо тебе.

Я проглатываю непонятно откуда взявшийся в горле комок и стараюсь звучать беззаботно.

— За что? — отмахиваюсь я.

Но он не даёт отвести взгляд, удерживая моё лицо в своих ладонях и глядя прямо в мои глаза.

— За то, что спасла мою чёртову жизнь, — говорит он. — Спасибо.

Мэт наклоняется и с громким чмоком целует меня в щёку.

— О, я ничего не сделала, — начинаю я.

Он смотрит на меня сверху вниз, и от его серьёзного взгляда у меня трясутся поджилки.

— Нет, сделала, — говорит Мэт. — Я никогда этого не забуду.

Затем он смотрит на Логана и шепчет мне:

— И я не единственный, кого ты спасла.

Ком в моём горле к этому моменту увеличивается раз в десять.

— Если тебе когда-нибудь что-нибудь понадобится, ты обратишься ко мне, хорошо? Я сделаю для тебя всё, что угодно.

— А парня ради меня убить сможешь? — спрашиваю я. По крайней мере, сломать коленные чашечки Трипу ему он сможет точно.

Мэт сводит брови.

— Наверняка, это не просто так. Надеюсь, попозже ты расскажешь мне что к чему.

Я киваю.

— Тебе стало лучше? — спрашиваю я и задерживаю дыхание в ожидании его ответа.

Он улыбается.

— Я не мёртв.

— А это уже начало, — вмешивается Пол. — Надо было это на торте написать.

Он снимает крышку с маленькой коробки с тортом, на глазури которого красуется: «Добро пожаловать домой», и для пущего эффекта добавляет:

— Для почётных гостей.

— Ну а теперь уже, может, перейдём к пицце? — ноет Сэм. — Или так и будем радоваться воссоединению?

Пол даёт младшему брату подзатыльник.

— Она спасла его чёртовой жизнью, мудака.

Пит подражает нытью Сэма:

— Ну а теперь уже, может, перейдём к пицце?

Я смеюсь, беру кусок и запихиваю его в рот.

— Слава богу, — стонет Пол и тянется себе за куском. Он бьёт Сэма по рукам, когда тот преграждает ему путь. — Я умирал от голода.

Меня так тронула эта их неожиданная вечеринка, что я не могу перестать улыбаться. На моём лице сияет глупейшая непроходящая улыбка, и я просто радуюсь тому, что снова здесь. Логан выдвигает из-за стола стул и показывает мне, чтобы я села. Но тут я чувствую, как чьи-то маленькие пальчики тянут меня за штанины джинсов. Я смотрю вниз, на Хайли, которая хлопает на меня своими прелестными голубыми глазёнками. Ей три года, и мы иногда проводили время вместе, когда я жила тут до этого.

— Добро пожаловать домой, — говорит она. Я откладываю свой кусок пиццы.

— О боже, — выдыхаю я, наклоняясь и поднимая девочку на руки. Её ручки обвиваются вокруг меня, и она прижимается крепче. Потом она отпускает меня и шепчет на ухо:

— Ты останешься навсегда?

Хайли жуёт палец, пока ждёт моего ответа.

— Я останусь навсегда-пренавсегда.

И так оно и есть. Я не уйду, что бы ни случилось. Мы можем справиться со всем, если будем одной семьёй. Эти парни и Хайли значат для меня сейчас столько же, сколько мои родители — они мой дом.

Я усаживаю Хайли на край столешницы и отрезаю ей кусочек торта. Её глаза начинают радостно блестеть, и она робко улыбается своему отцу.

— Сначала поешь, — предупреждает её Пол.

Я вонзаю вилку в торт и отламываю себе большой кусок, второй поменьше — для неё. Пол хмурится, но, предостерегающе подняв палец, говорит:

— Ладно. *Один* кусочек.

Хайли ухмыляется, а я кормлю её тортом.

— Очень вкусно, — бормочу я с набитым ртом.

Пит бьёт Сэма в плечо.

— Видишь, я же говорил, что ей понравится.

Сэм краснеет и произносит:

— Это просто торт.

Я показываю на кулинарный шедевр.

— Не может быть, чтобы ты его сделал.

Сэм краснеет всё больше.

— Иногда я пеку.

Он упирается руками в бока и с вызовом говорит мне:

— Настоящие мужики пекут торты. И пироги. И печенья. И прочую фигню.

Он махает рукой в воздухе, пока выговаривает это мне. Я понятия не имела, что Сэм умеет печь. Это и правда один из самых вкусных тортов, что мне доводилось есть.

— Настоящие мужики с по-настоящему маленькими членами, — говорит Пит, показывая величину пальцами. Сэм бьёт его в плечо.

— Спроси свою девушку про мой член, — отзывается он. — Прошлой ночью ей,

похоже, он очень понравился.

— Хватит! — рывкает на них Пол, снимает со столешницы Хайли и ставит девочку на пол. — В доме девчонки.

— Они не считаются, — говорит Сэм с набитым пиццей ртом.

— Ну спасибо, — негодующее отвечаю я.

— Ты знаешь, о чём я. — У Сэма по-прежнему полный рот пиццы.

Логан обхватывает меня руками за талию и опускает свой подбородок на моё плечо.

— По мне, так настоящая девчонка, — говорит он, рычит и кусает меня в шею.

Боже, как мне нравится проводить с ними время! Я очень скучала, пока была далеко от них, и мне хочется узнать всё и сразу обо всех.

Мы уже можем улизнуть отсюда в спальню? Показывает мне Логан жестами, повернув меня лицом к себе.

Это будет невежливо. Я качаю головой. Мы только пришли. Ты знал, что они задумали?

Он пожимает плечами и улыбается.

Я знал про торт. Ну а пицца — просто ужин, думаю. Они не знали, когда ты появишься.

Ты мог бы предупредить.

И пропустить всё веселье? Он тыкает большим пальцем в сторону спальни. *Так мы уже можем пойти в кровать?*

Логан игриво двигает бровями.

И пропустить всё веселье? Спрашиваю я его. Из моего кармана раздаётся вибрация, и я достаю телефон.

Это моя мама, показываю я Логану.

— Алло, — тихо отвечаю я и ухожу в сторону спальни Логана, чтобы слышать, что говорит мама.

— У тебя всё нормально? — спрашивает она.

— Конечно. Разве может быть иначе? — Я захожу в комнату Логана.

— Я лишь хотела в этом убедиться. Трип позвонил твоему отцу и сказал, что в твоей квартире тебя нет.

— Мам, — начинаю я.

— Я знаю, знаю, — прерывает она. Я даже представляю, как она в знак капитуляции поднимает руки. — Ты у Логана?

Её голос напоминает монотонное пение.

Мои губы расплзаются в улыбке.

— Да, и они устроили для меня вечеринку, — признаюсь я. — Очень мило.

— А Логан? — спрашивает мама. — Как он?

На самом деле, она просто хочет знать, насколько сильно он злится на моего отца.

— Нормально.

— Твой отец как-нибудь привыкнет к нему.

— Ему придётся. — Пусть это звучит дерзко, но зато это правда.

— Эмили, — предостерегает она и вздыхает. — Даже ты должна признать, что он — не тот мужчина, которого твой отец представлял рядом с тобой.

Что есть, то есть, даже я сама не представляла его рядом с собой. Я даже надеяться не могла, что когда-нибудь встречу кого-то такого же доброго и искреннего, как Логан.

— Я знаю. Разве это не прекрасно?

Мама тяжело вздыхает.

— В отеле завтра состоится вечеринка. Её устраивает твой отец. Мы заедем за тобой в три.

— Погоди. Почему я должна идти?

— Это семейное мероприятие, — отвечает мама. — Тебе стоит взять с собой Логана. Строгие вечерние наряды не нужны, но всё равно, событие достаточно официальное, —

предупреждает она.

— Мама, — стону я. Я практически уверена в том, что у Логана нет вечернего костюма, и уж тем более чёрного. — Я не хочу идти.

Наверняка, я веду себя как двухлетка, но мне плевать.

— Других вариантов у тебя нет. Твой отец будет представлять свою новую рекламную кампанию, и будут присутствовать несколько местных официальных лиц.

— Я хотела провести завтрашний день с Логаном, — тихо говорю я.

— Я же сказала тебе взять его с собой.

— У него нет подходящей одежды, — признаюсь я.

— О, — продолжает щебетать мама, — не беспокойся. Я об этом позабочусь. Пришлю ему что-нибудь. И тебе тоже. Вы сможете выбрать, что захотите, а остальное отправите обратно. Или оставите себе. Мне лично всё равно.

Я легко представляю Логана в официальной обстановке. Он куда угодно может вписаться. Уверена.

— Хорошо, — вздыхаю я. — Присылай.

— Пришлю на адрес твоей квартиры. — Она умолкает, давая мне возможность переварить её слова. — Ты ведь там остаёшься, правильно? — спрашивает она, и я прямо-таки чувствую сквозь телефон, как мама широко улыбается.

— Да, мама. Моя квартира, хорошо. — Я сдерживаю стон.

— Мы заедем за вами обоими в три, — говорит мама. — Я тебя люблю.

И она вешает трубку, прежде чем я успеваю ответить.

Логан просовывает голову в комнату.

Всё в порядке?

Я киваю.

Мама сказала, что на завтрашней вечеринке потребуется моё присутствие. Я поднимаю бровь. Каковы шансы, что ты сможешь пойти со мной?

Он втягивает голову в плечи, и его подбородок опускается на грудь, когда он смотрит на меня сверху вниз.

Что за вечеринка?

Очень пафосная.

Его взгляд устремляется в сторону шкафа, и я так и вижу, как он что-то прикидывает.

Мама сказала, что пришлёт одежду нам обоим. Я, затаив дыхание, жду его ответа.

Мне тоже нужно принарядиться.

Это важно для тебя?

Для меня? Нет. *Это важно для моего отца. Я должна пойти. А если ты не пойдёшь со мной, мне придётся всю ночь проторчать в компании Трипа.*

По его глазам я понимаю, что он всё решил.

Я иду.

Ты не обязан.

Я иду.

Он показывает мне, чтобы я выходила из спальни и вернулась к его братьям. Я отбрасываю свои страхи о завтрашнем дне и притягиваю Логана к себе за локоть. Он обнимает меня, и я думаю о быстром объятии, но его руки скользят по моей заднице, и он поднимает меня вверх. Я обвиваю ногами его талию, и Логан прижимает меня к стене.

— Ничего себе, — выдыхаю я.

Но он не может меня слышать. Его губы касаются моих в страстном поцелуе, как будто прошлую ночь он провёл не в моей постели. Язык Логана проникает в мой рот, и я скольжу своим языком вдоль его бархатистой мягкости. С каждым поцелуем моё сознание всё больше и больше затуманивается. От каждого прикосновения у меня перехватывает дыхание.

Логан поднимает голову и трётся своим носом о мой нос.

Его руки упираются в стену по обе стороны от моей головы, и я поворачиваюсь и

прижимаюсь губами к татуировке на внутренней стороне его предплечья. Эту татуировку нарисовала я, и она очень много может рассказать о нашей любви друг к другу. Я нарисовала гитару с разорванными струнами, кандалами и шипами, когда чувствовала себя потерянной. А Логан добавил в центр замочную скважину. Он открыл мой мир. И я больше не потеряна.

Я поднимаю его лицо, чтобы он мог видеть мои губы, и предлагаю:

— Давай пропустим вечеринку.

Он тяжело вздыхает.

— Мы не можем. — Логан утыкается лицом в мою шею и глубоко вдыхает, а потом расцепляет мои ноги. — Они взяли кино напрокат.

Я так и представляю гонки на машинах и перестрелки. Что поделаешь, они же мальчишки.

— На мой вкус или на ваш? — спрашиваю я.

— В этом нет различий по половому признаку, — дразнится Логан, грозя мне пальцем. Он берёт меня за руку и тащит в комнату. Пол сидит в кресле и читает книжку сидящей на его коленях Хайли. Сэм и Пит сидят на одном из диванов. На другом в одиночестве сидит Мэт, так что я опускаюсь рядом с ним и прислоняюсь к его плечу. Он ерошит мне волосы и улыбается.

— Я рад, что ты вернулась, малышка, — говорит он. Я ещё сильнее жмусь к нему, и он закидывает руку на спинку дивана, чтобы я поудобнее устроилась у него под боком. Я вдыхаю его запах. Он гораздо мягче Логана. Но рак сделал своё дело. Мэт потерял в весе, и у него тёмные круги под глазами.

— Ты уверен, что с тобой всё в порядке? — шепчу я ему. Он смотрит на меня и тянет за кончик носа, а Логан тем временем кладёт мои ноги себе на колени.

Я кладу голову на бедро Мэта, и он наклоняется, чтобы прошептать мне:

— Хватит волноваться обо мне, наслаждайся своим возвращением.

Его рука рассеянно скользит по моим волосам, и кто-то нажимает кнопку воспроизведения, запуская кино. Я люблю этого нежного гиганта.

Фильм начинается, и это не триллер и не гонки. Не боевик. Это фильм о любви. На мои глаза наворачиваются слёзы, и я вытираю их о ногу Мэта.

— Нет ничего лучше дома, — тихонько говорю я.

***

Я просыпаюсь от того, что кто-то поднимает меня в воздух. Хватаюсь за шею Логана, и он усмехается.

— Я тебя держу, — говорит он, чтобы успокоить меня.

— Не урони её, — предостерегает его Мэт.

— Я позволил тебе обжиматься с ней в течение всего фильма, — недовольно бурчит Логан. Но я уверена, что он не сердится. — Но она *моя* девушка. А я не собираюсь ронять свою девушку.

Он кивает в сторону спальни Мэта и спрашивает его:

— Ты спать собираешься?

Мэт потягивается и издаёт стон.

— Через минуту. — Он вытягивает ногу перед собой и шевелит ею. — Моя чёртова нога затекла.

— Это тебе за то, что пытался увести у меня девушку, — ворчит Логан.

Мэт смеётся.

— Это, на хрен, того стоило! — Он окликает меня: — Люблю тебя, малышка!

— И я тебя, — откликаюсь я. Голос Мэта звучит игриво, но он говорит искренне. Он меня любит. Я стала его почётной сестрой, которую он никогда не хотел. Ну, по крайней мере, я так себя вижу. И надеюсь, он видит меня точно так же.

Мигает свет, и Логан оборачивается через плечо. Его братья так делают, чтобы привлечь его внимание, когда он на них не смотрит.

— Что? — спрашивает Логан и поднимает меня повыше.

Пол показывает на ящик с презервативами и выгибает бровь. В этом доме одни мужчины, и у них в кухне есть ящик, набитый презервативами. Для них это нормально, но, когда Пол напоминает Логану, что ему один точно может понадобиться, у меня краснеет лицо.

— Сейчас вернусь, — говорит Логан.

Он уносит меня в спальню и опускает на постель.

— Мне нужно поговорить с Полом. — Логан наклоняется, намереваясь меня поцеловать.

— Поговорить о презервативах? — спрашиваю я.

Он ухмыляется.

— Кроме прочего.

— Прочего чего?

Он пожимает плечами.

— Не знаю. Но у него было такое лицо, как будто ему нужно со мной поговорить. — Губы Логана быстро скользят по моим. — Скоро вернусь.

Он выходит за дверь, но я не могу злиться на то, что Пол пытается уберечь Логана. Это то, что он привык делать.

Логан

Я злюсь на Пола из-за того, что он поставил Эмили в неловкое положение, но не позволяю этому проявиться, когда вхожу в гостиную. Он сидит на одном диване, Мэт — на другом.

— Мне не нужен презерватив, — вырывается из меня.

Пол поднимает бровь.

— Какого хера? — говорит он и качает головой. — Возьми презерватив. Не глупи.

— Я и не глуплю, — отвечаю я. Не глуплю. Правда. Разве нет?

Мэт тяжело вздыхает.

— Тебе лучше спросить, почему он думает, что это ему не нужно. — Он качает головой, будто мы с Полом оба те ещё глупцы.

— Что за необходимость совать свой нос в чужие дела? — спрашиваю я. Мне, мать вашу, двадцать один год. Я не ребёнок.

— Это мой долг, — объявляет Пол и хлопает себя по груди. — Я, блин, забочусь о тебе, придурок.

Мэт кашляет в кулак.

— Ну так почему тебе не нужен презерватив? — осторожно спрашивает он и поднимает руку, чтобы остановить Пола, который готов начать свою речь. — Уверен, на то есть стоящие причины.

Я провожу рукой по лицу. Эмили не понравилось бы, что я обсуждаю это с ними, но иначе они не отстанут.

— Она пьёт таблетки, — сквозь зубы отвечаю я.

Пол смеётся и показывает на свою спальню. Он уложил Хайли, когда она заснула — через несколько минут после того, как начался фильм.

— Мать Хайли тоже пила. И посмотри, что из этого вышло. — Я открываю рот, чтобы заговорить, но он поднимает руку, останавливая меня. — Я люблю эту малышку больше всего на свете и ничуть не жалею о том, что она появилась на свет, но эффективность у таблеток около девяносто четырёх процентов, дурила.

Пол кидает в меня подушку.

— Я собираюсь на ней жениться, — говорю я. Похоже, у меня началась словесная диарея.

— Ещё бы, — бурчит Мэт.

— Да! — Я пихаю его в плечо. — Только сначала мне нужно завоевать её отца, а потом я на ней женюсь.

Ну вот.

— Она хочет детей? — спрашивает Мэт. Ну почему у него такие сложные вопросы?

— Она боится, что не сможет быть хорошей матерью, — признаюсь я. — Но она неправа.

— Чего именно она боится? — спрашивает Пол.

Я не могу рассказать им, что у Эмили трудности с чтением. Её дислексия немало осложняет ей жизнь, ей тяжело даются даже самые простые предложения.

— Она просто боится.

Я не имею права рассказывать её секрет. Даже им.

Пол словно собака, учуявшая кость.

— Но ты ведь закончишь университет?

Мне нужна сигарета. Я бросил курить, когда Мэт заболел раком, но в моменты, подобные этим, мне очень хочется затянуться снова.

Я киваю.

— Тогда пойд и возьми грёбанный презерватив. — Он сурово хмурится. — Мать твою, ты уже делал это без него.

Я еле сдерживаюсь.

— Она, чёрт возьми, пьёт таблетки. Хватит быть таким козлом.

— Без презерватива твой шанс окончить университет равен девяноста четырём процентам. У тебя девяноста четыре процента вероятности найти хорошую работу, чтобы впечатлить её отца и обеспечить ей комфортную жизнь. Девяноста четыре процента вероятности того, что *она не забеременеет!*

— Девяноста четыре процента — наихудший вариант развития событий. — Я же благоразумный совершеннолетний. Правильно?

Пол стонет и хватается за свои коротко подстриженные волосы.

— Послушай, — подавшись вперёд, говорит он. — Я знаю, что ты любишь Эмили, чёрт, и я тоже её люблю. А Мэт толкнул бы тебя с моста, если бы думал, что сможет увести её у тебя.

Пол усмехается, и его губы растягиваются в нежеланной улыбке.

— Фу, — выражает своё недовольство Мэт. — Она мне нравится, но не в этом смысле. — Затем он показывает на меня пальцем. — Но я сброшу *тебя* с моста, если ты причинишь ей боль.

Я провожу рукой по лицу.

— Я ни за что и никогда не причиню ей боль. — Я прижимаю к груди кулак. — Когда она ушла, это было словно потерять часть себя. — Я качаю головой. — Клянусь богом, я не смогу без неё жить.

Я смотрю в сторону своей комнаты, и внутри меня всё успокаивается от осознания того, что Эмили сейчас там и ждёт меня.

— Ты не собираешься прислушаться к моим словам, да? — спрашивает Пол.

Я вижу, как открывается дверь моей комнаты и оттуда появляется Эмили. На ней моя футболка, край которой доходит до её колен. Она марширует в кухню, я вижу, как двигаются её губы, но не могу разобрать ни слова. Эмили подходит к ящику, достаёт оттуда пригоршню презервативов и возвращается в спальню, не переставая бормотать себе под нос. Подойдя к двери, она поднимает их вверх, как какой-нибудь кубок.

— Ну как, этого достаточно? — спрашивает Эмили и тут же скрывается за дверью, с громким стуком закрыв её.

— Чёрт меня подери, — говорит Пол. Он тяжело опускается обратно на диван. — Я не хотел, чтобы она меня услышала. Ну почему она всегда слышит то, что не должна? Блин.

Мэт сгибается пополам от смеха.

— Я ничего смешнее в жизни не видел. Она так разозлилась! — Он показывает на Пола, а потом пихает меня в плечо. — Тебе повезёт, если секс вообще состоится.

Мэт смеётся как сумасшедший. Я же не вижу в этом ничего весёлого. Они, по ходу, только что запороли мою ночь.

— Это не смешно, — говорю я. Но на моих губах тоже играет улыбка. Чёрт, она разозлилась. Но решила мою проблему. — Теперь у нас есть презервативы. Хватит на всю жизнь. Вы счастливы?

— Я буду счастлив, если ты ими воспользуешься, — рявкает Пол, но тут же выражение его лица становится мягче. — Я просто стараюсь заботиться о тебе. Я бы сделал то же самое, если бы на твоём месте оказались Сэм или Пит, или Мэт.

Мэт драматично кивает.

— Никому из нас не увильнуть от этого разговора. Один раз он даже принёс мне презерватив в постель, когда понял, что не видел, как я подходил к ящику.

— И слава богу, — резко отвечает Пол. — Если бы Эйприл забеременела, что бы сейчас с тобой было?

Мэт сразу же становится серьёзным.

— Я был бы отцом, чёрт подери. Тем, кем уже никогда не буду. — Он поднимается с дивана. — А теперь я иду спать.

Я прямо-таки физически ощущаю тяжесть его вздоха, повисшего в комнате.

— Проклятье, так ты заставляешь меня жалеть, что я не позволил тебе зачать с ней

ребёнка.

Порой мы забываем, насколько сильно изменилась жизнь Мэта. Возможно, у него никогда не будет детей. Возможно, его жизнь продлится не так уж долго. Его будущее не определено. Хотя, с другой стороны, кто из нас точно знает, сколько ему отведено? Просто в его случае всё ещё более сомнительно.

Пол хватает Мэта за футболку.

— Прости, — говорит он, когда Мэт оборачивается.

Мэт сжимает его плечо и улыбается.

— За что? Не из-за тебя же я заболел. Рак — единственное, что можно винить. — Он ухмыляется мне. — А теперь, Логан, иди, и пусть Эмили от тебя забеременеет. Торопись, чёрт возьми. — Он хлопает в ладоши: — Бегом!

— Ах ты, несчастный ублюдок, — говорит Пол. — Если бы я не любил так сильно твою жалкую задницу, то возненавидел бы тебя.

Мэт смотрит на свои часы.

— Теряешь время, — предупреждает он.

Я смеюсь. Ничего не могу с собой поделаться. Выражение лица Пола просто бесценно!

Пол проводит рукой по лицу.

— Просто будь осторожен, — говорит он. — Будь осторожен.

Он качает головой, как будто хочет ещё что-то сказать, но тема закрыта.

Я наклоняюсь, чтобы стукнуться с ним кулаками.

— Спасибо. Я тебя люблю.

— Да-да, — говорит Пол и машет рукой, показывая, что разговор закончен. Он выглядит побеждённым, но мне не хочется, чтобы он так себя чувствовал. Мэт закрывает дверь в свою комнату, и я сажусь напротив Пола.

— Я никогда ещё не чувствовал ничего подобного, — говорю я.

— Я знаю, — соглашается он. — Это-то меня и тревожит.

— Эмили — это та самая для меня.

— Я знаю. — Он умолкает, размышляя о чём-то.

— Я боюсь, — вырывается из меня.

— Её?

— Да нет же! Не её. — Я показываю в сторону своей комнаты. — Ты видел, как она сейчас выглядит? Да одни её грёбаные серёжки стоят больше, чем наша годовая плата за квартиру.

— Ещё одна причина воспользоваться презервативом. Получи образование, чтобы найти хорошую работу, чтобы ты смог её содержать. — Пол тяжело вздыхает. — Да и что мне учить учёного! — Он поднимает руки вверх.

— С тех пор, как мы встретились, между нами столько всего было, — говорю я. Но я не хочу говорить об этом с ним. Я поговорю об этом с ней. — Я не могу этого объяснить.

— Я понимаю. — Его рука сжимает моё колено. — Я всё понимаю. И она наконец-то снова с тобой.

— Наверняка она заставит меня воспользоваться одним, просто из вредности. Как думаешь, она сильно злится? — Я с тревогой смотрю на дверь своей спальни.

Пол в ответ лишь смеётся.

— Я не понравился её отцу.

— Он тебя ещё даже не знает.

— Он знает, что я глухой и весь в татуажах. — Я смотрю на свои руки. Каждая татуировка что-то значит для меня. Я бы не стал избавляться от них, даже если бы мог.

Пол пожимает плечами.

— И ничего из этого не делает тебя недостойным его дочери. — Он поднимает бровь. — С другой стороны, если она забеременеет...

Пол позволяет этой мысли остаться незаконченной.

— Он притащил в Нью-Йорк её бывшего, чтобы тот жил с Эмили. Поэтому она у

нас.

Пол, кажется, присвистнул.

— Прости, — говорит он, когда вспоминает, что мне никак не услышать то, что сейчас он воспроизвёл. — Это дерьмово.

— Она отказалась там оставаться.

— Умничка, — говорит Пол с улыбкой. — Она мне не просто так понравилась.

— Её отец будет проблемой.

— Так завоюй его расположение, придурок. Ты умный. Ты стремишься к успеху. Ты дьявольски талантлив. И ещё ты любишь его дочь. Он привыкнет к татуировкам, а тебе не придётся ничего выслушивать. — Пол рассеянно показывает на свои уши. Прошло так много времени с тех пор, как я оглох, и никто в моей семье не воспринимает это как физический недостаток. Как и я.

Я поднимаюсь.

— Пойду спать.

Пол вопросительно поднимает бровь.

— Не твоё, на хрен, дело, — ворчу я. Но ворошу ему волосы, когда прохожу мимо, и он меня отпихивает.

— Люблю тебя, придурок, — говорю я.

— Я тебя больше, — отвечает он, и это вызывает мою улыбку.

Я продолжаю улыбаться, когда приоткрываю дверь в свою спальню и просовываю голову. Я готов к тому, что в меня могут полететь туфли или лампа. Но Эмили сидит на кровати с гитарой на коленях. Её пальцы рассеянно перебирают струны, и она её настраивает. Понятия не имею, как называются те штуки, которые она подкручивает, и зачем она вообще это делает, но Эмили полностью погружена в своё занятие.

Она поднимает глаза, когда я подхожу к кровати, и её губы растягиваются в улыбке.

— Я скучала по своей гитаре.

Эмили оставила свою гитару у меня, когда три месяца назад вернулась домой.

— Она тоже по тебе скучала, — говорю я.

Я присаживаюсь на краешек кровати и смотрю на Эмили. Её волосы заткнуты за уши, ноги широко расставлены. Мне даже видна полоска её розовых трусиков, и я облизываю губы. Наклоняюсь вперёд и притягиваю её к себе, придерживая рукой за затылок. Потом быстро её целую.

— Извини за Пола.

Она пожимает плечами.

— Он заботится о тебе. По-моему, это даже мило. — Её лицо морщится. — Немного навязчиво, но мило.

— Завтра скажу ему, что ты назвала его милым. А то он боялся, что ты будешь на него злиться.

Как-то раз, до её возвращения домой, она оказалась за его спиной в тот самый момент, когда он говорил мне, что я должен трахнуть её и выбросить из головы. А теперь вот это.

Я стаскиваю с себя джинсы, ложусь на кровать на бок, лицом к Эмили, опираясь на руку.

— Что ты играешь?

— Пока ничего, — говорит она с улыбкой. — Но могу сыграть, что ты захочешь.

Я качаю головой. Это та область, которую я не могу с ней разделить.

— Я совсем ничего не знаю о музыке. Прости. — Я понимаю, как важна для неё музыка. Это вроде как основа её жизни.

— Ты совсем ничего не слышишь? — спрашивает она и наигрывает что-то на гитаре. — А вот это?

Я качаю головой. Мне бы очень хотелось это услышать, но увы.

— Ты можешь слышать вообще хоть какую-никакую музыку? — Ей любопытно.

Мне это нравится.

Я киваю.

— Я слышу рок-группы в клубе. Вернее, чувствую такт и ритм песни, когда играют рок.

— А ты умеешь танцевать?

Я закатываю глаза.

— Умею ли я танцевать? Ты, должно быть, шутишь. — Я показываю на своё тело.
— Я отлично двигаюсь в такт.

Эмили краснеет. Вообще-то, я имел в виду обычные движения, но это тоже неплохо.

— У кого-то грязные мыслишки, — дразнюсь я.

Я тянусь к её пальцу ноги, но она отдёргивает ногу прежде, чем я успеваю за него потянуть.

— Очень жаль, что я не могу наслаждаться твоей музыкой, — признаюсь я. — А мне бы так хотелось переживать вместе с тобой всё, что делает тебя счастливой.

Я качаю головой. Обычно у меня нет ощущения, что я нахожусь в стороне, но не сейчас.

Эмили опускает гитару на пол.

— Спасибо, что хранил мою гитару, — наклоняясь в мою сторону, говорит она, потом встаёт на четвереньки и подползает ближе.

— Почему ты её оставила? — спрашиваю я, когда Эмили перекатывается в мои объятия.

— Я знала, что вернусь. Только не знала, когда именно, — отвечает она. — И хотела, чтобы ты тоже это знал.

— Я знал. Знал с того самого момента, как ты сделала то заявление по телевизору.

Когда Эмили вернулась домой, у неё была пресс-конференция. И она объявила, что вернётся в Нью-Йорк. Ко мне.

Моя рука проскальзывает под её футболку и ложится на талию, и я рисую маленькие круги над резинкой её трусиков. Потом поднимаю руку и целую её татуировку с моим именем.

— Тату помогла.

— Можешь сказать «спасибо» Полу, — говорит Эмили и начинает хихикать, когда я слегка щечочу её живот. Когда моя ладонь скользит под пояс её трусиков, она тут же затихает.

— Так хорошо? — спрашиваю я.

Эмили кивает, закусив нижнюю губу.

— Хочешь попробовать презерватив с вишнёвым ароматом? — спрашивает она.

Я цепляюсь пальцами за резинку её трусиков и медленно стягиваю их с неё. Она протяжно выдыхает, я чувствую, как её дыхание касается моего лба. Эмили дёргает ногами, когда я добираюсь до её лодыжек, и трусики отлетают в сторону.

Я неспешно поднимаю её футболку, оставляя короткие поцелуи на обнажённой коже. Её живот дрожит, когда я провожу языком под её грудью. Быстрым движением Эмили стягивает с себя футболку. И вот она голая. Абсолютно, восхитительно, несравненно голая.

— Проклятье, какая красота, — говорю я.

Она смеётся, смех прокатывается волной по её животу.

Её розовые соски напряглись и тянутся к моему рту, и я, не раздумывая, провожу по ним языком. Раздвигаю её ноги и устраиваюсь между бёдер Эмили. Она хлопает меня по плечу, и я поднимаю на неё взгляд, не отрывая рта от её соска. Её рот приоткрывается, и моё воображение рисует мне сорвавшийся с её губ звук, хотя на самом деле я о нём понятия не имею. Мои брови поднимаются в беззвучном вопросе — что она хотела?

Эмили хватается мою футболку сзади и стягивает её с меня через голову. Я отрываюсь от её груди, чтобы помочь. Эмили нравятся мои татуировки, и она проводит кончиками пальцев по тем, что на плечах.

Её руки перемещаются на мою грудь, и она перекатывает в пальцах пирсинг в моих сосках. Я утыкаюсь лицом в её плечо и выдыхаю. Мы занимались любовью прошлой ночью, но она снова мне нужна. И снова, и снова. Подозреваю, что никогда не устану от неё.

Руки Эмили скользят по моим бокам, и она стягивает боксеры с моих бёдер. Её маленькая ладошка жадно обхватывает мой член, и я тут же борюсь с желанием кончить прямо сейчас и предостерегающе отодвигаюсь. Эмили, надувшись, отпускает меня. Я всасываю её нижнюю губу и провожу по ней языком, а потом нежно прикусываю. Эмили отрывисто дышит, её ноги раздвигаются ещё шире, чтобы мой член мог прижаться к её влажному лону, и она двигает бёдрами.

— Нет ещё, — бормочу я.

Из Эмили вырывается стон, он поднимается по её груди и вылетает в меня. Мои пальцы проскальзывают во влажную щёлочку, раздвигая её губы, размазывая по ней её же влагу — знак того, насколько сильно она меня хочет. Я провожу пальцем по её клитору, и она выгибает спину. Её пальцы запутываются в моих волосах, и она тянет за них, чтобы я посмотрел на неё.

— Сейчас, — умоляет Эмили.

У меня было много женщин, но ни одна из них не старалась так сильно, чтобы мы понимали друг друга. Она знает, что я не могу слышать ни её вскриков, ни её стонов, ни даже испуганных ахов, но у меня никогда не было чувства разобщённости с ней.

— Ты хочешь, чтобы я надел презерватив? — спрашиваю я, отрываясь от её губ, чтобы посмотреть на её лицо.

Она качает головой.

— Уверена?

Наши взгляды встречаются.

— Если хочешь, я не против. Но не нужно делать это ради меня.

Я ухмыляюсь. Слава богу. Я ничего такого раньше не чувствовал, и мне плевать, что между нами может быть хоть что-то.

Эмили пихает меня в плечо и перекатывает на спину, взбирается на меня сверху, раздвинув ноги. Она двигает бёдрами, скользя вдоль моего члена. Её желание зовёт меня, я больше не могу сопротивляться. Поднимаю член, чтобы скользнуть в неё. Эмили медленно вбирает меня в себя. В ней так охрененно тесно, что я едва могу дышать, не то что двигаться. Но Эмили очень-очень-очень влажная, и когда она пару раз поднимается и опускается на меня, мой путь свободен. Я беру её за бёдра и немного увеличиваю темп, но Эмили грозит мне пальцем и сердито смотрит. Я убираю руки под голову. Это, блин, единственный способ не вмешиваться. Она мне нужна, невероятно нужна. Я смотрю на неё и поднимаю свои бёдра, подстраиваясь под каждое её движение.

Эмили упирается ладонями в мою грудь и перекатывает мой пирсинг в своих пальцах. Она засасывает нижнюю губу между зубами и прикусывает её. Карие глаза встречаются с моими, и Эмили беззвучно произносит: *Я тебя люблю*.

Её ритм становится неровным, прерывистым. Эмили запрокидывает голову назад, волосы струятся по её плечам. Я притягиваю её к себе, меняя угол, чтобы мой лобок тёрся о её клитор. Она кричит — если знаком этому могут служить горячие, резкие вздохи, обжигающие мой подбородок. Она такая охрененно влажная и обтягивает меня, словно бархатная перчатка. Я вот-вот кончу.

Протянув вниз руку, провожу большим пальцем по её клитору, и Эмили чуть откидывается назад, чтобы у меня было больше доступа. Она улыбается и увеличивает темп. Я наблюдаю за ней, её глаза закрываются, а ноги начинают дрожать, но она не останавливается. Её груди подпрыгивают, и эти идеальные окружности зовут меня. Свободной рукой я тяну её за сосок.

Эмили наклоняется, перемещая свой вес на ладони, а потом начинает дрожать, она кончает. Я не перестаю ласкать её клитор. Продолжаю, наблюдая за её лицом, пока она приходит в себя. Но вот Эмили отбрасывает мою руку, отрицательно качая головой. Она

только что кончила и очень чувствительна. Я убираю руку, но Эмили не перестаёт двигаться на мне. Тогда я беру её за бёдра и убыстряю темп её движений, каждый раз с силой опуская на себя. Быстрым рывком притягиваю её к себе и переворачиваю на спину, подложив руку. Она подо мной, теперь настал мой черёд.

Я захожу и выхожу, Эмили притягивает мою голову к себе, запутавшись пальцами в волосах, и целует меня. Этот поцелуй страстный и сладкий, и в нём столько желания, что я больше не в силах сдерживаться. Её ноги обвиваются вокруг моей талии, чуть меняя угол, и я вижу это выражение в её глазах. Она близка ко второму оргазму, и будь я проклят, если не дам ей его.

Я сдерживаю собственное желание кончить и прижимаю ноги Эмили к её груди. Её попа поднимается, и в таком положении я проникаю в неё до самого конца. Её голова метается по подушке, и вот Эмили уносит оргазм, я отпускаю её ноги и кончаю в неё. Я двигаюсь, пока она вбирает меня, позволяя мне закончить, сделать нас единым целым, обладать ею без остатка.

Я по-прежнему лежу на ней и когда собираюсь перекатиться в сторону, её руки обхватывают меня и притягивают ближе. Опираюсь на локти, чертовски измотанный, так что еле могу пошевелиться. Ещё больше навалившись на Эмили, я убираю с её лица волосы. Она вспотевшая, красивая и моя.

Эмили недовольна, когда я шевелюсь, и пытается прижать меня ещё ближе, но нужно же как-то добраться до одеял. Я передвигаю её повыше и ложусь рядом, накрыв нас обоих и обняв её. Она протягивает руку и выключает свет. Но светильник по-прежнему горит, так что мы можем немного поговорить, Эмили вроде не против. Она лежит лицом ко мне, чтобы я мог видеть её губы.

— Нам нужно поговорить обо всей этой фигне с презервативами? — спрашиваю я.

Эмили моргает своими прекрасными карими глазами.

— Я принимаю таблетки. Думаю, всё нормально.

Я целую её в плечо.

— А если нет?

— Мы всё равно будем вместе. — Она мне ухмыляется.

Да, мы будем вместе.

Эмили

Я бужу Логана, покрывая его голую грудь быстрыми поцелуями. Из-за своей глухоты он спит как мёртвый. Обычно его ничем не разбудить, но мой способ работает. Простыня поднимается вместе с его мужским достоинством ещё до того, как он открывает глаза.

Руки Логана обвиваются вокруг моей обнажённой спины, и наши взгляды встречаются.

— Доброе утро, — говорит Логан, глядя на меня. — Как так, что с утра пораньше ты такая холёная?

— Я всегда такая. И во всех местах. — Я позаботилась обо всём, посетив салон красоты ещё до отъезда в Нью-Йорк. Логан усмехается, рычит и переворачивает меня так, что я оказываюсь под ним. Мне смешно. Он же заползает с головой под простыни.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, но тут же соображаю, что он не может меня слышать. Тогда я хлопаю его по плечу. Из-под простыни показывается Логан и смотрит на меня.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я снова.

— Вчера ночью я как-то не успел проверить все места. — Он ухмыляется, раскрывает меня кончиками пальцев, смотрит на мои самые интимные части тела, облизывая губы.

— И правда, очень холёная, — говорит он. — И мокрая. — Его палец проскальзывает внутрь меня. — Очень, очень мокрая.

К первому пальцу присоединяется второй.

Губы Логана оказываются там, где находился бы треугольник волос, не сделай я депиляцию воском, и он нежно целует меня. Я поёживаюсь от удовольствия, потому что то, что он делает — это очень здорово, но в то же время меня немало пугает интимность его действий. Логан ведёт себя так, словно моё тело принадлежало ему с незапамятных времён. Словно в том, что происходит между нами, нет ничего непристойного, ззорного. И мне это нравится. Очень нравится. Я даже могу представить, что эта близость, и даже больше, останется у нас и в старости. Когда мы будем помогать друг другу принимать душ, а не ублажать там друг друга. Когда мы будем прикованы к постели, где раньше двигались в едином ритме наши вспотевшие тела. Я уже могу это представить. И это меня радует.

Конечно, порой это меня пугает. Какая нормальная женщина не будет напугана до смерти, когда мужчина заставляет её чувствовать всё то, что делает со мной Логан? Никакая.

Я люблю этого человека. Люблю каждую его частичку. А он, без сомнения, любит каждую частичку меня, если его ищущие пальцы и дурацкая улыбка могут служить подтверждением.

Я хлопаю Логана по плечу.

— Дай мне подняться.

Он сводит брови.

— Зачем?

Его пальцы раздвигают мои нижние губы, он дует в центр моего естества, и мои ноги выгибаются по собственной воле.

Моё лицо заливают румянец. Это совершенно нелепо — смущаться чего-то, когда его пальцы находятся внутри меня, но мне правда нужно пописать.

— Мне нужно в туалет.

Логан ухмыляется и переворачивает меня. Я думаю, что он собирается мне помочь, но нет. Он садится верхом на мои бёдра. Потом откидывает волосы в сторону и целует шею. Логан раздвигает мои ягодицы, и я чувствую, как его член утыкается в моё влажное лоно.

— Давай попробуем, когда ты хочешь в туалет, — говорит он. Я же мертвею от одной только мысли об этом. — Может, ты кончишь сильнее.

И он входит в меня до конца. Я хочу запротестовать, но это такое блаженство — ощущать его внутри, ощущать, как он заполняет меня полностью.

В этой позиции он не может видеть мои губы, но руки — вполне. *Если я кончу ещё сильнее, чем прошлой ночью, тебе придётся вызвать врачей, чтобы они заставили моё сердце работать вновь.*

Логан усмехается. Я так сильно его люблю! Он начинает двигаться внутри меня и, клянусь, задевает то место, к которому ещё ни разу не прикасался.

— Ты ещё хочешь писать? — спрашивает он.

Я качаю головой. Совсем не хочу. Логан приподнимает моё бедро, его рука проскальзывает подо мной и касается моего клитора, и мой живот теперь опирается на его предплечье. Я поднимаю свой зад, чтобы он мог двигать пальцами, смещаясь назад, к нему, в то время как он медленно двигается внутри меня и одновременно массирует мой клитор маленькими, доставляющими удовольствие кругами.

— Ты когда-нибудь пользовалась вибратором? — спрашивает он. Его тяжёлое дыхание опалает моё ухо, его рука дрожит рядом с моим плечом, но Логан не увеличивает темп. — Пользовалась?

Я качаю головой.

— У тебя такой чувствительный клитор, — говорит Логан, и его голос похож на тягучий мёд — такой же плавный и неторопливый. — По-моему, тебе должно понравиться.

Все его движения такие медленные, что я не могу сдержать стона. Он улыбается мне в плечо.

— Ты позволишь мне, если я его куплю?

Сейчас я готова позволить ему делать всё что угодно, лишь бы он не останавливался. Я ничего не отвечаю.

— Я думаю, тебе понравится. Ты быстро кончишь. Даже ещё быстрее, чем обычно. — Его пальцы почти убивают, его бёдра продолжают врезаться в меня, когда он медленно двигается во мне. Я оттопыриваю попу, и Логан входит ещё глубже. Мне ужасно хочется кончить, и я стараюсь его поторопить. Движения Логана так и остаются медленными и методичными. Но вот его пальцы на моём клиторе начинают двигаться быстрее. Он знает, чего я хочу, и даёт мне это.

— Такая чувствительная, — говорит он.

Я разлетаюсь на осколки со сдавленным вскриком, утыкаюсь лицом в простыни, чтобы не закричать, а Логан продолжает массировать мой клитор, пока по мне не прокатывается последняя волна удовольствия. Он по-прежнему внутри меня, когда я кончаю.

— Боже, мне так нравится, как ты сжимаешься вокруг меня во время оргазма, — говорит он. Его слова сводят меня с ума, и он знает об этом. Я дрожу и падаю на кровать. У меня нет сил.

Желание пописать не сделало мой оргазм более ярким, показываю я. Так, к сведению.

— Оно и не должно было его улучшить, — отвечает Логан, и я чувствую спиной его хриплый смешок. — Но улучшит следующий.

Он сгибает мою правую ногу, отталкивает её чуть в сторону и поднимает вверх. Затем раздвигает мои ягодицы, и начинает двигаться.

Я забываю, как дышать. Не могу думать. Вообще ничего не могу, только держаться за простыни. Выгибаю спину, отдавая ему всю себя и забирая у него всё, что он готов мне отдать. Мне никогда ещё не доводилось чувствовать что-то подобное, никогда я ещё не испытывала такого возбуждения. Логан, даже не касаясь моего клитора, сводит меня с ума. Он задевает во мне какое-то местечко, о существовании которого я никогда не подозревала.

Тяжёлое дыхание Логана подсказывает мне, что он близко. Но я оказываюсь ещё ближе. И этот оргазм действительно не такой, как предыдущий. Он совершенно иной, более яркий, такого я ещё никогда не испытывала.

— Кончи со мной, — рычит Логан.

Каким-то непостижимым образом его член внутри меня становится ещё больше, и Логан не останавливается. Не останавливается он и когда я в оргазме откидываю голову назад. Сейчас это тёплая волна истинного наслаждения, ничем не напоминающая трепет и дрожь предыдущего. Логан кончает, мыча и повторяя снова и снова моё имя, а я растягиваюсь на простынях. Не могу пошевелиться. Не могу думать. Не могу говорить. Логан, задрожав, выходит из меня и падает рядом. Он хрипло дышит и старается, как и я, прийти в себя.

— Ну что, тебе ещё нужно в туалет? — с усмешкой спрашивает он.

— Пожалуй. Если бы только я смогла пошевелиться, — отвечаю я. Он дёргает меня за кончик носа и смеётся. Этот гортанный звук делает меня счастливой.

— Где ты этому научился? — спрашиваю я и тут же понимаю, что сделала ошибку.

Логан пожимает плечами и избегает моего взгляда. Я придвигаюсь поближе, заставив себя выйти из пост-оргазменного ступора, и залезаю ему на грудь, упёршись в неё локтями. Он морщится — я смогла отвлечь его от своей ошибки. Мне не хочется, чтобы он чувствовал себя виноватым за своё прошлое. Я не в силах ничего изменить. И прямо сейчас я даже чертовски рада, что оно у него было таким, потому что мне никогда не доводилось ощущать ничего подобного. Подумать только — как я без этого жила?

— У тебя острые локти, — говорит Логан, отгаскивая мои руки, отчего я падаю ему на грудь. Упираюсь в него подбородком и смеюсь. — И подбородок тоже. — Он шутливо ерошит мне волосы. — Смерть от прокола локтем.

Он выбросил из головы мой недавний приступ безрассудства в виде того идиотского вопроса. Хорошо.

— Прости меня за моё любопытство, — тихо говорю я.

— Ты можешь спрашивать меня обо всём, о чём захочешь, — отвечает Логан и смотрит мне в глаза. — Только не злись на меня, когда получишь ответы.

Он выгибает свою светлую бровь.

— Ты правда хочешь знать, как я этому научился?

Я отталкиваю от него.

— Нет.

Он усмехается.

— погоди ты, — Логан притягивает меня обратно к себе. — Я вычитал про это в одном из мужских журналов, глупышка. — Он смеётся. — Я даже не был уверен, что оно сработает. — Его смех прокатывается по комнате. И это очень приятный звук. Логан смотрит на меня вдоль носа. — Сработало?

— О, ещё как! — выдыхаю я. Конечно, сработало.

Логан целует меня.

— Вот и хорошо.

Логан

Я захожу вслед за Эмили в её квартиру, но тут же останавливаюсь как вкопанный, когда вижу Трипа, который лежит на диване в гостиной, одетый в одни лишь трусы. Одна его рука застряла под резинкой боксеров, на второй покоилась его голова. И он явно был в курсе, что мы пришли.

Что за хрень? Показываю я.

Он не знал, что мы придём.

Плывать я хотел, знал он или нет. Он здесь не живёт. И он здесь не один. Дерьмо какое-то!

— Трип, — окликает его Эмили. Она поднимает диванную подушку и бросает ему в голову. — Оденься.

Он садится.

— О, — говорит Трип с сияющей улыбкой. Потом замечает меня. Его улыбка увядает. — Доброе утро. — Он кивает мне и натянуто, фальшиво улыбается. — Логан.

— Трип, — кивком головы приветствую я его.

Эмили идёт в кухню. Он кричит ей вслед:

— Несколько часов назад был курьер, привёз одежду. Я положил её на твою кровать.

Из-за угла тут же показывается голова Эмили.

— В мою комнату вход воспрещён, — резко говорит она. Трип ухмыляется. Мне хочется дать ему по его нахальной морде.

— Но ведь раньше я уже бывал в твоей комнате, — по-прежнему ухмыляясь, говорит он, и в этот раз я двигаюсь в его сторону.

Эмили несётся через всю комнату и останавливает меня, положив ладони мне на грудь.

— Пойдём посмотрим, что прислала нам мама.

Я смотрю на неё. Пойду с ней, как только разберусь с Трипом.

— Иди. Я догоню тебя через минуту.

Я пихаю её плечом в сторону спальни.

— Логан, — произносит она. *Прекрати.*

Прекратить что? Я сажусь на диван рядом с Трипом, закидываю ногу на колено, а руки кладу на спинку.

— Иди прими душ. Я буду через минуту.

Эмили притоптывает ногой, и я ей улыбаюсь. Но не двигаюсь с места. Мне нужно сказать Трипу кое-что, что ему следует запомнить. *Иди одна. Нам с Трипом нужно поговорить.*

— То, что вы сейчас делаете, это очень невоспитанно, — не без фальши в голосе произносит Трип, переводя взгляд с меня на Эмили и обратно.

— Ты имеешь в виду то, что мы разговариваем? — спрашиваю я и улыбаюсь ему. А Эмили показываю: *Иди уже. Я не причиню ему вред. Обещаю.*

Клянёшься?

Я рисую крест в центре груди. Она закатывает глаза, но уходит в свою спальню.

— Это по-прежнему невоспитанно, как было минуту назад, — говорит Трип. Подозреваю, что он проворчал эти слова, но не могу сказать наверняка. Он смотрит телевизор, но мне всё равно видно его губы.

— Невоспитанно то, что, когда приводишь свою девушку к ней домой, оказывается, её бывший бойфренд разгуливает по её квартире в одних трусах. — Я улыбаюсь ему, изо всех сил стараясь выглядеть спокойным, хотя это совсем не так.

— Но сначала она была моей девушкой, — говорит он. И своим поведением напоминает мне Хайли, когда она очень устала и делает всё по-своему.

— Твой поезд ушёл. — Я стискиваю зубы.

Трип пожимает плечами.

— Как знать. Поезд может вновь приехать.
— Ты, чувак, нарушаешь Братский кодекс, — говорю я.
— Братский кодекс? — переспрашивает он. — Разве для этого мы не должны быть братьями? — Последнее слово он выделяет кавычками в воздухе.

Я пихаю его плечо своим, шутливо... но с силой.

— О, мы братья. Ты просто ещё этого не понял. Я могу стать твоим лучшим другом или твоим худшим врагом. Но лучшими друзьями мы точно не станем, пока ты живёшь с моей девушкой. Или пока ты в одних трусах. — Я выразительно смотрю на вызывающий предмет белья и рычу: — Одевайся, мать твою, когда выходишь из своей комнаты.

Дерьмо. Я так пытался сохранять спокойствие. И провалился. Игра окончена.

Трип кусает нижнюю губу, словно придумывая, какой бы колкостью мне ответить.

— Видишь ли, Логан, в том-то и дело. Пока это и моя квартира тоже. Поэтому я могу ходить здесь так, как мне нравится.

— Что ж, ладно. — Я встаю и широко потягиваюсь. — Тогда мы с Эмили просто останемся в её комнате. Пока ты не решишь одеться. — Я похлопываю его по голой коленке и заговорщицки улыбаюсь. — Когда я последний раз ночевал здесь, в её комнате не было телевизора. — Его улыбка увядает. — Но, уверен, мы найдём, чем заняться. — Я ему подмигиваю. — Готов поспорить, прямо сейчас ты бы хотел оказаться на моём месте. Во-первых, чтобы не слышать нас с Эмили. — Я показываю на свои уши, напоминая ему, что глухой. — А во-вторых, чтобы ты смог остаться с ней наедине. Голым. — Я цокаю. — Хотя, если бы ты был одет, мы позависали бы здесь, с тобой.

Трип поднимается с дивана и топает в свою комнату. Спустя минуту он возвращается, одетый в домашние штаны и футболку.

— Спасибо, — говорю я.

— Не за что, — отвечает он, садится на диван и смотрит на меня через спинку. — Ты ведь знаешь, что я был у неё первым, да?

— Я знаю, что ты облажался, унизив её. — Я скрещиваю руки на груди. Мысль о том, что он назвал Эмили тупицей, вызывает желание избить его.

Его плечи трясутся от смеха.

— Это она так тебе сказала? — Трип начинает переключать каналы.

Он подначивает меня, но я не могу остановиться.

— Только самый настоящий недоумок попытался бы обидеть такую девушку, как она, — говорю я.

Трип поднимается с дивана и идёт в кухню. Проходя мимо, он хлопает меня по груди.

— Только не забывай, братишка, — говорит он, его лицо напротив моего, губы медленно двигаются. — Я тот, кто лишил её девственности.

Должно быть, он видит мою злость, потому что внезапно отступает.

Но теперь ему ясно — он меня достал. Он оскорбил Эмили, говоря о тех вещах, которые не должны выходить за пределы спальни. Я перебарываю желание ударить его.

— О, это тебя напрягает, не так ли? — спрашивает он. — То, что я был внутри неё. Она была на мне, подо мной, её рот обхватывал мой...

Я толкаю его так сильно, что он ударяется головой о стену. Я чувствую вибрацию по полу.

— Заткнись.

— Почему? — Трип ухмыляется. — Ты. Не. Можешь. Уловить. Что. Я. Говорю? — говорит он медленно. — Я трахал твою девушку. — Он пожимает плечами. — Или ты трахаешь мою девушку? Не знаю, что именно. Но знаю, что мне не следует с этим смиряться. Рано или поздно она устанет от тебя, и тогда, с благословения её папочки, я буду рядом, буду ждать, когда смогу надеть ей на палец кольцо.

— Этого никогда не случится, — рычу я. Мне хочется ударить его лицом о стену, жаль, я не могу.

— Поживём — увидим, — отвечает он.

— Найди себе жильё и держись от неё подальше, Говно.

Он стискивает зубы.

— Меня зовут Трип.

— Я же так и сказал — *Говно*. — Тут я прикрываю рот пальцами и вскрикиваю, как девчонка. — О нет! Неужели я ошибся? Порой у нас, глухих, проблемы с произношением. — У меня, конечно же, таких проблем нет, но сейчас я его выбесил. — Ты понял, чего я хочу, а, Говно? — Я хватаю его за ворот футболки и притягиваю к себе. — Если ты ещё раз будешь говорить об Эмили то, что говорил минуту назад, *хоть кому*, включая меня, я оберну твой маленький член вокруг твоего горла и завяжу его в грёбанный узел. Понял меня?

Он опускает взгляд. Думаю, мне наконец удалось объяснить ему, что к чему.

— Мне кажется, Эмили сама может сделать выбор. — Он поправляет одежду, когда я его отпускаю.

— И она его уже сделала.

Эту фразу я говорю уже его спине. Дверь за Трипом с грохотом закрывается.

Я иду к комнате Эмили. Может, смогу помочь ей одеться. Но только я собираюсь повернуть ручку, открывается входная дверь и входят её родители. Возможно, они стучали. Не уверен. Наверное, Говно бы вышел, если бы позвонили в дверь. Или Эмили. Но они её родители и платят за эту квартиру, так что, думаю, они могут делать всё, что хотят.

— Логан, — быстро подходя ко мне, говорит мама Эмили. Она очень рада меня видеть, и я удивлён, что она тоже мне нравится. Она обнимает меня и хлопает по спине. — Где Эмили? Вам подошла одежда, которую я прислала?

Мистер Мэдисон смотрит на то, во что я одет, и морщится. И я вижу, что они сами одеты с иголочки, когда мистер Мэдисон помогает миссис Мэдисон снять пальто. На ней жемчуга и бриллианты, а её синее платье, должно быть, стоит больше, чем машина.

— Эмили одевается первая, — отвечаю я, кивая в сторону её спальни.

Миссис Мэдисон торопливо проскальзывает в комнату дочери и закрывает за собой двери.

Я стою на месте и смотрю, как идиот, на мистера Мэдисона. В последний раз, когда мы виделись, я вёл себя как придурок. А мне на самом деле хочется, чтобы у нас были хорошие отношения. Я протягиваю ему руку, он крепко её пожимает, глядя мне в глаза.

— Мистер Мэдисон, — начинаю я, но не знаю, что сказать.

— Мистер Рид, — отвечает он, выпуская мою руку, и смотрит на меня так, будто ждёт, когда я начну извиняться. Но я бы не стал этого делать, будь я десять раз при смерти, потому что не думаю, что следует извиняться за то, в чём не чувствуешь своей вины.

— Логан, — поправляю я его.

Он лишь кивает.

— Мистер Мэдисон, я бы хотел с вами поговорить. — Я никак не могу подобрать правильные слова, чтобы озвучить то, что хочу сказать.

— Я на это надеялся.

Он садится в кресло и указывает мне на диван напротив. Я осторожно присаживаюсь, не зная, как продолжить.

— В последний раз, когда мы разговаривали...

— Ты имеешь в виду тот раз, когда ты ушёл и что-то сломал?

Мне хочется покурить. Я даже почти чувствую сигарету между пальцами.

— Это была всего лишь урна. — Но это могло бы быть его лицо, если бы я не был джентльменом. А он не был бы отцом Эмили.

— Урна ничего тебе не сделала. — Но мистер Мэдисон улыбается, когда говорит эти слова, и давление в моей груди чуть уменьшается.

— Мистер Мэдисон, мне кажется, я должен рассказать вам о своих намерениях в отношении вашей дочери.

Он поднимает бровь.

— Ну давай.

— Я до безумия люблю её, и мне бы хотелось получить ваше благословение на то, чтобы жениться на ней. — Я моргаю. Мне стоит сказать ещё что-нибудь, и слова вертятся у меня на языке, но так и не слетают с него.

— Нет.

И это всё, что он говорит. Просто «нет».

— Мистер Мэдисон, — начинаю я. — Я бы действительно хотел получить ваше благословение.

— И мой ответ по-прежнему «нет», молодой человек. — Он наклоняется вперёд, опираясь локтями на колени. — Ещё до рождения Эмили я мечтал о том, какой будет моя семья. Я мечтал о доме, полном детей. Но родилась лишь она одна. До того, как она пошла в сад, мы даже не догадывались, что с ней что-то не так. — Он качает головой. — Я надеюсь, что тебе никогда не придётся испытать, что значит иметь ребёнка с такими проблемами, как у Эмили. Это было разочарованием для всех нас.

Я откидываюсь на спинку дивана. Мне внезапно становится тяжело дышать. Я бы гордился такой дочерью, как Эмили.

Мистер Мэдисон же, качая головой, продолжает:

— Она никогда не станет предпринимателем или учёным, или доктором. Никогда не сможет исполнить то, о чём мы для неё мечтали. Но она может удачно выйти замуж. — Он подаётся вперёд и сжимает моё колено, словно доверяя мне свою тайну. — А ты, сынок, не отвечаешь критериям.

Он поднимает руку, стоит мне только открыть рот, и я его закрываю. Наверное, сейчас я напоминаю рыбу, выброшенную на сушу.

— У тебя будет свой маленький тату-салон, дерьмовая квартира, а своей жене ты купишь малюсенький бриллиантик. И ты будешь этим доволен. Только вот я этим доволен не буду, если речь идёт о моей дочери. Она заслуживает лучшего.

— Да, — соглашаюсь я. — Она действительно заслуживает лучшего.

Определённо, она заслуживает лучшего отца, чем этот. Она заслуживает такого отца, который сможет, чёрт побери, увидеть её внутреннюю красоту и её ум.

— Она заслуживает лучшего, — снова повторяю я.

— Я решил, что пусть она развлекается, пока ей не надоест. — Мистер Мэдисон откидывается в кресле и складывает руки домиком на животе. — В конечном счёте, она всё-таки сделает хорошую партию. И ты тут будешь ни при чём.

— Но... — Я даже не могу выдать из себя предложение. Настолько я, блин, поражён.

— Никаких но, — говорит он. — Сейчас Эмили переберётся и остепенится с правильным молодым человеком, как Трип.

— Трип считает её тупой, — говорю я. И даже не осознаю этого, пока не встречаюсь с ним глазами. Вообще-то, я не хотел говорить это вслух.

Мистер Мэдисон кивает.

— Парень обо всём знает, но не будет обращать на это внимания. Она станет отличной женой. Родит детишек, будет послушной. — Он делает шумный выдох. — Она отложит в сторону свою проклятую гитару и заживёт подобающей жизнью, в качестве жены кого-то важного.

— Простите, сэр, но я с вами не согласен.

Он фыркает.

— Ещё бы!

Я тяжело вздыхаю.

— Я собираюсь заставить вас передумать, сэр.

Он качает головой.

— Ничто не заставит меня передумать. Я знал, каким станет будущее Эмили, как только выяснилось, что она никогда не сможет читать. — Он поднимается на ноги. —

Можно не переживать. Мы наймём нянь, которые будут читать её детям. Возможно, они не будут такими, как она.

Я молюсь Богу, чтобы каждый её ребёнок был в точности как она. Потому что Эмили — само совершенство, чёрт подери!

— Я не перестану пытаться. — Я хочу, чтобы он знал о моих намерениях. — Я собираюсь стать достойным вашей дочери. Хочу, чтобы вы были полностью в курсе моих целей, сэр.

Мистер Мэдисон смотрит на свои часы.

— Иди одевайся. Я не хочу, чтобы из-за тебя мы опоздали.

Я встаю на ноги. Моя чаша терпения переполнена.

— Сэр, при всём уважении, вы, на хрен, идиот, если считаете Эмили глупой или неспособной к обучению. Она выдающаяся девушка. И она будет делать выдающиеся вещи, и её дети будут в точности как она. И это всё будет у неё, когда она выйдет за меня замуж. — Его взгляд застилает ярость. Я перегнул палку, но мне плевать. — Она удостоила бы меня чести, став моей женой, такой, какая она есть.

— Это потому, что у тебя нет мотивации, — усмехнувшись, говорит отец Эмили. И я рад, что не могу слышать, потому что, должно быть, звук его смеха напоминает скрип пенопласта по стеклу. — Этому ты учишься, когда за спиной у тебя ничего нет. У тебя нет никаких ожиданий.

Я поворачиваюсь и иду к спальне Эмили, моё сердце бьётся так быстро, что я боюсь, как бы оно не выскочило из моей груди. Я стучусь в двери, и Эмили открывает мне. У меня перехватывает дыхание. На ней платье цвета слоновой кости, которое подчёркивает все её округлости, какие-то громоздкие украшения, наверняка настоящие, ценой в грёбаное состояние; и двенадцатисантиметровые каблуки, в которых она достаёт мне до подбородка.

Эмили прищуривается.

— С тобой всё в порядке? — спрашивает она и выглядывает через моё плечо на своего отца. Из своей комнаты выходит Трип, разодетый для вечеринки в элегантный костюм и чёрные туфли. Даже галстук повязал. И мистер Мэдисон, по ходу, очень рад его видеть. Меня же, напротив... я словно жвачка, прилипшая к подошве его ботинка.

— Всё нормально. Твой отец боится, что мы опоздаем. — Я захожу в комнату и позволяю её матери закружить меня в этом безумии из переодеваний. Я стараюсь выбросить из головы слова мистера Мэдисона, потому что меня тошнит каждый раз, стоит только подумать, что Эмили росла с таким примером перед глазами. Он всё, что она знала. Нет ни хрена удивительного в том, что она решила уйти.

Я тотчас же решаю, что изменю её жизнь. И сделаю это самым простым способом — буду любить её такой, какая она есть. Я бы всё равно не смог иначе.

Я закрываю за собой двери, оставляя Эмили с её отцом и бывшим парнем. Миссис Мэдисон смотрит на меня через всю комнату, притоптывая ногой по дубовому паркету.

— Что он сделал? — спрашивает она.

— Кто? — отвечаю вопросом на вопрос я. Мне понятно, о ком идёт речь, но у меня проблемы с мистером Мэдисоном, а не с миссис Мэдисон.

— Ты знаешь кто. — Её нога начинает притоптывать быстрее. — Порой он просто выводит меня из себя. — Она выбирает рубашку, прикладывает её к моей груди и рассеянно произносит: — Не эта. — Потом она проделывает то же самое с другой рубашкой. И ещё одной. — Она такая умная девочка, а он совершенно в неё не верит. — Глаза миссис Мэдисон наполняются слезами, и у меня сжимается сердце. Эта женщина знает, какая замечательная у неё дочь. Она знает.

— Почему вы позволяете ему так с ней обращаться? — спрашиваю я.

— О, рядом с ней он всегда очень обходителен. И она понятия не имеет, как сильно он заботится о ней или как много планирует, чтобы она ни в чём не нуждалась.

Какого хрена? Она действительно так думает? Он унижает их дочь перед всеми, кто готов слушать. Он только что сказал мне, что Эмили тупая, прямо мне в лицо.

— Вы в розовых очках, — бормочу я.

— Ты что-то сказал? — говорит мама Эмили, поднимая взгляд от груды одежды. Она закусывает нижнюю губу и начинает её жевать. Совсем как её дочь.

— Ничего, — отвечаю я. — Эта? — Она кивает, и я забираю рубашку. — Сколько я вам за это должен? — Мне не хочется быть обязанным мистеру Мэдисону.

Мама Эмили смотрит на меня так, словно я только что сообщил ей, что убил её кошку.

— Должен мне?

— За одежду?

— О, это всё принадлежит «Мэдисон-Авеню», — отвечает она. — Часть нашей новой линии одежды. Эмили тоже в неё одета. Сегодня там будет много моделей. Так что сделаешь нам большое одолжение, если наденешь всё это. Новая линия более молодёжная и стильная, чем то, что мы делали раньше. И мы не уверены, как она будет продаваться. — Миссис Мэдисон улыбается мне и проводит ладонью по моей щеке, а потом показывает на кровать. — Нижнее бельё, носки, туфли, двухслойный верх. — Она улыбается. — Если тебе, конечно, нравится.

— Всё отлично, — говорю я.

— Спасибо тебе, — отвечает она, глядя мне в глаза.

— Я пока ещё ничего не сделал. — Я улыбаюсь ей, потому что в глазах у неё снова стоят слёзы, а мне не хочется, чтобы мама Эмили плакала.

— Ты сделал больше, чем можешь себе представить. — Миссис Мэдисон всхлипывает и уходит из комнаты.

Я падаю спиной на кровать и провожу ладонями по лицу. И что, на хрен, мне делать с отцом Эмили? Я собираюсь на войну безоружным.

Эмили

Что-то не так. Не знаю, что произошло, пока я переодевалась, но что-то определённо не так. Логан, похоже, закусывает щёку изнутри, а мой отец выглядит самодовольно и надменно. Ну да, обычно он всегда так выглядит, но сейчас это выше нормы. Логан закрывает за собой дверь в мою спальню и остаётся там с моей мамой.

— Папа, — говорю я. — С Логаном всё в порядке?

Папа пожимает плечами, уставившись в свой «Блэкберри», и даже не поднимает на меня глаза.

— Откуда мне знать?

— Разве вы только что не разговаривали? — Я показываю большим пальцем в сторону своей комнаты. — Он выглядел раздражённым, когда зашёл в спальню.

Отец усмехается.

— Мне показалось, он всегда в таком настроении.

— Логан — классный парень, папа, — торопливо говорю я. Не знаю, почему мне не всё равно, но мне не всё равно. Мне очень важно, что он думает. Я хочу его задобрить. Только вот, думаю, это невозможно.

Трип показывает мне, чтобы я пошла за ним на кухню. Мне не хочется проводить ни секунды в обществе Трипа, но он поднимается, и я вроде как вынуждена пойти за ним.

Когда я захожу на кухню, Трип, скрестив руки на груди, стоит, опираясь на кухонную столешницу.

— Насколько хорошо ты знаешь Логана? — спрашивает он.

— Я знаю всё, что мне нужно. — Мне нет нужды объяснять Трипу или ещё кому-то наши с Логаном отношения.

— Пока ты собиралась, у нас с ним состоялся разговор. — Трип щурится. — Хочешь знать, что он мне сказал?

— Вообще-то, нет. — Я поднимаю руку, когда он пытается заговорить. — Зачем ты это делаешь, Трип?

Он пытается взять меня за локоть, но я отдёргиваю руку.

— Эм.

— Не вздумай снова ко мне прикоснуться, Трип, — предупреждаю я.

Голос Трипа становится мягче.

— Эм, когда-то нам было так хорошо вместе.

— Нет. Это было ужасно.

У него вытягивается лицо.

— Но у нас всё было хорошо, по крайней мере, до того вечера.

Я помню тот вечер так, словно это было вчера. И мне до сих пор больно так же, как тогда.

— Может, ты сделаешь скидку на то, что я был пьян, когда сказал это? Неужели не простишь меня? — Он наматывает на палец локон моих волос и игриво тянет. Я перебрасываю волосы через плечо.

Мы были на предсвадебном ужине, в окружении всех наших друзей.

— Эм, ты уже знаешь, что будешь? — спрашивает Трип, опуская руку на мои плечи. Он смотрит на меня сверху вниз, и по его расширенным значкам мне сразу становится понятно, что он выпил что-то покрепче шампанского. Я ненавижу, когда он пьяный, но должна с этим мириться. Завтра я собираюсь выйти за него замуж.

Я поднимаю взгляд на официантку, которая приготовилась записывать мой заказ.

— Что вы порекомендуете? — спрашиваю я у неё. Это самый безопасный способ увернуться от того, чтобы не читать меню.

— Детка, просто выбери уже что-нибудь, — настаивает Трип. Он открывает передо мной меню, я стараюсь прочесть хоть что-то, но буквы сливаются в единое пятно.

Я молчу, потому что официантка ждёт, Трип ждёт, все ждут.

Я смотрю на сестру Трипа.

— А ты что возьмёшь?

— Я ещё не решила, — говорит она, какое-то время изучает меню, а потом называет свой заказ.

— Мне то же самое. — Я закрываю своё меню.

Но Трип снова его открывает.

— Заказывай всё, что хочешь, милая. Давай же, ты сможешь.

Я сбрасываю его руку со своих плеч.

— Я только что сделала свой заказ, Трип. Так почему бы и тебе не сделать свой? —

Я улыбаюсь ему и похлопываю его по щеке. У него красные глаза, которые с трудом удерживают фокус.

— Просто прочитай грёбаное меню, Эм. В этом нет ничего заумного. — Он смеётся, похрюкивая, и его приятели ржут вместе с ним. Они не знают, что у меня дислексия, что у меня проблемы с чтением. Но он знает.

— Она уже заказала, Трип. Оставь её в покое, — говорит его сестра.

Он показывает на меню.

— Но она должна заказать то, что хочет сама, а не то, что захотел кто-то другой. — Он снова смотрит на меня. — Не будь такой тупой, Эм. Прочитай это грёбаное меню.

От слёз начинает щипать глаза.

— Дай мне встать, Трип, — говорю я ему, показывая, чтобы он отодвинулся.

— Зачем?

— Потому что мне нужно встать. — У меня дрожит голос, и я это ненавижу. — Подвинься! — Я отталкиваю его, и он, спотыкаясь, поднимается.

— Эм, не будь смешной, — говорит Трип. Но до него наконец доходит, что уже достаточно сказано.

Я начинаю загибать пальцы.

— Сначала я была тупой. Теперь я смешная. Дальше будешь продолжать? — Я упираюсь руками в бока и смотрю на него.

— Эм, — говорит он и качает головой. — Ты сделала заказ — отлично. — Он показывает на стул. — Я просто хотел помочь.

Меня трясёт, и я не могу это остановить. Такое происходит не в первый раз. Но он впервые так поступает на людях. Я поворачиваюсь, чтобы уйти.

— Куда ты собралась? — спрашивает он у моей спины.

— Я ухожу.

Он садится на своё место. Однако мне прекрасно слышен его голос.

— Она вернётся через минуту. Простите, народ. Должно быть, нервы перед свадьбой разыгрались.

Нервы перед свадьбой разыгрались, как же!

— О чём задумалась? — игриво спрашивает Трип.

— Я думала о том вечере в ресторане, накануне свадьбы, — признаюсь я.

— Тем вечером я облажался. — Он тянется ко мне, и я отступаю в сторону.

— Не трогай меня.

— Как хочешь, — резко отвечает Трип. — Давай просто поговорим. Мы никогда не говорили о том вечере. Никогда не говорили о том, почему ты ушла. Это из-за того, что ты необучаема? — Он старается выглядеть так, словно ему и правда есть дело, но я по-прежнему уверена в том, что он плевать на меня хотел.

— Я могу учиться. — Я показываю на себя пальцем. — Я не какая-то дура.

— Я знаю, что ты не дура. Прости, что я когда-то сказал иначе. Я знаю, какая умная ты на самом деле.

Я отворачиваюсь от него.

— Но ты назвал меня тупой. Перед своими друзьями.

— Я был пьян! — восклицает Трип, но потом смотрит через плечо и успокаивается.
— Как бы то ни было, можно мне сделать поблажку за плохой выбор слова?

— А мне будет поблажка за мою дислексию? — спрашиваю я.

— Я достаточно мирился с твоей дислексией, Эм, — отвечает он.

— Ты *мирился* с моей дислексией? — Не могу поверить, что он только что это сказал.

— Да ты даже долбанное меню прочитать не можешь, Эм! Порой это немного раздражает. — Он улыбается мне. Но той улыбкой, которая не отражается в глазах.

— Как ты думаешь, Трип, каково тогда мне? Это же я не могу читать.

— Да ты даже не пытаешься! — Он тычет себя в грудь. — Я тоже там был. Ты даже не смотрела в меню. Могла бы хоть постараться что-то прочитать! Это всё, что я от тебя хотел.

— Логан никогда не заставляет меня читать меню, — огрызаюсь я. Это ужасно, что я только что использовала Логана как пример, но он *и есть* пример для всех мужчин. Он такой, каким должны быть все мужчины. Он добрый, заботливый, чертовски умный и талантливый. И он меня любит.

— Наверняка только потому, что сам не может.

Я ахаю.

— Да как ты смеешь?

— Он глухой, Эмили, — сквозь зубы проговаривает Трип. — Насколько ещё ниже ты готова опуститься? — Он качает головой. — Или к этому ты и стремилась? К кому-то, кто на одном с тобой уровне?

И что это должно означать?

— Ты никогда в жизни не станешь таким, как Логан.

— Что ж, я тоже надеюсь, что никогда не оглохну, не набью себе татуировок и не обеднею. — Он выдыхает через нос.

— Я устала от этого разговора.

Трип смотрит на меня.

— Очевидно.

— Найди себе жильё, Трип. И побыстрее.

Он кивает.

— Я постараюсь.

— Старайся лучше.

Он снова кивает.

Я оставляю Трипа в кухне. И как только я захожу в гостиную, дверь моей спальни открывается, и оттуда появляется Логан. От его вида захватывает дух. Он одет в чёрные брюки, чёрную водолазку и ярко-синюю рубашку с длинными рукавами, расстёгнутую у ворота. Галстука нет, но он тут и не нужен. Боже, Логан выглядит так, словно сошёл с обложки модного журнала. Через плечо он перебросил пиджак, зацепив его указательным пальцем.

Логан приподнимает брюки.

— Эти носки не слишком вычурные? — спрашивает он и улыбается — его носки в разноцветную полоску.

Я качаю головой.

— Всё к месту. — Я несколько раз осматриваю его с ног до головы. Боже, он прекрасен. — Ты потрясно выглядишь.

— Да, думаю, неплохо. — Он явно чувствует себя не в своей тарелке.

— Логан, ты выглядишь изумительно! — восклицает моя мама и хлопает в ладоши, как зритель в театре.

Папа не отрывает взгляда от своего телефона.

— Теперь мы можем ехать?

Логан помогает надеть пальто сначала маме, потом мне. Разворачивая меня спиной к себе, он наклоняется к моему уху.

— Ты выглядишь так, что хочется тебя съесть.

Моё сердце делает кувырок.

Как и ты, показываю я жестами.

Он выгибает брови. *Не говори так. На мне шёлковые трусы, которые выбирала твоя мама.* И он поправляет свои брюки.

Я улыбаюсь ему. Мы заходим в лифт, и он показывает мне жестами: *Ты в порядке? Выглядишь расстроенной.*

Всё нормально. Просто сказала Трипу, что ему нужно найти себе жильё.

Логан закатывает глаза. *Ему давно уже следует.*

Он над этим работает.

Поверю, когда увижу своими глазами.

Когда мы спускаемся на первый этаж, Генри спешит к дверям и открывает их для нас.

— Чудесно выглядите, мисс Мэдисон, — говорит он мне, в то время как Трип садится в лимузин. Я сжимаю ладонь Генри. Он придерживает для меня дверь автомобиля, и я проскальзываю внутрь. Логан усаживается рядом со мной, и я успокаиваюсь только когда его плечо соприкасается с моим.

Ты в порядке? Спрашивает Логан. Он заправляет мне за ухо прядь волос, его рука задерживается у моего виска. Я, как кошка, выгибаюсь в его сторону и опускаю его ладонь, чтобы поцеловать её.

Склонив голову ему на плечо, я киваю. Пока он рядом, со мной всё хорошо.

Логан

Не знаю, что произошло, пока я одевался, но что-то определённо не так. Это видно по тому, как ведёт себя Эмили — словно она вдруг стала ледяной и её хрупкую фигурку вот-вот разобьёт удар молотка. Эмили сидит между мной и Трипом. Его бедро касается её, и она отодвигается от него ближе ко мне. Он раздвигает ноги ещё шире. Я наклоняюсь вперёд, чтобы посмотреть на него и показываю ему глазами на его ноги. Он едва заметно ёрзает и тяжело вздыхает. Но больше к ней не жмётся.

Родители Эмили сидят напротив нас, её отец не отрывается от своего телефона. Её мама наблюдает за моей молчаливой беседой с Трипом и улыбается мне.

— Твой осенний семестр уже начался, Логан? — спрашивает она.

Я беру руку Эмили в свою и переплетаю наши пальцы, так что ладони касаются друг друга.

— Да, мэм. Я начал учиться неделю назад.

— В таком случае, разве тебе не нужно было остаться дома и сделать домашнее задание? — неожиданно оторвавшись от своего мобильного, спрашивает мистер Мэдисон.

— Нет, сэр. Я его уже сделал.

— Какая у тебя специализация? — спрашивает миссис Мэдисон.

— У меня их две — Изобразительное искусство и Реклама.

Эмили тянет меня за руку, подавшись чуть вперёд.

— Вы должны посмотреть его работы. Они потрясающие!

— Ты рисуешь красками, Логан? — спрашивает её мама.

— Я пользуюсь разными средствами. Всё зависит от ситуации.

Она показывает на татуировку на запястье Эмили.

— Как в этом случае?

— О, это не его работа, — говорит Эмили. — Её сделал его старший брат, Пол. — Она проводит ладонью по внутренней стороне руки. — Это был сюрприз для Логана.

— А как вы встретились? — спрашивает миссис Мэдисон. Она склоняет голову набок. Что-то подсказывает мне, что ей уже известна наша история, но вот её муж откладывает «Блэкберри» и готов слушать.

Эмили поднимает на меня свои прекрасные карие глаза и моргает.

— Я зашла в его тату-салон, чтобы сделать татуировку. — Она ухмыляется. — А он начал ко мне подкатывать. — Эмили пихает меня локтем в бок. — Я могу им рассказать, что случилось потом? — Я чувствую, как она смеётся рядом со мной.

— Она ударила меня в лицо, миссис Мэдисон. — Я рассеянно трогаю свой нос.

— Он подкатывал ко мне, я разозлилась. — Эмили пожимает плечами, но по-прежнему смеётся. — Никогда не забуду выражение его лица.

— Вот я только что думаю, как проведу время с красивой девушкой, — на словах «проведу время» Эмили сжимает мою руку, потому что мы оба знаем, что я хотел затащить её в постель, как делал с остальными девушками, — а в следующую секунду она ломает мне нос.

Эмили смеётся. Она тянет меня за рукав до тех пор, пока я не опускаю на неё глаза.

— Ты больше уже ни к кому не пытался приставать, да? После того случая?

— Ты отучила меня от этого поведения, — говорю я и смеюсь, потому что сейчас это кажется забавным. Но тогда мне было совсем не до веселья. Было чертовски больно.

— Это была любовь с первого взгляда? — спрашивает миссис Мэдисон.

Я смотрю в глаза Эмили. Она заинтриговала меня с той самой минуты, когда я увидел эскиз её татуировки. В нём было так много всего, что мне захотелось её узнать. Но тогда она мне не позволила.

— Я влюбился почти сразу же, — признаюсь я.

Трип тычет пальцем в горло, как будто хочет, чтобы его стошнило, но мне кажется, я единственный, кто заметил.

— Мне понадобилось чуть больше времени, — отвечает Эмили. — Logan и его братья разрешили мне какое-то время пожить у них.

Её отец выгибает брови.

— Он спал на диване, а мне оставил свою спальню, — торопливо добавляет Эмили.

Мистер Мэдисон пристально смотрит на меня. Я только один раз спал на диване — половину первой ночи. Потом мы всё время спали вместе в моей кровати. Но у нас не было секса, не было до того момента, пока она мне не открылась. До этого у неё было слишком много секретов.

— Моя семья хотела бы пригласить вас на ужин, пока вы не уехали. Чтобы все смогли познакомиться. — Я ещё не говорил об этом Эмили, но Пол поднял эту тему. Это хорошая идея.

— По-моему, отличная мысль, Logan! — говорит миссис Мэдисон.

— Будет интересный вечер, — добавляет мистер Мэдисон.

— На прошлой неделе я получила окончательное расписание своих занятий, — говорит Эмили, меняя тему разговора. Её отец фыркает, раздувая грудь.

— Надеюсь, тебе будет не очень сложно, милая, — отвечает её мама. Эмили застывает.

— Всё будет отлично.

— А что с твоей музыкой, дорогая? — спрашивает миссис Мэдисон. По крайней мере, она хотя бы делает вид, что ей не всё равно.

— В конце недели состоится большой концерт. И для выступления мне нужно будет приготовить собственный номер. — Она хмурится, как мне кажется, из-за неуверенности.

— Как здорово! — произносит с улыбкой мама Эмили и тянет за рукав её отца. — Правда, любимый?

Он дёргает плечом и сбрасывает с себя её руку.

— Пустая трата времени.

— Эмили очень талантливый музыкант, — встречаю я. Не позволю им принижать её способности. — Вы даже не слышали, как она играет.

— А ты слышал? — отвечает он мне в тон.

— Может, я не способен это услышать, но я вижу страсть в её глазах и чувствую радость в её сердце, когда она играет, мистер Мэдисон. — Я делаю глубокий вдох. — Люди обожают её слушать. Она обожает музыку. А я обожаю смотреть, как она играет. — Я наклоняюсь и целую Эмили в лоб. — Я буду на твоём концерте, несмотря ни на что.

Она улыбается мне и кладёт голову на моё плечо.

— Мы тоже, — объявляет её мама. Ага, так я и поверил.

— Я надеюсь, ты скоро выбросишь из головы эту свою музыку и вернёшься к нормальной жизни.

Я напрягаюсь и сжимаю ладонь Эмили.

— Это и есть реальная жизнь, папа, — отвечает она. — Моя жизнь. Которую я проживаю, как сама хочу.

Её мама подмигивает ей.

— Оставь её в покое, дорогой, — сладко произносит она, но её поза говорит о том, что за этими словами скрывается твёрдость.

Все умолкают. Я смотрю на всех по очереди, чтобы быть уверенным, что ничего не упускаю. Но никто ничего не говорит. Эмили смотрит в окно, мимо меня. А между её родителями чувствуется ощутимый раскол во мнениях. Трип же остаётся собранным и спокойным. Мудила.

Эмили

Логан — самый красивый мужчина во всём зале. И я говорю так, не потому что он мой. Здесь много моделей, одетых в «Мэдисон-Авеню», но никто из них не носит эту одежду так, как Логан. Просто он чертовски красивый.

По всему залу расставлены стенды с новой рекламной кампанией моего отца. Логан останавливается перед одним из них и морщится.

— Тебе не нравится? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами.

— Наверное, тут всё отлично.

Я склоняю голову набок, пытаюсь разглядеть то, что видно ему.

— Что тут не так?

Он снова пожимает плечами.

— Да ничего. Я просто подумал, что можно было бы сделать ещё лучше.

Трип хлопает Логана по плечу.

— Не переживай, я расскажу боссу, как сильно тебе понравилась его рекламная кампания.

Он подмигивает мне. Подонок. Не могу поверить, что когда-то собиралась выйти за него замуж.

— У твоего отца появится ещё одна причина ненавидеть меня, — говорит Логан, сжимая мою ладонь.

К нам подходит одна из моделей и кладёт свою руку на плечо Логана.

— Потанцуешь со мной? — спрашивает она.

Он качает головой и вежливо ей отказывает.

— Я буду танцевать со своей девушкой, — добавляет Логан, берёт меня за руку и тянет на танцпол. А потом улыбается мне. — Я не могу чувствовать ритм такой музыки.

Он оглядывается вокруг на другие пары. Я вижу, как на танцпол с моделью, что подходила к Логану, выходит мой отец, и закатываю глаза. Логан обнимает меня одной рукой, во вторую берёт мою ладонь. Притягивает меня ближе, мы в миллиметрах друг от друга, но не касаемся, и моё сердце начинает трепетать. Я когда-нибудь привыкну быть с этим мужчиной, который заставляет меня чувствовать себя такой совершенной?

Логан, наблюдая за другими парами, подстраивается под ритм.

— У тебя отлично получается, — говорю я, на что он лишь улыбается и пожимает плечом.

— Когда мы были маленькими, мама всех нас водила на танцы. Пол вообще прозанимался год балетом, пока не отрастил яйца, чтобы сказать ей, что больше не будет туда ходить. — Он усмехается. Для меня нет прекраснее звука, чем его смех.

Когда мы только познакомились, Логан совсем не разговаривал. Он начал говорить ради меня, а смеяться ему пришлось учиться ещё дольше. Порой он не может угадать, насколько громко звучит, и ему не всегда удаётся подстроиться под ситуацию.

И сейчас как раз такой случай.

Мой отец бросает на меня взгляд. Я смотрю на Логана и улыбаюсь.

— Что-то не так? — спрашивает он.

— Всё отлично, — говорю я. Так и есть. Если мне придётся выбирать, я отдам свою правую руку в обмен на голос Логана. Слышать его слова, его смех, мысли — это для меня всё.

Папа с моделью приближаются к нам, и вот он разъединяет нас, занимая место Логана.

— Не возражаешь? — спрашивает он, но при этом не смотрит на него.

Логан вопросительно поднимает бровь. Я беззвучно произношу «прости». Он улыбается и качает головой.

Папа оставил модель, и она подходит к Логану, протянув руки. Логан мгновение

смотрит на неё, и я вижу, как его грудь вздымается в тяжелом вздохе, а потом он берёт её руку в свою, а вторую кладёт ей на талию. Мне это не нравится. Совсем не нравится.

— Хватит так смотреть, Эмили, — говорит мой отец. — С парнем всё хорошо.

— Я ничуть не переживаю, папа, — возражаю я. Ну, если только немножко. Логан не привык к такого рода вечеринкам. Здесь много людей, которые зарабатывают состояния.

— Ммм-кхм, — мычит папа. Он раскручивает меня в танце, и, на удивление, это заставляет меня рассмеяться. Папа выглядит счастливым... Что-то происходит. Я это прямо-таки чувствую.

Он ведёт нас к краю танцпола, и я совершенно теряю из вида Логана.

— Ты могла бы найти кого-то получше, Эм, — говорит он. — Куда лучше.

Я сжимаю зубы.

— А что значит лучше, пап? — бросаю я. — Я очень сомневаюсь, что смогу найти кого-то лучше, чем этот мужчина, который любит меня до безумия, который будет заботиться обо мне, который всегда будет рядом со мной до конца моих дней.

— Он не подходит нам, Эм.

— Он не подходит тебе, папа. — Я тяжело выдыхаю. — Но он определённо подходит мне.

— Ты можешь найти кого-то более достойного. — Отец сжимает губы в одну тонкую линию. — Трип боится, что ты думаешь, будто не сможешь найти никого лучше Логана из-за своей дислексии.

Я останавливаюсь и отступаю.

— Что? — Он с таким же успехом мог дать мне под дых. Трип говорил мне это, но я никак не ожидала, что мой папа поддержит эту мысль.

— Я просто хочу для тебя самого лучшего.

— Тогда оставь меня, — отвечаю я, делаю шаг назад и иду по краю танцпола, чтобы найти Логана. Во мне кипит гнев. Люди расступаются, чтобы дать мне пройти. Но не Трип. Он встаёт передо мной и протягивает руки в предложении танца.

— Нет уж, спасибо, — говорю я сквозь зубы.

— Что случилось? — спрашивает он, сама забота.

— Ничего. — Я не хочу разговаривать с Трипом.

— Ты злишься, потому что Логан ушёл с той девушкой?

Мой взгляд тут же находит его глаза, но он отводит их в сторону.

— Что за девушка? — спрашиваю я. Та, с которой он танцевал? — Зачем бы ему это делать?

— Не знаю, но общались они очень даже по-дружески. — Трип пожимает плечами и показывает в сторону террасы.

Логан выходит оттуда в то же самое мгновение, как я подхожу к дверям. Он заправляет рубашку в брюки. У меня останавливается сердце. Смахнув волосы со лба, он раздражённо выдыхает.

— Где ты был? — спрашиваю я.

— Подозреваю, что с подсадной уткой Трипа. — Он берёт меня за руку и вытаскивает на террасу, которая, как я вижу, пуста. Наверное, она вышла через соседнюю дверь. — Не могу поверить, что он это сделал. — Логан смотрит вверх и качает головой. — Хотя, вообще-то, нет, могу. Он же Трип, в конце концов.

— Сделал что? — Я ничего не понимаю.

— Она сказала, что её тошнит и нужно на свежий воздух. И у неё так кружится голова, что она не может идти сама. И тогда я принёс её сюда. Тут же её плохое самочувствие исчезло, и она принялась меня лапать. — И он начинает неистово хватать меня руками, имитируя её движения. Потом, прищурившись, смотрит на меня. — Тебя послал сюда Трип, да?

Так и было.

— И что?

— Этот жалкий ублюдок попытался меня подставить, — рычит Логан и бьёт кулаком в стену. — Я убью этого маленького мудилу.

Я кладу руку ему на грудь, и он закрывает глаза.

— Она пыталась тебя соблазнить? — спрашиваю я.

— Если это можно так назвать, — отвечает Логан. Он накрывает мою ладонь своей, и я чувствую его ровное сердцебиение. — Такое ощущение, что она просто хотела упасть на колени и отсосать у меня. Мне еле как удалось вырваться.

Я закрываю рот рукой. Это не смешно. Совсем не смешно. Но из меня вырывается смех. Логан выглядит таким обескураженным. Он сжимает руки в кулаки.

— Прости, — говорю я, когда он, прищурившись, смотрит на меня.

— По-твоему, это смешно, — говорит Логан, наступая на меня, и я делаю шаг назад. Моя спина касается стены, а его ладони ложатся по обе стороны от моей головы. — Тебе весело, да?

Но его голос звучит нежно, и он утыкается губами в мою шею.

— О, выражение твоего лица — оно было бесценным, — говорю я. И он наконец улыбается.

— То выражение, которое говорило, что мне нужно было на хрен убраться отсюда? — Он нежно целует меня, и я замечаю на его щеке след от помады. Вытираю его большим пальцем.

— Она тебя поцеловала? — спрашиваю я.

— По мне так, это больше было похоже на игру «Увернись от поцелуя». Она нацелилась оставить на мне следы помады.

Я стираю пятно с его шеи. Это должно было меня разозлить. Они надеялись, что я разозлюсь на Логана. Но мне грустно. Мне больно оттого, что они попытались повернуть это с таким замечательным мужчиной.

— Прости, — говорю я и кладу голову ему на грудь. Логан делает глубокий вдох, и я чувствую, как его напряжение уходит.

В дверном проёме появляется голова моей мамы, её взгляд полон тревоги.

— Вот вы где, — говорит она. — Пора ужинать.

— Хочешь вернуться домой? — спрашиваю я Логана. И не стану винить его, если он захочет.

Он скептически выгибает бровь.

— И позволить им выиграть? Ни хрена! Ты с ума сошла?

Он берёт меня за руку и ведёт к нашему столику. Папа и Трип выглядят сконфуженными, а мама — потерянной.

— Неплохая попытка, — говорю я еле слышно.

— Эм, — начинает Трип.

— Обсудим это в другой раз, — обрываю его я.

Трип кивает. Боюсь, я только что дала ему надежду в том, чего никогда не может быть — и никогда не будет.

Логан

Я не могу поверить, что они, мать их, это сделали! Самую грязную, низкую, коварную подлость... Я отодвигаю для Эмили стул и, когда она садится, придвигаю её ближе к столу. Сам сажусь рядом. Официант приносит нам меню и оставляет перед нами. Да, выбор невелик.

Трип открывает рот и начинает читать меню вслух.

— Перестань, — рявкает Эмили.

Трип поднимает глаза, его рот по-прежнему открыт на полуслове.

— Я просто хотел помочь. Я же знаю, как ты ненавидишь меню.

Мне хочется дать ублюдку по морде.

— Я как-нибудь справлюсь, — говорит Эмили, наклоняется к моему плечу и заглядывает в моё меню. — Что ты будешь? — улыбаясь, спрашивает она.

Я знаю, что Эмили не читает меню. Никогда. И не будет, особенно когда вокруг так много людей. Её дислексия — это тщательно оберегаемая тайна. И она никогда не проявит свою слабость, даже сидя за столом с теми, кого знает.

— Я не могу выбрать между курицей, телятиной и рыбой, — говорю я, предоставляя ей лазейку.

— И какое блюдо из курицы ты бы взял?

Она хочет курицу. Хорошо. Перейдём к подсказке номер два.

— Курицу по-пармезански.

Её лицо озаряется.

— Ооо, я тоже бы это взяла, — мечтательно говорит Эмили.

— Я возьму филе, — говорю я официанту. — Средней обжарки.

— А я думала, ты хотел курицу, — говорит она.

Я качаю головой. Я просто хотел, чтобы у неё был выбор. Эмили тут же понимает что к чему, и у меня теплеет на душе от выражения неподдельного счастья на её лице. Так чертовски просто сделать счастливой эту женщину. Очень просто. Любой, у кого есть сердце и капелька мозгов, справился бы с этим. И мне повезло, что она выбрала меня.

Трип хмуро поглядывает на нас с другого конца стола. И выглядит недовольным.

— А что это была за блондинка, а, Логан? — спрашивает он. — Вы вроде неплохо пообщались.

Я делаю глоток воды.

— Это ты мне скажи, Трип.

— А мне почём знать? Думаю, это одна из моделей. Определённо не мой тип.

— Почему это? — спрашивает Эмили со сладкой улыбкой. — Она недостаточно много зарабатывает?

Я сдерживаюсь, чтобы не засмеяться. Приносят наш ужин, и я теряю нить разговора, потому что сложно читать по губам, когда люди жуют. Потом настаёт время десерта, и мне становится полегче, когда все неспешно едят и пьют.

— Эмили, — обращается к ней её отец. — Приехали конгрессмен и его сын. Я хочу тебя с ними познакомить.

Он встаёт и протягивает ей руку.

Она берёт её, оборачиваясь на меня через плечо. Я быстро показываю ей жестами «всё отлично» и киваю. Пусть идёт, со мной всё будет нормально.

Миссис Мэдисон беседует с женщиной справа от неё, а Трип пристально смотрит на меня. Поэтому я вынимаю из кармана блокнот, который всегда у меня с собой, вытаскиваю из пружины сверху карандаш и начинаю рисовать. В рекламной кампании мистера Мэдисона есть проблема, а я могу решить её и хочу зафиксировать это на бумаге. Он может никогда не воспользоваться моими идеями, но если всё-таки сделает это, то тем самым я заработаю себе несколько очков. Сомневаюсь, конечно. Но чем чёрт не шутит.

Я выражаю свои идеи на бумаге, делая наброски из картинок и слов, которые можно

будет использовать в коммерческой или печатной рекламе. Мои соображения полностью завладели мной, когда возвращается Эмили. Она садится рядом.

— Я вернулась.

— А мой мир вернулся на круги своя, — отвечаю я.

Она закатывает глаза и быстро целует меня.

— Какие банальности.

Я пожимаю плечами. Мне всё равно. Это правда.

— Что ты делаешь? — спрашивает Эмили, глядя на мои наброски.

— Рисую каракули, — отвечаю я и ухмыляюсь. Она забирает у меня блокнот и листает страницы.

— Как здорово! — говорит она и смотрит на меня широко раскрытыми карими глазами. — Нет, правда, очень-очень здорово!

Эмили отдаёт мне обратно блокнот, и я качаю головой.

— Только вот, наверное, дело того не стоит.

Она тяжело вздыхает.

— Наверное.

Я кладу блокнот на стол и встаю со стула.

— Пойдём потанцуем. — Я притягиваю её к себе и, кружа, увлекаю в сторону танцпола. Когда мы возвращаемся, она едва дышит.

Я оглядываю стол.

— Хм. Пропал.

— Что пропало? — спрашивает Эмили. Она тяжело дышит, её щёки порозовели.

— Мой блокнот.

Она жуёт нижнюю губу.

— Может, случайно забрал кто-то из официантов? Хочешь, я узнаю?

Я качаю головой.

— Это просто блокнот.

У меня их полно, дома так вообще валяются на каждом углу. Хотя, с другой стороны, если ты глухой, то никогда не знаешь, когда они могут тебе пригодиться.

Эмили робко смотрит на меня.

— А мы можем ещё потанцевать?

Ради неё я готов на всё. И мы танцуем весь оставшийся вечер.

Эмили

Когда папин лимузин останавливается у дома Логана, ситуация становится более чем щекотливой. Он выглядит так, словно хочет забрать меня с собой, а я хочу пойти с ним. Но в машине с нами мой отец, и ему это точно не понравится. Я пихаю ногу Логана, и он протягивает руку моему отцу.

— Спасибо за чудесный вечер, мистер Мэдисон, — говорит он, а потом улыбается моей маме. — И миссис Мэдисон.

Папа нехотя пожимает его руку. Логан ещё раз смотрит на меня, целует в лоб, а потом водитель открывает дверь. Он вылезает из машины, я за ним.

— Ты остаёшься? — спрашивает Логан, его лицо светится надеждой.

Я качаю головой и киваю в сторону машины.

— Нет. Он отвезёт меня в мою квартиру.

Лицо Логана мрачнеет, он поднимает глаза на звёзды и делает протяжный выдох. Я не хочу уезжать от него. Я хочу остаться. Это дом. А не моя квартира, особенно когда там Трип Филдс.

У меня внутри всё сжимается от мысли, что сегодня ночью мне не спать в объятиях Логана. Он не перекинет ногу через мою голую попу и не прижмёт к себе.

— У меня завтра занятие в девять, а потом ещё одно, в двенадцать, — говорю я. — Так что увидимся завтра вечером?

Он качает головой.

— По понедельникам учёба начинается не раньше трёх. А в половину седьмого у меня практическое занятие.

— О.

Окно лимузина опускается, и папа рявкает моё имя.

— Хорошо! — кричу я в ответ. — Уже иду!

Логан берёт моё лицо в свои ладони.

— Я хочу тебя поцеловать.

Мой отец начинает насвистывать через по-прежнему открытое окно. И я рада, что Логан не может слышать, потому что меня это чертовски раздражает.

— А я хочу, чтобы ты меня поцеловал.

Он низко стонет, прижимается губами к моему лбу и так стоит, вдыхая и выдыхая, вдыхая и выдыхая.

В идеальном мире я могла бы приехать домой, и мы проболтали бы всю ночь по телефону. Но с нами этого никогда не будет. Да, мы можем переписываться сообщениями, но это не то.

— Эмили, — вновь окликает меня папа.

— Мне нужно идти, — говорю я Логану и быстро целую его в губы.

Проскальзываю в машину, когда водитель открывает мне дверцу. Когда он её закрывает, у меня такое ощущение, как будто закрылась дверь в счастье. А всё оттого, что мне приходится уезжать от Логана. Я тяжело вздыхаю и откидываюсь на сидении. Как это хреново!

Логан

Я так быстро, как это возможно, поднимаюсь по ступенькам. Пол стоит в кухне и резко разворачивается ко мне, когда я вбегаю в квартиру и хлопаю дверь.

— Господи, — говорит он. — Кто-то украл твою одежду и привёз тебя домой, разряженного, как долбаный придурок.

— Я могу взять твой байк? — спрашиваю я, тяжело дыша. Мне нужно ехать, причём быстро.

— Слишком холодно, чтобы гонять на байках, — предупреждает брат и прищуривает глаза. — А зачем он тебе?

У Пола есть мотоцикл «Сузуки», выигранный в карты. Но обычно он не ездит в такую погоду.

— Так я могу его взять? — поспешно вытаскивая свой комбинезон и вязаную шапочку, спрашиваю я. У меня нет денег на такси, а на метро будет слишком долго.

Пол открывает ящик и роется там, пока не находит ключи. Он кидает их мне, и моё сердце чуть не выпрыгивает из груди. Если я потороплюсь, то успею приехать домой к Эмили до того, как они туда доберутся.

— Спасибо.

Я одеваю комбинезон и беру из шкафа шлем Пола. Байк стоит в гараже в подвале здания, но там нет охраны, и в это время ночи мне ничто не мешает. Я сбегаю по ступенькам, надеясь, что чёртова штукавина заведётся.

В машинах, как и во всём, где есть мотор, плохо лишь одно — я не могу слышать, когда они заводятся. Хотя я могу чувствовать вибрацию, и поэтому кладу на мотоцикл руку и завожу его. Несколько секунд он гудит, а потом затихает. Ну ещё бы, этого и стоило ожидать. Я похож на сосиску в тесте, а грёбанный байк не заводится! Вновь поворачиваю ключ, и мотор оживает. Обернувшись, вижу, как из выхлопной трубы вырывается чёрный дым, сажусь верхом и снимаю байк с подставки. Холод собачий, но у меня плохое предчувствие из-за того, что Эмили отправилась домой с Трипом. Просто оно есть. Не знаю откуда. Но я это чувствую, и мне нужно к ней.

Городские власти чистят дороги, тем более в течение всего дня по ним ездили машины. Так что я не волнуюсь о дорогах, единственное, чего мне стоит опасаться, это невидимой глазу наледи.

Через пятнадцать минут я уже останавливаюсь рядом с домом Эмили. Передо мной виднеются задние огни отъезжающего лимузина. Генри открывает переднюю дверь и выглядывает на улицу, когда я останавливаю байк Пола прямо перед входом и пытаюсь высмотреть в окна Эмили. Но она, наверное, уже поднялась наверх.

Генри машет мне рукой.

— Завози внутрь, — говорит он. Потом указывает на мотоцикл и показывает внутрь, не уверенный в том, понял ли я его слова. — Если ты оставишь его здесь, кто-нибудь украдёт.

Байк небольшой, но он наверняка оставит на плитке мокрые следы. Генри ободряюще кивает мне и показывает головой в сторону вестибюля, приглашая заходить.

Я выключаю двигатель и затаскиваю байк в вестибюль. Генри указывает в сторону кладовки, и я закатываю мотоцикл туда. Он вытаскивает оттуда же ведро с тряпкой и быстро вытирает всю грязь.

— Простите за это, — говорю я.

— Ничего страшного. — Генри склоняет голову набок и спрашивает меня, сдвинув брови: — А почему ты не с мисс Мэдисон?

— Технические неполадки, — отвечаю я. Сняв с головы шапку, дую на руки. Они охрененно замёрзли, несмотря на толстые перчатки.

Генри показывает мне подойти ближе к обогревателю рядом с его столом.

— Отогрейся немного. А потом поднимешься наверх.

Я искоса смотрю на него, словно меня совсем не волнует ответ на мой следующий вопрос.

— Родители Эмили наверху?

Он качает головой.

— Только парень. Маленький мудака. — Генри настоящий ньюйоркец, от мозга до костей. Мне не нужно слышать его акцент, я смог это определить уже по тому, как он ругается. Из меня вырывается смех.

— О, вы даже представить себе не можете, — говорю я.

— Очень даже могу. Вчера вечером, когда я не дал ему ключ, он закатил скандал. — Тут Генри поднимает вверх палец, словно что-то вспомнив. — Кстати, у меня твой ключ.

Он лезет в ящик, вынимает маленький коричневый конверт и с помпой вкладывает его мне в руку. Я так счастлив, что готов его расцеловать. Покрутив ключ в руке, вешаю его на кольцо к остальным своим ключам.

— Спасибо вам.

Генри лишь кивает в сторону лифта.

— Лучше поднимайся наверх. Когда они приехали, у неё был не очень радостный вид.

— Почему вы так говорите?

— Если я не ошибаюсь, у него с яичек свисали сосульки, — с ухмылкой отвечает консьерж. — Наша девочка не удостоила его даже взглядом, совсем ноль внимания.

Мне действительно стоит поцеловать Генри. Я тянусь к нему, но он отпрыгивает. Очень даже шустро для своего возраста.

— Прибереги это для мисс Мэдисон, — со смешком говорит он мне.

Я снимаю комбинезон.

— Можно я оставлю его с мотоциклом?

Генри открывает дверь кладовой, и я бросаю его на байк, а потом смотрю на Генри. Он выглядит уставшим.

— Генри, вы когда-нибудь уходите домой? — спрашиваю я. Как ни приду, он всё время здесь.

Консьерж чуть улыбается, но улыбка не касается его глаз.

— Недавно у моей жены случился сердечный приступ, так что теперь мне приходится работать, чтобы оплачивать уход за ней. — Он пожимает плечами. — Они предложили мне дополнительные часы, и я не стал отказываться.

— Печальная новость. Но она поправится?

Он отводит взгляд.

— Искренне на это надеюсь. — Его грудь поднимается, когда он тяжело вздыхает. — Она временно на лечении в центре сестринского ухода. — Он улыбается. — Я виделся с ней во время перерыва на ленч и поеду туда, чтобы переночевать.

Я сжимаю его плечо. Если кому-то и нужны крепкие объятия, так это Генри. А в Братском кодексе сжать плечо то же самое что и обнять.

— Вам следует пойти домой. Там и отдохнёте получше.

Он улыбается.

— Без неё мне не спится, так что я хорошенько высплюсь в лечебнице. Я лучше буду спать на раскладушке, держа её руку, чем на самой большой и мягкой в мире кровати. — Он качает головой. — Когда-нибудь и ты узнаешь, что значит просыпаться каждый день с одной и той же женщиной в течение почти сорока лет. — Генри показывает в сторону лифта. — Скоро ты будешь прислушиваться к звуку шагов её маленькой ножки.

Я показываю на свои уши и смеюсь.

— Генри, я не могу слышать звуки шагов. — Он выглядит слегка разочарованным. — Но я понял мысль.

— Мисс Мэдисон, она единственная для тебя? — спрашивает он.

У меня переполнилось сердце.

— Одна единственная.

Теперь он хлопает меня по плечу.

— Тогда иди к ней. — Генри пихает меня в плечо к лифту. — Иди уже. Не теряй время в компании старика.

Я улыбаюсь и машу ему рукой, направляясь к лифту. Но в последнюю минуту оборачиваюсь.

— Если я чем-то смогу помочь вашей жене, Генри, только дайте знать. У меня много братьев, и они отлично справляются с транспортировкой мебели и прочего. Когда она будет готова вернуться домой.

Консьерж широко улыбается.

— Буду иметь в виду.

— Для большего они не сгодятся, — кричу я уже через закрывающиеся двери лифта. За исключением поддержки во всём, что я делаю. За исключением безоговорочной любви ко мне. За исключением того, что они надерут мне задницу, если я буду тупить. Да, они бесполезные.

Я улыбаюсь всё время, что поднимается лифт. И не стучу, когда подхожу к двери в квартиру Эмили. Я использую свой ключ.

Эмили

Трип входит в лифт рядом со мной, и ему хватает наглости загнать меня в угол. Его руки ложатся на стену по обе стороны от моей головы, запирая меня в ловушку. Я отворачиваюсь, потому что он слишком много выпил. От него разит чистым виски.

Он был очень тихим в лимузине, но я знаю его достаточно давно, чтобы увидеть все знаки. Положив ладонь ему на грудь, я толкаю его.

— Отойди, Трип.

Он наклоняется, обдавая своим дыханием моё лицо. Я отворачиваюсь и закрываю глаза. Борьба с пьяным Трипом всё равно что пнуть щенка. Взбесившегося щенка, у которого пасть в пене и который пытается тебя цапнуть. Только такого щенка я бы приложила по зубам.

— Я не хочу отходить, — еле ворочая языком, говорит Трип. — Когда-то тебе нравилось, когда мы были так близко друг к другу. Ты говорила, что я недостаточно показываю тебе свои чувства.

Он проводит своей увесистой ладонью по моей щеке.

— Отвали, Трип, — снова предупреждаю я его. Потребуется всего один сильный толчок, и он приземлится на задницу. Уверена в этом.

Лифт дзинькает, и я ныряю под рукой Трипа. Он издаёт стон и идёт за мной к двери.

— Быстрее, — ворчит Трип. — Мне нужно отлить.

Я качаю головой, пропуская его вперёд, и он бежит мимо меня прямо в ванную. Дверь туда оставляет открытой, и мне всё слышно. Смысла нет даже пытаться объяснять ему об уважении и полном отсутствии у него оного. Трип слишком пьян.

Я с томлением смотрю на входную дверь. Теперь, когда Трип в квартире, я могу поймать такси и поехать к Логану. Одна мысль об этом согревает мне сердце. Я поворачиваюсь к двери. Мне даже ничего не нужно брать с собой — моя сумка по-прежнему находится в квартире Логана. Как и моё сердце.

Трип хватается меня за локоть как раз в тот момент, когда я берусь за дверную ручку.

— Куда это ты собралась?

— К Логану, — отвечаю я. Что толку ему врать. — Уйди с дороги.

Он стоит между дверью и мной, руки сложены на груди, ноги широко расставлены. Блин! Наверное, мне просто нужно пойти в свою комнату и подождать, когда он вырубится. Я поворачиваюсь в направлении своей спальни, но он снова меня хватается. Я вырываю руку из его хватки. Больно.

— Перестань, Трип. Иди уже спать.

Он хватается меня за бёдра и, притянув к себе, трётся об меня.

— Пойду, если ты пойдёшь со мной.

Я в магазин-то с ним не пойду, не то что в кровать.

— Ты пьян, Трип. Проспись.

— Я не настолько пьян, чтобы у меня не встал.

Да, и я чувствую его своим животом, когда он вдавливаются в меня. Сделав глубокий вдох, я беру его лицо в свои руки и смотрю ему прямо в глаза.

— Иди спать, — мягко говорю я. — Мы поговорим завтра.

Он наклоняет голову и целует меня в шею. А потом кусает и с силой присасывается к коже. Я отталкиваю его, прикрывая шею ладонью.

— Что это было, Трип? — кричу я. — Боже, да что на тебя нашло?

— Это просто небольшой укус любви, — ухмыляясь, говорит он. — Раньше тебе нравилось, когда я прикусывал тебя за шею.

— Это не прикусывание. Такое ощущение, как будто ты кровь пытался высосать или ещё что.

— Я бы пососал и ещё что, — говорит он, и его рука поднимается, чтобы охватить мою грудь.

Это уже слишком. Я бью его. Прямо по лицу. И так сильно, что мне приходится потрясти рукой, чтобы разогнать жгучую боль.

И в ту же секунду я понимаю, что дверь открывается, через комнату, как бык, пронесится Логан и бьёт Трипа в бок, повалив его на пол вместе с собой.

— Логан! — кричу я и тяну его за плечо. Его руки сомкнулись вокруг горла Трипа, и он бурчит что-то неразборчивое. Я ещё никогда не видела его таким разъярённым, и, очевидно, именно это так влияет на его речь.

Трип кричит откуда-то из-под него, и я вижу, что вот-вот произойдёт. Трип дотягивается до вазы, что стоит на полу рядом с диваном, поднимает её и бьёт ею по голове Логана. Она отскакивает и просто падает на пол. Ваза пластиковая, не знаю, какой вред пытался нанести ею Трип.

— Дай ему встать, Логан, — говорю я, приближая к нему своё лицо. — Отпусти его. Он пьян.

Но Логан его не отпускает. Он продолжает прижимать колено к груди Трипа. Не причиняет ему вреда, просто держит его вот так, на полу.

— Что он, мать его, сделал, что тебе пришлось его ударить? — спрашивает меня Логан.

— Он напился. Отпусти его, чтобы он пошёл спать.

Логан убирает свои большие пальцы с трахеи, и Трип делает большой вдох.

— Вызови копов, Эмили, — начинает кричать он. Логан снова его хватает.

— Ему лучше заткнуться, если он хочет, чтобы я его отпустил. — Потом Логан смотрит на Трипа. — Ненавижу грёбаную пьянь. Я отпущу тебя, и ты пойдёшь в свою комнату. Понял меня?

Трип кивает.

Логан отпускает его, и Трип кое-как поднимается на ноги, в процессе чуть было снова не свалившись на пол.

— Мне следует вызвать копов.

— Чтобы я рассказала им, как ты на меня напал? — спрашиваю я.

Он выглядит растерянным.

— Я просто хотел тебя поцеловать, — скулит Трип. Да, он ужасен, когда напивается. Просто невыносимо.

Я качаю головой.

— Но я этого не хотела. — Я с шумом выдыхаю. Такое ощущение, как будто кто-то вынул затычку из шарика внутри меня. — Иди спать, Трип. Мы поговорим завтра.

Трип кивает, еле держась на ногах. Он уходит в свою спальню и закрывает дверь.

Я глубоко вздыхаю, и Логан притягивает меня к себе. Думаю, ему эти объятия нужны ещё больше, чем мне самой. Я отстраняюсь и трясу рукой. Трипу и правда хорошо досталось, и ладонь всё ещё горит.

— Что он сделал? — сквозь сжатые зубы спрашивает Логан.

Я качаю головой. Он не перестанет спрашивать, пока не расскажу ему.

— Пытался меня поцеловать. И всё.

Большой палец Логана ложится на мои губы.

— Он тебя поцеловал? — мягким, полным трепета голосом спрашивает Логан. Его глаза встречаются с моими, и он видит все мои невербальные подсказки.

— Нет, — уточняю я, качая головой. — Он пытался меня поцеловать. Это абсолютно разные вещи. — Я снимаю заколку с волос, расчёсываю их пальцами и скидываю туфли. Потом наконец спрашиваю: — Что ты тут делаешь?

— Я волновался за тебя, — признаётся он с каменным выражением лица. — И, очевидно, неспроста.

Я обвиваю руками его талию и крепко обнимаю.

— Я так рада, что ты здесь. — Логан помогает мне снять пальто, и я чувствую его ледяные руки. — Почему ты такой холодный?

— Я ехал сюда на байке.
— На байке?
— На мотоцикле, — поясняет он.
— У тебя есть мотоцикл? — Я понятия не имела, что у него мотоцикл.
— У Пола. Он одолжил мне его. — Логан наклоняет мою голову, чтобы посмотреть на шею и рывкает: — Что это?
Я качаю головой.
— Ничего.
— Это не ничего, Эмили, — рычит он, и я прямо-таки вижу, как он бьёт себя в грудь, как примат. Вообще-то, это будет даже сексуально.
Я больше не хочу говорить на эту тему.
— Я рада, что ты здесь. Поможешь мне снять это платье? — спрашиваю я, чтобы он выбросил из головы мою шею и оставленную на ней Трипом отметину.
Логан показывает в сторону моей комнаты и шлёпает меня по попе.
— В спальне, — говорит он и смотрит на дверь комнаты Трипа.
— Он вырубился на всю ночь и не побеспокоит нас. — Я достаточно видела Трипа пьяным, чтобы быть в этом уверенной. — Ты сможешь остаться на ночь?
Логан идёт за мной в спальню, закрывает и запирает за нами дверь. Задумчиво освобождает большим пальцем мою нижнюю губу. Я даже не заметила, что закусил её.
— Ты даже представить себе не можешь, как сильно мне хотелось его убить, когда я увидел на тебе его руки, — говорит он.
— Не так сильно, как хотела этого я. — Я разворачиваюсь к Логану спиной, и он медленно расстёгивает молнию на платье. Потом перебрасывает мои волосы через плечо и прижимается к нему губами, отчего я вся начинаю дрожать.
— Почему ты приехал? — спрашиваю я.
Он пожимает плечами.
— Я не хотел спать без тебя. — Логан дёргает меня за кончик носа и начинает расстёгивать пуговицы рубашки. Он вешает её на спинку стула и разглаживает складки. Вешалка с одеждой, которую прислала мама, по-прежнему стоит в углу.
— Внизу я разговорился с Генри. Ты знала, что у него болеет жена, и так серьёзно, что лежит в центре по уходу за больными?
Я ахаю. Понятия не имела.
— И как она?
— Он ездит туда каждую ночь, потому что не может спать без неё. — Он улыбается и приподнимает мой подбородок. — Я хочу, чтобы мы стали как они. — Его улыбка сияет.
— По-моему, мы уже как они, — говорю я. Это правда. Мы уже такие. Я не знаю, смогу ли теперь жить без Логана.
Он полностью раздевается и проскальзывает под одеяла. Я собираюсь надеть футболку, стоя к нему спиной, но Логан хриплым голосом возмущается.
— Нет, останься так.
Я пожимаю плечами, приглушаю свет и залезаю к нему. А потом он показывает мне, почему я никогда не захочу спать без него. И затем показывает ещё больше, когда притягивает меня в свои объятия и на протяжении всей ночи прижимает к себе.

Логан

Мне нравится, что её ноги обвиваются вокруг меня. Больше, чем следует. Нравится, что она обнимает меня руками за талию и прижимается лицом к моей спине. Я заставил Эмили надеть шлем, но не боюсь, что меня поймают за ездой без него, потому что нам нужно лишь завернуть за угол, чтобы оказаться у Джульярда. Я останавливаюсь перед зданием, где у неё будет первое занятие, и глушу двигатель.

— Хочешь, провожу тебя в класс? — спрашиваю я, когда она слезает с мотоцикла и расстёгивает шлем, потом протягивает его мне и улыбается, качая головой.

— Я сама найду. — Эмили наклоняется и прижимается губами к моим губам. Я притягиваю её ещё ближе, пока ещё не готовый её отпустить. Она выглядит свежо и восторженно, волосы убраны в высокий хвост, на плечах висит рюкзак. Эмили что-то говорит мне в губы, и мне приходится отодвинуться, чтобы видеть её лицо.

Спасибо за то, что подвёз, показывает она.

Для тебя всё что угодно. Боже, она такая красивая.

Эмили улыбается и краснеет. *И за прошедшую ночь спасибо тоже.*

У меня тут же встаёт. *Поосторожнее,* предупреждаю я.

А то что? Дразнится она.

Я тут же рывком притягиваю её за шарф к себе, и Эмили смеётся. Чувствую бедром, как трясётся её живот. *Я охренеть как сильно люблю тебя,* говорю я. Кажется, никогда не перестану этого делать.

Эмили закатывает глаза, быстро целует меня и показывает: *Мне жутко нравится, когда ты весь такой романтичный. Я тоже тебя люблю.*

Я разворачиваю её в сторону здания и хлопаю по попе. Этим утром мне нужно кое о чём позаботиться. О чём-то очень важном. Уходя, Эмили машет мне рукой, её пальцы еле двигаются. Но потом она показывает мне знак «Я тебя люблю», и я знаю, что прямо под ним, на её руке, написано моё имя.

Я еду домой, чтобы принять душ и переодеться. Мне хочется хорошо выглядеть, когда я предстану перед её отцом. Мне нужно объяснить ему, как мужчина мужчине, почему Эмили больше не останется в своей квартире или почему должен съехать Трип. Эта отметина на её шее не имеет оправданий. Как будто он хотел её пометить, хотя она принадлежит мне. И я просто не смогу это терпеть. Что могло бы произойти, не появившись там вовремя?

Когда я выхожу из ванной, то наталкиваюсь на только что проснувшегося Пола.

— Рад, что ты снова стал собой, — говорит он, улыбаясь мне над кружкой с кофе.

Я рассказываю Полу про то, что произошло на вечеринке с моделью, про отца Эмили и про то, что вчера вечером устроил Трип в квартире Эмили.

Брат качает головой.

— Это херово, — говорит он. — Что собираешься делать?

Я тяжело вздыхаю.

— Думаю, мне нужно поговорить с её отцом. Сегодня.

Он кивает. Медленно, но всё-таки кивает. Его что-то тревожит, но я не могу понять, что именно.

— Что такое?

— Он не одобрит тебя, несмотря ни на что. Он уже определил всё, что хочет для неё.

— Эмили не может читать, — вырывается из меня.

Пол чуть не давится кофе.

— Что? — откашливаясь, спрашивает он.

— Она может читать, — поправляюсь я. — Она знает буквы и то, как произносить слова, просто у неё дислексия. Ей очень, очень тяжело даётся чтение. Поэтому её отец так хочет выдать её замуж. Поэтому он не хочет, чтобы она получала образование, а хочет, чтобы она вышла замуж за какого-то богатенького ублюдка. Ему не кажется, что она

достойна чего-то большего.

— Ого! — Пол всегда так говорит, когда хочет обдумать какую-то деликатную проблему.

— Только не говори ей, что я рассказал тебе об этом, ладно? Она тщательно скрывает эту тайну.

Пол глубоко вздыхает.

— Я и так знал. Видел, как она читает Хайли. — Он смотрит мне в глаза. — Поэтому ты с ней заговорил?

Я за восемь лет не сказал ни слова. А она заставила меня захотеть разговаривать вновь.

Я киваю.

— Она не могла читать то, что я писал.

— Ты говорил с ней всё это время? — Пол улыбается, но улыбка выходит кривой.

— С того дня, как встретил её, — признаюсь я. — Прости, что не сказал вам.

Теперь мне стыдно. Я молчал годами.

— Вы научились языку жестов, и мне было легко уйти в себя и не разговаривать.

— Ты же, придурок, чёртов глухой! Что ещё мы должны были сделать?

Многие семьи, где есть глухие, не учатся языку жестов.

— Прости, — повторяю я. — Было проще молчать.

— Она не облегчает тебе жизнь, а?

— Что? Наоборот, с ней всё становится легче. Я даже не думал о том, чтобы заговорить. Это вышло само собой. — Я улыбаюсь. Она вывернула меня наизнанку. — Я чертовски сильно её люблю.

— Я понимаю, ты хочешь всё разрулить по-мужски, но её отец будет всё время с тобой бороться.

— Я знаю. — Хотелось бы мне, чтобы было по-другому. — Но у меня такое чувство, что мне нужно быть с ним откровенным.

— Ты заработаешь себе охрененную головную боль, пытаешься пробить головой эту стену.

— Ей пришлось надеть сегодня шарф, чтобы спрятать шею.

— Мудак, — ругается Пол.

В футболке и шортах в кухню входит Сэм, почёсывая живот.

— Доброе утро, — направляясь к кофейнику, говорит он.

С Питом и Сэмом что-то не так, показывает мне Пол за его спиной. Ты что-нибудь знаешь об этом?

О чём?

Они тусуются с Боуном.

Почему? Внезапно разозлившись, я начинаю широко махать руками.

Они всё отрицают. Но я кое-что слышал. Он пожимает плечами. Просто хотел узнать, может, ты в курсе.

Я ничего об этом не знаю. Был немного занят. Прости. Хочешь, чтобы я за ними присмотрел?

Пол качает головой. *Я сам.*

Сэм поворачивается к нам лицом.

— Что, ребята, говорите о моей заднице? — Он ухмыляется. — Да, она восхитительная, но постарайтесь держать себя в руках.

Сэм заставляет меня смеяться. Есть в нём такое.

— Сэм, как думаешь, сможешь приготовить ужин на завтрашний вечер? Я хочу пригласить родителей Эмили.

Пол снова давится своим кофе.

— Сюда? — спрашивает он.

Я киваю.

— Я хочу, чтобы они увидели, что у нас за семья. Лично.
— А почему готовить должен я? — ноет Сэм.
— Потому что ты единственный, кто знает в этом толк. — Я пристально смотрю на него. — Приготовь лазанью или типа того. — Я складываю руки в мольбе. — Пожалуйста? Он раздражённо фыркает.
— Ладно. Но ты будешь мне должен.

***

Мистер и миссис Мэдисон остановились в самом большом отеле в районе. Генри сказал мне, в каком именно. Понятия не имею, откуда ему это известно, но старичок очень прозорливый. Я останавливаюсь у стойки регистрации и, ломая руки, спрашиваю номер их апартаментов. Мне необходимо разделаться с этим раз и навсегда. Нужно сказать им, что Эмили не вернётся в свою квартиру до тех пор, пока Трип не уедет.

Портье звонит в их номер, а потом сообщает мне цифры. Я стою на нестигаемых ногах в лифте, который поднимает меня на самый верхний этаж. Конечно же, их номер на самом верхнем этаже. И к тому же, люкс.

Дверь открывает миссис Мэдисон, впускает меня и быстро обнимает.

— Всё в порядке? — озабоченно хмурясь, спрашивает она.

— Всё хорошо, — отвечаю я. — Ваш муж здесь? Я бы хотел переговорить с ним, если это удобно.

Она, склонив голову, оценивающе смотрит на меня. Наконец, маска безучастия вновь возвращается на её лицо, хотя в действительности эта женщина совсем даже не безучастна. Она показывает в сторону открытой двери.

Мистер Мэдисон сидит за столом в комнате, более шикарной, чем любой другой кабинет, в котором мне доводилось бывать. Он поднимает взгляд, но тут же игнорирует меня, даже не встретившись со мной глазами.

— Логан? — спрашивает он. — Что привело тебя сюда?

Отец Эмили не отрывается от своей газеты, но я всё равно скажу всё, что мне нужно.

— Мистер Мэдисон, — начинаю я. — Я хотел бы с вами поговорить. — Я показываю на стул. — Можно присесть?

Он смотрит на меня поверх очков.

— Если есть необходимость. — Его руки ложатся на стол в форме пирамиды. Наконец-то мне удалось привлечь его внимание. Неплохо.

— Я хотел бы обратиться к вам как мужчина к мужчине, сэр, — говорю я.

— Думаю, мужчина здесь только один, сынок, — отвечает он.

Моя спина твердеет. Ничем не могу помочь, если он не мужчина.

— Как бы там ни было, вчера вечером Трип позволил себе больше, чем нужно в отношении Эмили.

Мистер Мэдисон бросает ручку на стол, и я наблюдаю, как она катится, пока не останавливается.

— О чём ты говоришь?

— Вчера вечером, когда вы отвезли Трипа и Эмили к ней в квартиру, он попытался её поцеловать.

— На что ты намекаешь, Логан? — спрашивает он. — Боже мой, они же были помолвлены! Тут определённо имеет место химия. Прорвалась на поверхность. — Его взгляд холодный как лёд. — Я знаю, ты её любишь, но прошлая ночь доказывает тебе, что между ними ещё не всё умерло. Их чувства ещё живы.

— Живы? — переспрашиваю я.

— Да, живы. Он по-прежнему любит её, а она до сих пор заботится о нём. — Он даже выглядит виноватым. — Мне жаль, что до тебя это не дошло.

Мистер Мэдисон вновь начинает листать страницы газеты. Меня снова игнорируют.

— Эмили не вернётся в свою квартиру, пока Трип оттуда не съедет. — Я передвигаюсь на самый край стула. — Она будет жить со мной. Я просто хотел поставить

вас в известность.

Отец Эмили качает головой.

— Нет, сынок.

— Я вам не сын, — стиснув зубы, говорю я.

— Логан, — с упрёком говорит он, — моя дочь будет жить там, где я ей скажу.

— Как вы сделали в прошлом году, сэр? — спрашиваю я и заставляю себя расслабиться. — Я не спрашиваю вашего разрешения. Я говорю, как будет. Если вы увезёте Трипа из её квартиры, она вновь переедет туда. Нет — будет жить со мной. Потому что я не позволю ей вернуться туда, чтобы он и дальше к ней приставал. — Я, прищурившись, смотрю на него. — Вы всё поняли, мистер Мэдисон?

Теперь его лицо красного цвета, глаза сузились. Он злится, злится так сильно, что едва может дышать.

— Вы, мистер Рид, осмеливаетесь говорить мне, что моя дочь будет делать, а что нет?

— Я ни на что не осмеливаюсь, сэр, — скрепя зубами, отвечаю я. — Я просто говорю вам, что вам необходимо сделать, чтобы ваша дочь вернулась в свою квартиру. — Я поднимаюсь и поправляю джинсы. — Рад был увидеться с вами, мистер Мэдисон.

Я направляюсь к двери. Но тут я вижу свой блокнот, тот самый, что брал с собой на вечеринку. Он лежит под локтем мистера Мэдисона.

— Думаю, это моё. — Я протягиваю за ним руку.

— Прошу прощения, — говорит отец Эмили. — Но это принадлежит Трипу. — Он смеётся и стучит по своему виску. — Мозгов ему не занимать. Жаль, что у тебя нет его таланта. — Он листает мой блокнот и показывает мне мои же рисунки. — Парень придумал, как поменять мою рекламную кампанию. И это чертовски здорово, должен сказать. Я им горжусь.

Мистер Мэдисон улыбается мне и продолжает листать мои рисунки, показывая их мне один за другим.

— Когда он вам их принёс? — спрашиваю я.

— Сегодня утром. Он работал над ними всю прошлую ночь.

И тут в двери входит Трип. Его улыбка гаснет, когда он замечает меня, рассматривающего мой блокнот, мои рисунки, идею, которую придумал я.

— Мистер Мэдисон как раз показывал мне твои рисунки, — говорю я. — Даже не догадывался, что у тебя есть к этому талант, Трип.

— Забавно, что ты можешь сделать, когда у тебя есть несколько свободных часов, чтобы подумать, да? — Трип поправляет пиджак, явно очень нервничая. — Я набросал их прошлым вечером, пока ждал, когда Эмили вернётся домой.

Он бросает на меня взгляд. Трип провоцирует меня, чтобы я стал отрицать, что Эмили была со мной. Я не собираюсь ничего отрицать, как и требовать своего. Не сегодня.

Трип улыбается мне, когда я не отвечаю. Думает, что выиграл. Я ничего не могу с собой поделаться. Я должен это сделать. Размахнувшись, я со всей силы бью мудака в лицо. Он камнем падает на пол, и мистер Мэдисон вылетает из-за стола. Он звонит охране, но им можно не приходить. Я закончил.

— Миссис Мэдисон, — прощаюсь я, проходя мимо неё. Бежать я не буду. Мне слишком хорошо сейчас. Ублюдок неподвижно валяется на полу, и это моих рук дело. С самого первого дня, как он оказался в этом городе, я ещё не чувствовал себя так легко, как сейчас.

Миссис Мэдисон улыбается мне.

— Логан, — наклонив голову, говорит мама Эмили. На её губах играет улыбка, но она не позволяет ей засиять в полную силу. — Спасибо, что зашёл.

Она прикрывает рот рукой, когда смех вот-вот готов прорваться наружу.

— Всегда пожалуйста, — отвечаю я. И выхожу. Я здесь закончил. Очень даже, мать вашу.

Но в последнюю минуту я заглядываю внутрь.
— Если вы свободны, то мы приглашаем вас завтра на ужин.
— В какое время? — спрашивает миссис Мэдисон.
— В восемь? Я попрошу Эмили прислать вам адрес.
— Что ж, тогда до скорого. — Она снова кивает мне, и я выскальзываю за дверь. В коридоре трясу рукой. Она жесть как болит. Но это того стоило, ещё как.

Эмили

Уже поздно, но мне ещё нельзя уходить. Мне нужно дослушать учебник, чтобы можно было сделать домашнюю работу. На занятиях я была очень внимательной и даже кое-что записывала, но, в отличие от большинства студентов, мне всё равно придётся прослушать материал из учебника. Я сижу в библиотеке, и специальная программа читает его мне. У меня отлично получается слушать, я могу запомнить практически всё. Только вот этот процесс занимает у меня в два раза больше времени по сравнению с тем, сколько уходит у обычных людей прочитать то же самое про себя.

Полностью усвоив всю информацию по теме сегодняшних занятий, я наконец снимаю наушники. Затем смотрю на свои заметки и улыбаюсь. Это возможно. Я умная. И я слишком долго скрывала свой секрет. Все мои преподаватели в курсе, что у меня дислексия, и они охотно будут работать со мной, хотя не собираются облегчать мне моё обучение. Оказывается, множеству великих музыкантов было трудно учиться традиционным путём — по крайней мере, так говорит один из моих учителей. Он даже признался, что ему тоже непросто обучаться из-за «нераспознанной проблемы с обработкой информации». Именно поэтому он и переключился на музыку. Мне очень нравится доктор Болл. Он оставил меня после занятий, чтобы поговорить о моих ограничениях. Вернее, как он выразился, об отсутствии таковых.

Я постаралась заверить его, что смогу справиться со всем, что он для меня приготовит, и, думаю, мне удалось его убедить. Я хочу этого. Очень сильно хочу. Я хочу преуспеть в чём-то, пусть даже читаю на уровне первого класса. Мой секрет и без того слишком долго хранился в тайне. Пришло время рассказать о нём. Именно это я и делаю сейчас.

Доктор Болл помогает каждому из нас приготовить для шоу собственный номер. Я объяснила ему, чего именно хочу, и он, кажется, был весьма заинтригован. Логан не может слышать музыку. Он не сможет уловить высокие и низкие ноты, темп и ритм, только ярко выраженные басы. И я хочу преобразовать музыку в нечто такое, что он сможет понять. Доктор Болл познакомил меня с одним из своих студентов, который занимается аудиовизуализацией, и он поможет мне сделать многоуровневое представление. С песней я уже определилась. Она много лет была у меня в голове. Я написала её, когда наблюдала за тем, как спит мой папа. Наблюдала и гадала, почему он считает меня недостойной чего-либо. Так что слова и ноты у меня есть. Осталось только поработать непосредственно над самим выступлением.

Я поднимаю глаза, когда напротив меня садится мужчина. Логан, тяжело дыша, улыбается. Подперев рукой подбородок, он смотрит на меня своими прекрасными голубыми глазами.

— Твой парень не будет против, если я посижу здесь с тобой? — спрашивает он с заразительной улыбкой.

— Мой парень надерёт тебе задницу, — из всех сил стараюсь быть серьёзной, отвечаю я. Но всё равно начинаю смеяться. А потом оглядываюсь, когда библиотекарь бьёт по столу линейкой. Тогда я начинаю показывать жестами.

Мой парень надерёт тебе задницу, снова говорю я. Так что тебе лучше уйти отсюда. Если его рассердить, он просто звереет.

Логан беззвучно смеётся. Боже, какой же он красивый, когда улыбается! И когда не улыбается тоже. И когда спит. И когда не спит. И когда он просто дышит.

Логан берёт мою руку и проводит большим пальцем по тыльной стороне моей ладони. У меня из груди чуть не выпрыгивает сердце. Я оттягиваю руку назад, чтобы не превратиться в лужицу на полу.

Что ты здесь делаешь? Спрашиваю я.

Он пожимает плечами. *Думал отвезти тебя домой.*

Правда?

Он кивает.

Я улыбаюсь. *Это так мило.*

Вообще-то, я пекусь только о собственных интересах, поправляет он.

Я прищуриваю глаза. *Как это?*

Может, мне просто хочется, чтобы твои ноги обвивали меня, когда мы будем ехать на мотоцикле. Логан игриво шевелит бровями.

Я наклоняюсь вперёд, словно хочу поделиться с ним секретом. *Может, мне тоже этого хочется.*

Он издаёт низкий стон и хватает меня за руку. Закинув мой рюкзак себе на плечо, Логан тащит меня к двери. В этот раз у него с собой два шлема, и он помогает мне застегнуть мой. Мне нравится, что он так сильно заботится обо мне.

Ко мне или к тебе? Спрашиваю я.

Логан убирает волосы с моего лица и прячет их под шлем. *Я не хочу, чтобы ты возвращалась в свою квартиру, пока там Трип.* Он внимательно наблюдает за выражением моего лица. *Есть возражения?*

Никаких, отвечаю я. *Мне даже нравится, когда ты становишься похожим на неандертальца.*

Я ухмыляюсь, а Логан садится верхом на мотоцикл. Я забираюсь следом и обнимаю его руками за талию. Он шумно выдыхает, когда мои ладони проскальзывают под его футболку и ложатся на нежную кожу живота. Мы с рёвом несёмся по улицам и останавливаемся на парковке за его домом. Логан наклоняется и перебрасывает меня через плечо.

— Ты ещё не видела неандертальцев, — говорит он и несёт меня по ступенькам вверх.

Логан

Я волнуюсь больше, чем следует. Братья целый день приводили квартиру в порядок, а Сэм готовит как в шоу «Шеф-повар». Его фартук заляпан томатным соусом, а Эмили убирает за ним по мере того, как он переходит от одного занятия к другому. Сэм обожает готовить. Самое большое счастье он испытывает только когда готовит для кого-то что-то съедобное.

Мне нужно было лучше подготовиться к этому ужину. Все тарелки из разных наборов, но мы всё равно ставим их на стол. Чёрт, даже стулья не подходят к нашему маленькому исцарапанному столу. Это стол наших родителей, и я его люблю. Его неровная поверхность — результат долгих лет плохого обращения и любви. На столешнице до сих пор виднеются следы от игрушечных машинок и царапины, оставшиеся после неудачных научных опытов.

Перестань так волноваться, говорит Эмили. Это просто ужин.

Это не просто ужин. Это куда больше.

Я не волнуюсь. Твоя мама будет в восторге от всех блюд. И твой отец не сможет придумать ни к чему из того, что приготовит Сэм. В этом я уверен на все сто процентов. Ему могут не понравиться ни компания, ни квартира, ни стаканчики от желе, которые заменяют нам стаканы, но еда ему точно понравится.

Когда звенит звонок, Эмили бросается открывать двери. Входят её родители, и мистер Мэдисон тут же начинает оглядывать наше жилище, задрав нос. Её мама же восторженно восклицает что-то об аппетитных запахах.

— Мам, пап, — говорит Эмили. — Это Пол, Сэм, и вы уже знаете всё о Мэте.

Мэт выходит вперёд и пожимает им руки.

— Думаю, я должен поблагодарить вас.

— Ты ничего нам не должен, — тут же отвечает миссис Мэдисон и отставляет Мэта в сторону, чтобы уделить ему побольше внимания.

Сэм снимает фартук.

— Шеф закончил. Теперь дело за официантами, — объявляет он.

— Ты не останешься? — спрашиваю я. *Какого хера?*

Мне нужно найти Пита, отвечает мне Сэм. Он уже давно должен был быть дома. Что-то случилось?

Сэм пожимает плечами. Мне это не нравится — он не смотрит мне в глаза.

Я сразу же вернусь, как только найду брата. Оставьте мне немного лазаньи. Он кивает в сторону мистера Мэдисона. *Этот, похоже, сможет съесть немало.* Сэм ухмыляется и выскальзывает за дверь прежде, чем Полу удаётся его поймать.

— Мистер Мэдисон, — говорю я и протягиваю ему руку. Он принимает её и крепко пожимает.

— Логан. Спасибо за приглашение.

— Спасибо, что пришли.

— Прошу за стол, — говорит Пол.

***

За столом ведётся неестественная беседа, наши тарелки уже опустели, десерт съеден, и я начинаю думать, что у мистера Мэдисона совсем нет души, как в двери влетает Сэм. Он грязный, рубашка на нём разорвана, а вонь от него такая, словно он побывал в мусорном баке.

Мне очень жаль, показывает Сэм Эмили и виновато смотрит на неё. Но у нас проблема. Пита арестовали.

За что? Спрашивает Пол и уже идёт через комнату, чтобы взять пальто. Я следую за ним по пятам.

Мы были с Боуном, признаётся Сэм. Он избегает смотреть на Пола. И тут нагрянули копы.

Где он сейчас?

В полицейском участке.

Они одели на него наручники? Спрашивает Пол.

Сэм кивает.

Эмили видела весь разговор. *Я поеду с тобой,* говорит она.

Я киваю. *А твои родители?*

Эмили спрашивает своих родителей, могут ли они подвезти нас до полицейского участка. Я думаю, что на этом мы с ними распрощаемся, но когда их шофёр останавливает машину, они выходят вместе с нами.

— Я хочу знать, во что втянута моя дочь, — заявляет мистер Мэдисон, когда я говорю, что им не обязательно идти с нами. Я киваю. Если бы она была моей дочерью, я бы тоже пошёл.

Пол звонит в звонок на столе и ждёт, когда к нам выйдет дежурный офицер. Я не могу уловить, о чём они разговаривают, но знаю, что, когда беседа закончится, он мне всё расскажет.

Пол обхватывает руками голову и поворачивается к нам.

— Они не собираются отпускать его домой. Ему нужен адвокат.

Эмили подходит к своему отцу и тянет его за пиджак.

— Пап, ты можешь кому-нибудь позвонить?

Он качает головой.

— Пора ехать домой, Эмили. — Мистер Мэдисон берёт её за локоть, но она вырывается из его хватки.

— Я никуда не поеду.

— Если ты сейчас же поедешь со мной, я найду ему адвоката. — Её отец выглядит самодовольным, и мне хочется дать ему по морде, как Трипу. Я уже начинаю размахиваться, когда Пол хватает меня за руку.

Позволь мне, показывает он. *Я не буду сожалеть об этом.*

Не стал бы и я.

Эмили отходит от своего отца и становится рядом с Мэтом, Полом и мной.

— Езжайте домой. Я остаюсь здесь.

Она поворачивается спиной к своим родителям, и мы начинаем придумывать, как найти Питу адвоката.

Всё очень плохо. Они не просто задержали его на сутки, объясняет нам Пол. *Он серьёзно влип.*

Ничего страшного. Мы сможем что-нибудь придумать. Нам всегда это удаётся.

Только в этот раз придётся постараться. Питу будет предъявлено обвинение в суде.

Я вздыхаю, родители Эмили уходят. Она, естественно, остаётся с нами и помогает придумать план. Теперь она член семьи. Я притягиваю её к себе. У меня забрали брата, ну а я забираю с собой Эмили.

Она помогает мне раздеться, потом толкает меня на кровать и помогает мне забыть о том дерьме, в которое втянул себя Пит. По крайней мере, на эту ночь.

Эмили

Мама ждёт рядом с колледжем, когда закончится моё последнее занятие. Она сказала, что хочет сделать педикюр, но обычно за этим скрывается «давай поговорим». Глубоко вздохнув, я сажусь в машину.

Мама хлопает меня по коленке.

— Сегодня я не буду мучить тебя педикюром. — Она улыбается мне, как будто ждёт, что я начну говорить.

— Мам, — начинаю я. Та ждёт и терпеливо улыбается. Никогда не думала, что окажусь в такой непростой ситуации с мамой.

Она поднимает палец, чтобы остановить меня.

— Как Пит?

— По-прежнему в камере, — бормочу я.

Мама поджимает губы.

— Я даже слушать ничего не хочу, мама. Он сделал ошибку. Но это не значит, что Логан тоже ошибка.

Она хмурится и прижимает ладонь к груди.

— Я когда-нибудь говорила тебе, что Логан — ошибка? Хоть раз? Этот мальчик — самое лучшее, что когда-либо с тобой случилось.

Она так думает даже несмотря на то, что произошло? Я обнимаю её.

— Спасибо.

— Что я могу сделать, чтобы ваши с отцом отношения стали лучше?

— Отправить его на лоботомию?

Мама медленно качает головой взад-вперёд, как будто действительно обдумывает эту идею.

— Стерилизовать его?

Её брови взлетают вверх.

— Ну уж нет.

— Уф, — тяжело вздыхаю я. Но она заставляет меня рассмеяться. — Он не может всё время шантажировать меня деньгами. Вернее, их.

Я скрещиваю руки на груди.

— По-моему, ты показала ему, что деньги для тебя не важны. Как и для них. — Мама пристально смотрит на меня.

— Что? — спрашиваю я.

— Что я могу сделать, чтобы ваши с отцом отношения стали лучше? — снова спрашивает она.

Я пожимаю плечами.

— Когда состоится твой концерт?

— Завтра вечером.

— Ты хочешь, чтобы он пришёл?

Хочу ли я? Не знаю, хочу или нет. Он в любом случае не оценит по достоинству.

— Подумай об этом, — говорит мама.

— Приведи его с собой. Если он не придёт, это будет последний раз, когда я попытаюсь ему угодить.

Она кивает. Думаю, мама всё понимает.

Эмили

Сегодняшний вечер для меня очень важен. Зал почти полон. К микрофону подходит конференсье и приветствует аудиторию. Если дело касается концертов, Джульярд проводит их с размахом, и этот не исключение. Готово целое действо, светят софиты, стоят камеры.

Когда называют моё имя, я начинаю немного нервничать. Доктор Болл заверил, что до меня ещё никто не делал ничего подобного, и он переживает за весь мой номер. Синхронность должна быть безупречной, или ничего не получится. Я очень много репетировала. Всю неделю у меня едва оставалось время для Логана, потому что мне хотелось довести своё выступление до совершенства. Хотя он тоже был занят, решая проблему Пита. Но каждую ночь я проводила в его постели. И каждое утро просыпалась в его объятиях. Я ни на минуту не сомневаюсь в его любви. Несмотря на неприятности Пита, Логан посвящает себя мне. У Пита появился общественный защитник, но его дальнейшая судьба по-прежнему остаётся под вопросом.

Я выхожу на сцену, но огни на сцене мешают мне видеть аудиторию. Но зато я слышу всех Ридов, когда они выкрикивают моё имя и слова поддержки. Приставив ладонь к глазам, я вижу их. Они аплодируют мне стоя. Остальные зрители вяло сидят на своих местах, и Сэм кричит мне: «Зажги, Эмили!», от чего я смеюсь. Пол свистит. Я так рада, что они здесь. Но нет того, кого я бы хотела видеть больше всего — моего папы. Мама пришла, а он нет.

Мне следовало бы понять, что тем вечером он действительно имел в виду то, что говорил. Мне следовало бы понять, что он сыт по горло. И теперь он это доказал. Но тут я вижу, как люди в ряду встают, и мимо них проходит мужчина, чтобы сесть рядом с братьями Рид и моей мамой.

Папа здесь! Он правда пришёл!

На глаза наворачиваются слёзы. Папа не встаёт и не аплодирует мне, как парни. Если честно, ему это не очень нравится. Но мне бы так хотелось, чтобы мой отец с таким же энтузиазмом воспринимал мою музыку, как Риды.

Я усаживаюсь на табурет перед микрофоном и подключаю гитару.

— Добрый вечер, друзья, члены семьи и уважаемые гости. — Я делаю глубокий вздох. — Надеюсь на вашу снисходительность, потому что сегодня я постараюсь попробовать сделать кое-что новое. — Смеюсь. — Я хочу перенести свою музыку на новый уровень. — Пожимаю плечами. — И, надеюсь, вам понравится. — Я смотрю на Логана. Потом на папу. — Надеюсь, ему понравится.

Перед тем как выйти на сцену, я уже настроила экран и прожектор, так что, когда начинаю играть на гитаре, сначала это простая мелодия. Обернувшись через плечо, я проверяю синхронность. На экране позади меня загораются бабочки, и я играю одновременно с их движениями. Расчёт времени оказался идеальным. Но бабочки не просто летают, они пульсируют. Пульсируют в ритм песни.

Мне видно, как Логан подаётся чуть вперёд. Эта часть для него. Чтобы он смог почувствовать ритм и динамику моей песни. Это скрипичный ключ, который он упускает. Это то, что он не может почувствовать по басам, отдающимся от пола. Но зато он может это видеть.

Я продолжаю играть, и бабочки двигаются то вверх, то вниз вслед за нотами. Они высоко взлетают или низко опускаются вниз, поддерживая ритм.

Я открываю рот, и бабочки становятся словами моей песни. Они безукоризненно попадают в мой темп и в мелодию, становятся больше тогда, когда я пою громче, и меньше, когда я пою тише. Слова на экране для Логана. Всё это представление для него, но слова, что срываются с моих губ, предназначаются только моему папу и только ему одному:

*Ты спишь уже давно.
И я наблюдаю за тобой.*

*Но когда ты просыпаешься, это невыносимо,
Потому что, когда ты смотришь на меня, я разрываюсь от боли.*

*Я стараюсь быть
Той, кого ты хочешь видеть,
Но ты знаешь, каково это.
Больше никто не знает,
Что я не смогу быть той, какой ты хочешь, чтобы я была.*

*Я смотрю на слова на странице,
Они расплываются и перемешиваются.
Они борются со мной, даже когда я стараюсь,
И иногда я всё ещё спрашиваю себя: зачем.*

*Вокруг меня бушует буря.
Мне нужно лишь, чтобы ты обнял меня.
Но не это я получаю.
Мне достаются презрение, боль и стыд.*

*Я стараюсь быть
Той, кого ты хочешь видеть,
Но ты знаешь, каково это.
Больше никто не знает,
Что я не смогу быть той, какой ты хочешь, чтобы я была.*

*Я смотрю на слова на странице,
Они расплываются и перемешиваются.
Они борются со мной, даже когда я стараюсь,
И иногда я всё ещё спрашиваю себя: зачем.*

*Что ещё мне сказать,
Чтобы заставить тебя полюбить меня?
Я хочу забыть вчерашний день.
Ты нужен мне... Ммммммммм.*

*Я стараюсь быть
Той, кого ты хочешь видеть,
Но ты знаешь, каково это.
Больше никто не знает,
Что я не смогу быть той, какой ты хочешь, чтобы я была.*

*Я смотрю на слова на странице,
Они расплываются и перемешиваются.
Они борются со мной, даже когда я стараюсь,
И иногда я всё ещё спрашиваю себя: зачем.
Ты уже не спишь.
Сможешь ли ты любить меня несмотря ни на что,
Сможешь ли принять меня такой, какой я появилась на свет,
А не настаивать на совершенствовании?*

*Ты должен любить меня несмотря ни на что,
Но я вижу, ты предпочёл бы,*

*Чтобы рядом с тобой был кто-то другой.
Это был долгий путь.
И каждый раз, когда я готова отказаться от тебя,
Он не даёт мне этого сделать,
Хотя, папа, ты отказался от меня много лет назад.*

*Я не виновата, что родилась такой
Но ты можешь помочь, если примешь меня.
Потому что я не сломлена
Я всегда буду надеяться
Что однажды ты увидишь, что я — это просто я... папа.*

Музыка умолкает, направленный на меня свет прожектора тускнеет, а зрители сидят в абсолютной тишине. Я вытираю слёзы с лица и убираю гитару в сторону. Огни рампы всё никак не погаснут, не понимаю почему.

Такая многозначительная тишина. Может, я перегнула палку. Может, мне лучше убежать за кулисы, чтобы избежать насмешек толпы. Я только что излила перед ними душу. И я сделала это ради одного человека. Конечно, всё это шоу с бабочками было для Логана. Я хотела, чтобы он знал, о чём я собиралась рассказать, иначе он не смог бы услышать слова моей песни. Остальное же...

И тут я слышу, как хлопают в ладоши. Только это не вся аудитория. Это лишь одна пара рук. *Хлоп. Хлоп. Хлоп. Хлоп.* Медленно и методично. А потом я слышу его голос.

— Браво, Эмили!

Сердце застревает в горле. Это не Логан, не кто-то из Ридов. Это мой папа. Мой папа аплодирует мне!

Свет прожекторов двигается, и теперь я вижу, что он стоит у края сцены. И хлопает как сумасшедший, по его лицу текут слёзы. Нет, это не могло настолько его задеть.

— Эмили! — сложив руки рупором, кричит он, хотя я всего в десяти шагах от него. — Я так сильно тобой горжусь!

Он выкрикивает ещё слова типа «блестяще!», «потрясающе!», «бесподобно!», а потом поворачивается к кому-то за его спиной.

— Моя дочь невероятно талантлива. Вы это видели? — Он откровенно плачет, как и я.

Аудитория приходит в себя после папиного всплеска эмоций, все встают и начинают аплодировать. Я подхожу к своему наставнику, и он меня хвалит.

— Отличная работа, мисс Мэдисон.

— Я всё сделала правильно? — тихо спрашиваю я. Он показывает на толпу. Все стоят. Они аплодируют мне стоя. Я выдыхаю: — Ничего себе.

— Мои поздравления, мисс Мэдисон. Я бы сказал, вы нашли своё призвание. — Он показывает, чтобы я вышла вперёд. — Поклонитесь.

Мои ноги дрожат, когда я делаю шаг вперёд и кланяюсь. Меня приветствуют бурными овациями, а папа по-прежнему стоит прямо перед сценой. Он аплодирует и кричит громче всех. Потом поднимает палец, призывая меня подождать. Я вижу, как папа поднимается на сцену. А затем, прямо на глазах у всей аудитории, он подхватывает меня в свои объятия. И кружит меня.

— Я так горжусь тобой, Эмили! — кричит он.

На его лице по-прежнему видны дорожки слёз, но ему, похоже, плевать.

— Я даже не догадывался, Эмили. Я идиот. Я не догадывался, — говорит он мне на ухо, а затем снова крепко прижимает к себе. — Это самое прекрасное, что мне когда-либо доводилось слышать. — Отец берёт моё лицо в свои ладони и смотрит мне в глаза. — Ты сможешь меня простить?

Потом он отпускает меня, не дожидаясь ответа, и направляется к микрофону.

— Это была моя дочь, — говорит папа. — Я даже представить себе не мог, что она так талантлива. — Потом он смотрит на меня, его голос срывается. — Я никогда ещё не был так горд.

Преподаватель машет нам рукой, чтобы мы уходили со сцены. Я тащу папу за чёрную занавеску за кулисы. Там мы ждём братьев Рид и маму.

Сэм добирается до меня первым. Он подхватывает меня и начинает кружить.

— Ты показала им, — шепчет он мне на ухо, а затем звонко целует в щёку.

Пол ерошит мои волосы своей огромной ручищей, а Мэт притягивает к себе и крепко обнимает.

— А Логан? Он ушёл? — спрашиваю я Мэта, когда тот отпускает меня.

Он качает головой, улыбается и показывает куда-то за моё плечо. Там, прислонившись к стене, стоит Логан. Он не бросается ко мне. Просто стоит там, согнув ногу в колене. И держит в руке букет роз.

Я тебя люблю, показываю я.

Он отдаёт цветы моей маме и показывает мне в ответ. *Ты была бесподобна*. А потом указывает на моего отца и ухмыляется. *Спроси его. Он скажет тебе*. Затем выражение лица Логана становится серьёзным. *Ты сделала это, Эм. Ты сделала это*.

Я знаю, что думает мой отец. И хочу знать, что думает Логан. *Тебе понравилось моё выступление? Я закусываю нижнюю губу*.

До этого я никогда не мог почувствовать музыку, а теперь могу. Спасибо тебе. Хотя я и так уже знал, что ты чертовски талантлива.

Я подбегаю к нему и обнимаю его.

Он поднимает моё лицо.

— Никто не делал для меня ничего подобного.

— Я сделаю для тебя всё что угодно.

Наконец, доходит очередь и до мамы.

— Ты бы видела лицо своего отца в ту минуту, когда начала петь. Он понятия не имел, что в тебе это есть. А потом понял, что слова о нём. И всё представление хлюпал носом.

— Я не хлюпал носом, — возражает папа наигранно мрачным голосом.

— Ревел? — подсказывает Пол.

— Рыдал? — предлагает Мэт.

— Завывал как младенец? — говорит Сэм.

Папа фыркает, но не сердито.

— Я просто невероятно горжусь ею!

От его слов сердце чуть не выпрыгивает из моей груди.

Рука Логана опускается на моё плечо.

— Как и я.

— Думаю, в этом все солидарны! — кричит Пол.

— Я проголодался, — жалуется Сэм и потирает живот. — Может, съедим пирог?

Папа смеётся.

— Тогда я угощаю всех пирогом.

— Лучше сказать *пирогами*, — говорит Пол. — Вы никогда не видели, как едят эти парни.

Мы решаем пойти в ресторан пешком, он недалеко.

Папа обнимает меня рукой за плечи и идёт рядом со мной.

— Сегодня ты по-настоящему удивила меня, — тихо говорит он.

— Это точно. — Я смеюсь. Хотя в этом нет ничего смешного.

— Прости меня, Эм. Я ещё давным-давно должен был послушать, как ты играешь.

Тогда бы я понял твою страсть к музыке. У тебя талант.

Я обхватываю рукой его талию и прислоняюсь к нему.

— Спасибо, папа.

Логан с братьями уже перешли через дорогу, как и моя мама. Я наклоняюсь, чтобы завязать шнурок, а папа останавливается на середине дороги, чтобы подождать меня.

Я слышу визг шин ещё до того, как вижу несущийся в нашу сторону автомобиль. Лёд на асфальте тонкий и чёрный, его трудно заметить. Машина не может остановиться. А мой отец неподвижно стоит на месте, замерев в свете фар. Водитель сворачивает в сторону, но недостаточно. Папа прямо у него на пути.

Эта сцена застывает у меня в голове, словно в замедленном кино.

— Папа! — кричу я и бегу к нему, а потом смотрю поверх его плеча и вижу то мгновение, когда Логан принимает решение. Его голубые глаза встречаются с моими, он смотрит прямо на меня, когда отталкивает папу в безопасное место, а сам оказывается на пути приближающегося автомобиля. Папа падает на асфальт рядом со мной, а машина сбивает Логана. Он перелетает через капот и падает на лобовое стекло. Под визг тормозов автомобиль врезается в припаркованную рядом машину, водитель с силой выкручивает руль. Логан падает с капота прямо на асфальт. И лежит там. Я, парализованная страхом, смотрю и жду, когда Логан встанет и отряхнётся. Но он не встаёт. Он не шевелится. А потом я вижу, как по его лбу растекается кровь.

Я бегу к Логану и хватаю его за пальто.

— Логан! — кричу я. — Логан!

Пол отдирает меня от Логана и толкает к Мэту. Я борюсь, пинаюсь и кричу, и Мэту приходится крепко прижать меня к себе. Он даже не позволяет мне взглянуть на Логана. Я царапаюсь, пинаю его и слышу его крикание, когда бью головой по его подбородку.

— Прекрати, — выдыхает он.

Мэт удерживает меня неподвижной, его сильные руки обвилились вокруг меня, и мне по-прежнему не видно Пола и Сэма, которые склонились над Логаном. Они делают ему искусственное дыхание. Мне слышно, как считает Сэм и вдыхает и выдыхает Пол. Кажется, проходит несколько дней, когда наконец приезжает машина скорой помощи. Логана втаскивают внутрь, и я остаюсь на улице с Мэтом, который удерживает мои руки за спиной. Пол уехал с Логаном. Подъезжает ещё одна скорая. Я слышу сирены. И тут до меня доходит, что она за папой.

Я опускаю глаза. Он неподвижно лежит на асфальте, мама положила его голову себе на колени. Она то и дело всхлипывает и гладит папино безмятежное лицо. Я смотрю, понимая, что для папы уже может быть поздно. Он не шевелится, как не шевелился Логан. Хотя никто не делал ему искусственное дыхание. Как Логану. Бригада скорой помощи загружает папу в машину, я стою рядом. Внутри меня как будто что-то умерло. Я не знаю, что мне делать и куда идти. Мама забирается к папе, и они закрывают за ней двери. Это сильно напоминает мне о том случае, когда Мэту стало плохо и я вызвала для него скорую. Только тогда мне позволили поехать с ним. Никто не оставил меня на улице в неведении, что делать дальше.

Мэт и Сэм тащат меня к ожидающей полицейской машине.

— Залезай, — говорит Мэт и опускает мою голову, как обычно делают копы в кино. Он садится рядом, обнимает меня за плечи и притягивает к себе, а затем всматривается в моё лицо.

— Тебя не задело? — спрашивает он.

Я качаю головой.

— Нет. Только Логана.

О боже. Логан. Логана сбивла неуправляемая машина. Он перекатился по капоту и ударился о лобовое стекло. А потом неподвижно лежал на холодном асфальте. Пол и Сэм делали ему искусственное дыхание.

— Он не дышал, — говорю я, и меня начинает трясти.

— Нет. — Мэт бессознательно гладит моё плечо.

— Ты боишься? — дрожащим голосом спрашиваю я.

— Я до смерти напуган, — признаётся он.

— Машина должна была сбить папу.
— Я знаю.
— Почему он это сделал? — Я грызу ноготь, впиваясь в палец, пока не начинаю чувствовать боль.

— Почему вообще Логан что-то делает?
— Я видела выражение его лица. — Я даже не замечаю, как по моим щекам струятся слёзы.

Мэт поднимает мой подбородок.

— Что за выражение?

— Я видела, как он принял решение оттолкнуть папу с дороги. — Не могу поверить, что он так сделал. Зачем?

— Лучше этому засранцу остаться в живых, — бормочет Мэт. — Иначе я убью его нахер.

Полицейские высаживают нас у входа в отделение экстренной медицинской помощи. Мэт берёт меня за одну руку, Сэм за вторую. Я бы хотела, чтобы Пит был здесь. *Блин! Пит!*

— Кто-нибудь позвонил Питу? — спрашиваю я.

— Питу нельзя звонить, — напоминает мне Сэм.

— Тогда тебе придётся сходить к нему.

Сэм кивает.

Когда мы входим в комнату ожидания, ко мне подбегает мама. Она обнимает меня, но я отстраняюсь.

— Где они?

— В реанимации. Нам туда нельзя. — Она заламывает руки. — Логан не дышал.

Мама смотрит на меня, её карие глаза ищут подтверждения. Только чего именно, я не знаю.

— А папа?

— Что папа?

— Дышал?

— Да, твой папа дышал.

Но это не облегчает тяжесть в моей груди. Совсем.

— Но Логан... — говорит мама. — Я боюсь, всё плохо, Эмили.

— Я боюсь, мама.

Откуда-то из внутренних помещений больницы выходит Пол, вцепившись руками в волосы. Он снова и снова тянет их за концы. К нему подходят Мэт и Сэм, и он качает головой. Ему ничего не известно.

— Зачем он это сделал? — восклицает Пол, а потом этот здоровяк тяжело оседает на плиточный пол. Мэт опускается рядом с ним и обнимает его, Сэм садится на корточки около них и кладёт ладонь на руку Пола. Тело Пола сотрясается от рыданий.

Я знаю, зачем он это сделал. Он сделал это ради меня. Неужели мои глаза безмолвно молили об этом? Неужели я каким-то образом, даже не пользуясь голосом, попросила его спасти моего папу? Он прочёл что-то в моём взгляде, что заставило его пойти на это? Я попросила его об этом? Неужели это моя вина?

Эмили

— Я не хочу здесь находиться, — шепчу я Полу, который ведёт меня в церковь. У меня трясутся ноги. Мне страшно, что гроб будет открыт и всем будет видно тело, так что стараюсь не смотреть в том направлении.

— Я тоже, — шепчет в ответ Пол.

— И я, — доносится из-за спины голос Мэта.

Мы протискиваемся к церковной скамье, садимся и двигаемся, чтобы оставить место для Сэма. Сэм кажется потерянным без Пита. Словно он потерял часть себя вместе с братом. Он постоянно оглядывается в поисках Пита. Но Пита здесь нет. Пит по-прежнему ждёт суда и своего обвинения.

На мои глаза наворачиваются слёзы, когда священник начинает говорить о трагической потере любимого брата, сына, друга. Он говорит о воле Божьей, о могуществе души и лечебной вере. Но я не чувствую, что излечилась. Когда это начнётся? Надеюсь, что скоро.

С той аварии прошло четыре дня. Четыре дня раздумий о том, что могло бы быть, как всё могло бы случиться. И о том, что случилось. Четыре дня раздумий о том, как по-разному я могла бы прожить свою жизнь. И как по-разному он мог бы прожить свою.

Из-за спины на моё плечо ложится рука папы и сжимает его. Сейчас он касается меня чаще, чем раньше. Он чаще показывает свою любовь ко мне, чаще говорит, что любит меня. Словно он осознал всё, что было потеряно, и теперь не хочет пропустить ни дня, ни слова — ничего важного. Мама не пришла. Как она сказала, у неё очень важное дело.

Священник продолжает что-то бубнить, и я не слушаю его до тех пор, пока Мэт не берёт мою ладонь и сжимает её — выносят гроб. На кладбище мы решили не ехать. Достаточно того, что мы присутствовали здесь, на службе. Мы выходим из церкви, и я смотрю в полные горя глаза матери.

— Сожалею о вашей утрате, — говорю я.

— Спасибо, — отвечает она механическим голосом. Взгляд у неё безжизненный, и я гадаю, сможет ли эта женщина когда-нибудь вновь обрести покой после потери своего сына. Тем вечером за рулём машины был Рикардо Сантьяго. Ему было восемнадцать лет, и он возвращался домой из библиотеки. Он не заметил чёрный лёд на асфальте, который превратил дорогу в каток. Он не увидел его, а потом потерял управление. Машина сбила Логана и зацепила папину ногу. Теперь папа передвигается на костылях и у него ужасное растяжение, но он поправится. Рикардо же умер от удара, когда его машина врезалась в другую, припаркованную на улице.

Мне едва удаётся вспомнить, видела ли я мать Рикардо в больнице, после аварии. Я помню, как в комнате ожидания они говорили ей о его почти мгновенной смерти. Я помню, как думала о том, что на её месте могли бы быть мы, такую же новость могли бы сообщить и нам. Но нам сообщили новости куда позднее. И в них было мало хорошего.

— Сожалею о вашей утрате, — говорю я следующему человеку в очереди и пожимаю ему руку. Здесь вся семья Рикардо. У него трое братьев и две сестры. Его отец — состоятельный адвокат. Помню, как читала об этом в газете.

С момента аварии Мэт и Пол тенью следуют за мной. Они всегда рядом. Когда я засыпаю, один из них набрасывает на меня покрывало. Когда я просыпаюсь, один из них напоминает мне съесть что-нибудь. Когда я иду в ванную, один из них стоит у дверей снаружи.

Единственное, в чём я твёрдо убеждена, — без Логана моя жизнь никогда не будет полноценной.

Логан

У меня болит каждый миллиметр тела. Я шевелю большим пальцем ноги и стараюсь поднять руку, но не могу. Поморгав, открываю глаза и смотрю прямо перед собой. Посмотреть направо или налево охренеть как больно. Перед глазами двигаются какие-то фигуры, но они слишком размыты. Не могу ничего разобрать. Я закрываю глаза и снова погружаюсь в темноту. И я рад ей, потому что, когда темно, боли нет.

Эмили

Кто-то трясёт меня за руку.

— Эм, — произносит тихий голос. Затем он становится более настойчивым: — Эмили!

Я стараюсь стряхнуть эти звуки, словно они паутина на моём лице, но безуспешно.

— Эмили, просыпайся, мать твою!

Я, поморгав, открываю глаза и вижу перед собой Мэта.

— Он очнулся, — говорит Мэт и ухмыляется.

Я отбрасываю волосы со лба.

— Что? — Мне всё ещё тяжело соображать.

— Эм, он только что пошевелился, — говорит Мэт. Он чуть с ума не сходит от счастья. Стянув с меня одеяло, Мэт берёт мою руку и поднимает на ноги. — Иди поговори с ним, а мне нужно позвонить Полу.

Парни по очереди дежурят со мной в больнице. В палате одновременно разрешено находиться только двум людям, а я ни за что не уйду. Пол, Мэт и Сэм, похоже, не против. Они по очереди ходят домой, присматривают за Хайли, но кто-то из них всё время здесь, со мной.

Я медленно подхожу к краю кровати и смотрю на лежащего Логана.

— Он не очнулся, — говорю я через плечо. Но Мэт уже ушёл. Я снова смотрю вниз и вижу, как ресницы Логана едва заметно подрагивают.

— Логан! — кричу я, что само по себе глупо — ведь он не может меня слышать.

Присев на краешек кровати, я беру его руку в свою. И вижу, как двигаются его веки. Смотрю на ноги — он шевелит большим пальцем. Но его глаза закрыты, и он по-прежнему лежит неподвижно. Слишком неподвижно.

В палату вбегает доктор, поднимает Логану веки и светит ему в зрачки. Я вижу, как Логан вздрагивает.

— Он скоро очнётся? — спрашиваю я у врача и, задержав дыхание, жду ответа.

Губы доктора сжимаются в тонкую линию.

— Возможно.

Возможно. Одного этого слова уже достаточно, чтобы внутри меня зацвела надежда. Я отступаю с дороги доктора. Медсестра осторожно берёт меня за плечи и отодвигает к стене.

В палату заходит Мэт.

— Я позвонил Полу и Сэму. Они уже едут.

Я киваю. А сама не могу оторвать глаз от Логана. Он пошевелился. Я и подумать не могла, что когда-нибудь снова увижу, как он двигается.

У Логана ужасная черепно-мозговая травма. Он перенёс операцию, которая уменьшила давление на мозг, но у него ещё и несколько внутренних повреждений. Он остался без селезёнки, правая нога сломана. Ему наложили гипс. Почти всё его тело покрыто синяками.

Я смотрю на Мэта, и его взгляд, как и мой, полон надежды.

— С ним всё будет хорошо, ведь правда? — спрашиваю я.

Мэт кивает и притягивает меня к груди.

— Конечно, — выдыхает он, потом наклоняется ко мне и принохивается. Затем начинает театрально шептать: — Раз уж он вот-вот очнётся, может, ты всё-таки сходишь, блин, в душ? От тебя воняет.

Я отодвигаюсь от него.

— Нет.

— Эм, у тебя дерьмовый вид, — дразнится Мэт. Он ерошит мои волосы, но мне плевать. Хотя у меня действительно дерьмовый вид. Я поднимаю руку и нюхаю себя. Да, точно воняю. Нельзя, чтобы Логан увидел меня такой.

Через несколько минут в палату входят Пол и Сэм. Пол несёт холщовую сумку с моими вещами.

— Слава богу, — не устаёт дразниться Мэт. Он поворачивает меня в сторону ванной и указывает на дверь. — Иди-ка прими душ. Нельзя, чтобы он очнулся и увидел тебя в таком виде.

Я киваю.

— Хорошо.

Когда я прохожу мимо Сэма, он принюхивается ко мне и зажимает нос.

— От меня не настолько плохо пахнет, — ворчу я.

Он морщится.

— Вообще-то, так и есть.

— Ну и ладно! — говорю я. — Я иду в душ. — Потом показываю пальцем на всех троих. — А потом заставлю вас пожалеть.

— Я буду жалеть, если ты не помоешься, — бормочет Пол, но улыбается.

Я захожу в ванную и встаю под маленький душ. Мне не много надо — только смыть с себя неприятный запах после четырёх дней ожидания в больнице. Я быстро одеваюсь и расчёсываю волосы. Вернувшись, вижу троих братьев, глядящих на Логана. Губы Мэта двигаются, произносятся слова молитвы, но я едва могу их разобрать.

— Как вы можете молиться без меня! — возмущаюсь я и протискиваюсь к ним в круг. Мэт читает молитву за выздоровление Логана. И я тоже.

Логан

Меня резко вырывает из темноты, когда кто-то начинает тянуть меня за большой палец на ноге. По ступне скользят чьи-то пальцы, и я трясую ногой, чтобы сбросить их. Когда мы были детьми, Пол дёргал меня за пальцы. Он хватал меня за лодыжку, крепко держал и дёргал за пальцы, пока они не щёлкали. Было не больно, но чертовски раздражало. И теперь я ощущаю точно такое же раздражение. А мне так нравится быть в темноте. В темноте нет боли.

Я чувствую резкую боль в руке, а потом словно куда-то плыву. Боль отступает, и я ощущаю, как кто-то развязывает меня. Постепенно открывая глаза, чтобы посмотреть, куда я уплыл, вижу Эмили. Открываю рот, чтобы сказать, как, чёрт побери, я счастлив её видеть. Но она становится размытым пятном, и мне приходится долго моргать, чтобы её стало чётче видно. Я пытаюсь заговорить, но не могу. В горле пересохло, из меня не выходит ни звука. А потом я вспоминаю, что глухой. Что не могу слышать собственный голос. Особенно без слуховых аппаратов. Они куда-то делись.

Где я? Не помню, как тут оказался. Но на меня смотрят Пол, Мэт и Сэм. Сэм плачет, и Пол обнимает его. Я могу читать по его губам. Что-то о том, чтобы перестать быть бабой, когда твой брат чуть было не умер. Пусть плачет, сколько хочет.

А где Пит? Его вроде бы здесь нет. Где он?

Темнота вновь манит меня, и я сопротивляюсь ей. Я отталкиваю её от себя, снова и снова, но она впивается в меня жадной хваткой и не отпускает.

Эмили

Логан до сих пор не очнулся после последней дозы обезболивающих. Доктора говорят, что он будет всё чаще и чаще приходить в сознание, но прошло уже несколько часов с тех пор, как двигались его ресницы. Я устала, очень устала. И ради этого я ходила в душ?

— Тебе стоит вздремнуть, — говорит Сэм. Наступила его очередь оставаться со мной.

— Как ты думаешь, он очнётся? — спрашиваю я.

Сэм кивает.

— Уверен в этом.

— И что делает тебя таким уверенным?

Он пожимает плечами.

— Я просто знаю, что так и будет.

Мне бы тоже хотелось чувствовать такую же уверенность.

— Ты говорил с Питом?

Он качает головой.

— Они не разрешают нам с ним видеться. Хотя твой папа работает над этим.

Мой папа помогает с защитой Пита. Он нанял адвоката по уголовным делам и заплатил за то, чтобы у Пита был самый лучший представитель. Но неизвестно, как сильно это поможет ему в суде.

— Твой отец — классный парень, — говорит Сэм.

Я киваю.

— Бывает. А иногда он настоящая задница.

— Он старается. А это лучше, чем ничего.

Папа вдруг превратился в питбуля. Он любящий, заботливый, весёлый, а ещё недавно в нём появилась частичка, готовая бороться до самой смерти. И он борется за Ридов. Он боролся за Логана, отыскав самого лучше невролога. Он боролся за Пита — и до сих пор делает это — и он борется за меня. Каждый день папа приходит, чтобы поговорить. Он всё ещё на костылях, но ему уже лучше. Он чувствует вину во всём, что касается Логана.

Сэм садится и кладёт ноги на край кровати. Съехав в кресле пониже, он складывает руки на груди и закрывает глаза. В комнате темно, никто не заходит. И Сэм тут же засыпает. Парни тоже порядком устали. Я смотрю на Логана и касаюсь пальцем его губ. Он не шевелится. Я перевожу взгляд на раскладушку, которую принесла медсестра специально для меня, но мне не хочется там спать. Я отодвигаю одеяла и проскальзываю в постель к Логану. Почувствовав, как зашевелилась кровать, Сэм открывает глаза и смотрит на меня. Он качает головой и ухмыляется.

— Если ты будешь приставать к нему, пока он в отключке, мне придётся рассказать ему об этом, когда он очнётся, — шутит Сэм.

Я кладу голову на плечо Логана, стараясь не задеть всевозможные проводки, трубочки или синяки.

— Думаешь, он будет возражать? — спрашиваю я.

Сэм усмехается.

— Думаю, он будет в охрененном восторге. Ты шутишь, да?

Я устраиваюсь поудобнее и расслабляюсь рядом с Логаном, делаю глубокий вдох. Сон одолевает меня, и мне снится Логан.

Логан

Я брожу по полю с цветами. Они кажутся реальными, вот только лепестки у них чёрные, с синими прожилками, и когда я прохожу мимо, их соцветия нежно касаются моей руки. Я хватаю один цветок, но он от меня ускользает. Тянусь к другому, и происходит то же самое.

Уже давно мне не снятся сны, в которых есть слова. Только язык жестов. Но вдруг я слышу голос. «Логан», — зовёт он меня. Этот голос мне знаком, и поле неожиданно начинает пахнуть, как моя мама. Цветы расходятся в стороны, и вот она стоит передо мной, облачённая в красивое белое платье, низ которого колышется вокруг неё. Она не поёт. Но я могу слышать её голос, такой же как до того, когда мне исполнилось двенадцать. И слышу я с предельной чёткостью.

Она не приближается. Складывает руки у рта и кричит:

— Логан! Пора возвращаться.

Наверное, мне нужно вернуться домой, пока не зажглись фонари. Если я не приду домой, мама пойдёт меня искать, а мне никогда не нравится, когда она приходит за мной. Мне неловко. Так что я всегда возвращаюсь домой до того, как включают уличное освещение.

Но, похоже, не сегодня.

Я никак не могу отыскать крыльцо из-за загораживающих всё грёбаных цветов. Если бы не они, я бы уже давно был дома. Самый близкий ко мне цветок сгибает лепесток, словно зовёт меня идти вперёд. Он не говорит. Просто открывает рот, но голоса не слышно. Но зато слышно маму. Она снова складывает ладони чашечкой и кричит мне. Похоже, теряет терпение. Лучше бы мне поторопиться.

— Логан, пора возвращаться! — кричит мама.

Цветы исчезают, утопая в прекрасном, расцвеченном во все цвета радуги, облаке, и вот остаётся только один. А мама снова зовёт меня.

Я моргаю и смотрю наверх. Надо мной виднеется приглушённый свет, а слева от меня какая-то машина загорается в ритме моего сердцебиения. Я шевелю пальцем. Нос чешется, и мне нужно его почесать, но когда я пытаюсь поднять руку, она кажется неподъёмной. Гораздо тяжелее, чем мне помнится. Я издаю стон, пытаюсь поднять её, и мне это удаётся. Но она падает мне на грудь.

Я чувствую нежное щекотание в районе шеи и наклоняю голову, чтобы посмотреть. Это не моя девочка с голубыми прядями. Я снова моргаю. Мне больно держать глаза открытыми. Я снова смотрю на фигуру рядом со мной. Это моя Эмили, прижимается ко мне. Только теперь она блондинка.

Слава богу. Конечно же, она не могла никуда деться. Я заставляю свою руку подняться и кладу ладонь на её щёку. Только, должно быть, получилось не совсем нежно, потому что Эмили шарахается в сторону. Она садится и смотрит на меня сверху вниз.

— Боже мой! Ты очнулся?

Я пытаюсь кивнуть, но мне больно.

— Думаю, да, — говорю я.

В горле пересохло. Эмили протягивает через меня руку и берёт стакан, а затем поднимает его к моим губам. Я делаю глоток, и она отнимает его.

— Потихоньку, — предупреждает Эмили. Её глаза наполняются слезами. — Ты и правда очнулся?

Она наклоняется и трясёт ногу Сэма. Он положил её на край моей кровати. Брат удивлённо подсакивает и чуть не падает со стула, но ему всё-таки удаётся удержаться на месте.

— Логан? — склонившись вперёд, спрашивает он.

Эмили что-то говорит ему, и Сэм подсакивает к кровати. Он смотрит на меня и, глядя в потолок, произносит на выдохе:

— Спасибо Тебе.

— Что произошло? — спрашиваю я.
По щеке Эмили катится слеза, но, уверен, она на меня сердится.
— Ты сделал кое-что совершенно идиотское. Я думала, ты умрёшь. — Она берёт моё лицо в свои руки. — Ты правда вернулся?
— Вернулся откуда?
Она смеётся.
— Оттуда, где ты был последние десять дней.
Десять дней? О чём она, чёрт побери?
— Тебя сбила машина.
И тут воспоминания обрушиваются на меня с той же скоростью, с какой мчался тогда тот автомобиль. Вот почему у меня всё болит. И вот почему я в этой кровати.
— Твой отец? — спрашиваю я.
— С ним всё в порядке, идиот, — отвечает Сэм.
Я киваю.
— Хорошо.
— Если ты ещё раз сделаешь какую-нибудь глупость, как например, снова соберёшься убиться, то Пол тебя прикончит, — предупреждает Сэм. Но он берёт мою руку и крепко сжимает её, наши большие пальцы скрещиваются как при рукопожатии.
— Я так рад, что ты снова с нами, — говорит брат. Его голубые глаза, совсем как мои, вглядываются в моё лицо. — Твоя голова была повреждена. И нога сломана. — Он склоняется ближе, как будто хочет поделиться секретом. — Я слышал, что ты сломал и свой член. Эмили очень этим опечалена. А вот на твою ногу ей плевать.
Мне тут же хочется проверить ту часть моего тела, о которой идёт речь. Однако Сэм смеётся.
— Эмили позже проверит, что там.
— Вообще-то, она не так уж много времени посвящает той моей части, — говорю я.
От обезболивающих у меня кружится голова.
Сэм отворачивается, чтобы посмеяться.
— Он здорово не в себе.
Эмили густо краснеет.
— Поверить не могу, что ты это сказал. — Она выпячивает нижнюю губу, и я могу думать лишь об одном — как сильно хочу её поцеловать. Но я голову-то поднять не в состоянии, что уж говорить о чём-то ещё.
— Прости, — выдавливаю я и, пошевелив рукой, добавляю, — у меня всё болит.
Эмили целует меня в щёку.
— Сейчас проверю, чем смогут тебе помочь медсёстры, — говорит она. — Они всё равно хотели знать, когда ты очнёшься. Скоро вернусь.
И Эмили выходит из палаты.
— За всё время это в первый раз, когда она ушла от тебя, — говорит Сэм. — Ну, за исключением похорон.
— Каких похорон?
Его лицо становится мрачным.
— Того парнишки, что был за рулём машины, которая тебя сбила. Он умер. А она была здесь всё время, кроме дня похорон.
За все десять дней она ни разу не уходила отсюда?
— Почему?
— Она бы не ушла. Не знаю. Мэту пришлось заставить её принять душ, — смеётся Сэм. — Она потом дулась на него несколько часов.
— Хотел бы я посмотреть на это. Хотя, Мэт вряд ли сможет её обидеть.
Я издаю стон — мне и правда очень больно.
— Медовый месяц закончился. Тебе всё сходит с рук, только когда у тебя рак, — со знанием дела говорит Сэм. — А потом девчонки начинают обращаться с тобой, как с любимым

другим придурком.

— А где Мэт и Пол? — спрашиваю я.

— Пол сегодня сидит с Хайли, а Мэт отправился домой поспать.

Я киваю.

— Пит?

У Сэма вытягивается лицо.

— По-прежнему в тюрьме.

От этих слов у меня сжимается сердце. В палату входит медсестра, в руке у неё шприц. Спасибо, Господи, мать твою. Она улыбается, но не говорит со мной. Те, кто слышит, всегда переживают о том, пойму ли я их, так что стараются, по возможности, избегать общения.

— Добро пожаловать в мир живых, — наконец произносит она. Я чувствую жжение в руке, а затем боль начинает угасать.

Перед глазами всё плывёт, но мне нужно кое-что узнать. Я смотрю на Сэма.

— Я правда сломал свой член?

Мой ржущий братец — это последнее, что я вижу перед тем, как снова погрузиться в небытие.

Эмили

Логан то засыпает, то вновь ненадолго приходит в себя, но теперь я уверена, что он точно к нам вернётся. После того, как он заговорил со мной, я уже не так волнуюсь.

— Где его слуховые аппараты? — спрашиваю я Сэма.

Он пожимает плечами.

— Ты проверяла его вещи? — Сэм указывает на шкафчик в другом конце палаты. Там находится мешок со всеми вещами, что были у Логана в момент аварии. Я ишу там, но слуховых аппаратов там нет.

Вытаскиваю маленькую серебряную штангу.

— А это что?

Сэм краснеет.

— Пирсинг, — не глядя на меня, бормочет он.

— О, — говорю я и сдерживаю смехок. Все украшения Логана лежат в этом мешке. В больнице весь его пирсинг сняли и положили туда. Даже тот, что был в основании его пениса. Господи.

Я открываю его кошелёк — потому что просто умираю от любопытства. В отделении для водительского удостоверения вложен мой портрет, выполненный углём, а в отделении для банкнот — немного наличности. Ещё я замечаю сложенный листок бумаги и открываю его. Не могу ничего с собой поделать — любопытство убивает меня. И тут же я понимаю, что это та самая записка, которую я написала ему, когда наконец-то решилась сказать своё настоящее имя. Слёзы жгут глаза. Он сохранил её. Слова из записки вытатуированы на его заднице, но вдобавок он хранит и саму записку, должно быть, она для него действительно важна.

— Слуховых аппаратов здесь нет.

— Наверное, спали с него, когда его сбила машина.

— Нам нужно достать ему новые, скоро они понадобятся.

Сэм протяжно выдыхает.

— Ты знаешь, сколько стоят эти штуковины?

Я поднимаю глаза. Понятия не имею, сколько они стоят.

— Много?

— Гораздо больше, чем всё, что у нас есть. — Он низко стонет. — Я устал быть долбанным бедняком. Чёрт!

— Твоя семья куда богаче во многих смыслах, чем моя, — напоминаю я ему. Смотрю на Сэма, а он тем временем рассеянно проводит рукой по волосам. — Поэтому Пит сделал то, что сделал?

Он кивает.

— Думаю, да.

— Я говорила ему не связываться с Боуном. Что это только втянет его в неприятности. — Я говорила ему это несколько месяцев назад, когда он только начал общаться с этим человеком. Неприятно говорить, что я так и знала, но... так и есть.

— Я был там, тем вечером, — вырывается из Сэма. Он потирает затылок с коротко стриженными волосами.

— Тем вечером?

— Тем вечером, когда Пита арестовали. Я был там. Мы вместе разгружали грузовик.

— О. — Не знаю, что тут ещё сказать. — И как получилось, что Пита арестовали, а тебя нет?

— Пит посмотрел на меня и сказал убежать. Так что я убежал, а Пита поймали. Я никогда не прошу себе этого. — Сэм кусает нижнюю губу, бездумно играя с пирсингом. — Он сказал мне, что если я сознаюсь, то он станет отрицать, что я там был. Грёбанный придурок.

— Ты рассказал Полу и Мэту? — Не знаю почему, но мне почему-то кажется, что

это важно.

Сэм кивает.

— Они знают. — Он качает головой. — Я думал, что Пол меня приберёт.

— А он что сделал?

Сэм пинает несуществующий комок грязи.

— Он обнял меня. — Сэм пожимает плечами. — И всё.

— Зачем вы вообще связались с Боуном? — спрашиваю я. Ничего не могу с собой поделывать. Ведь все знают, кто такой Боун и чем он занимается.

Сэм вздыхает.

— Нам хотелось иметь достаточно денег, чтобы заплатить за курс лечения для Мэта, если он ему снова понадобится. И тогда мы стали братья за случайную подработку. Всё было законно. — Он поднимает вверх одну руку, словно даёт показания под присягой. — Клянусь. Мы бы не стали делать ничего противозаконного.

— И что это была за подработка?

Он не смотрит на меня.

— Доставка пакетов, писем. Сбор долгов. Разгрузка грузовиков. Всё в таком духе.

Это «всё» было чертовски противозаконным, и Сэм знал об этом.

— Пит теперь несёт наказание за нас обоих. — Сэм рычит и снова проводит рукой по волосам. — Я никогда не прощу себя за это.

— Мой папа занимается этим, — напоминаю я ему.

— Что, твой папа стал чародеем? — спрашивает он, подняв бровь.

Я смеюсь.

— Нет, насколько я знаю.

На минуту Сэм затихает.

— Эй, Эм, — говорит он, и я смотрю на него. — Я ещё так и не поблагодарил тебя за то, что ты спасла Мэту жизнь.

Я машу рукой.

— Подумаешь.

Он с прищуром смотрит на меня.

— Ты ведь любишь моего брата, да?

Я смотрю на фигуру спящего Логана.

— Больше всего на свете.

— Тогда тебе придётся выйти за него.

Я притворяюсь, что дуюсь.

— Ну, раз мне придётся...

Сэм смеётся.

— Я рад, что у него есть ты. Что у нас всех есть.

На мои глаза наворачиваются слёзы, и я моргаю. Сэм крепко обнимает меня, и какое-то мгновение я даже не могу придумать, что сделать в ответ. Мэт всё время проделывает это, но Сэм — никогда.

Сэм отворачивается, и я вижу татуировку в нижней части его шеи. Не знаю, почему не замечала её раньше. Большими, объёмными готическими буквами там выведено «Пит».

— Почему на твоей шее вытатуировано имя Пита? — спрашиваю я.

Сэм широко улыбается.

— Когда нам исполнилось по двенадцать, наш отец по-прежнему нас не различал. Поэтому он решил вытатуировать нам на шеях наши имена. — Его улыбка становится ещё шире. — Он посадил нас в кресло и спросил, кто я. Я ответил, что Пит. А затем он вытатуировал моё имя на шее Пита. Мама была чертовски зла. Ты даже представить себе не можешь. — Он потирает рукой заднюю часть шеи. — Но мне это даже нравится.

— И мне тоже.

Логан

Прошла неделя с того момента, как я пришёл в себя. Несколько дней меня мучила нестерпимая боль, но потом стало лучше. Сегодня меня выписывают домой. Эмили уже едет, чтобы забрать меня, и мы отправимся в её квартиру, потому что там есть лифт — подъём по лестнице я не осилю: моя нога загипсована от половины бедра до самых пальцев. Чешется просто жутко, но мне постоянно говорят не чесать.

Медсестра помогает мне усесться в кресло-каталку. Мне сказали, что так будет лучше. Я так сильно хочу вернуться домой! Ну, или туда, где мы с Эмили сможем спать в одной постели. Туда, где я смогу крепко прижать её к себе и не отпускать. Я совершенно не хочу её отпускать.

Эмили выходит из лифта как раз в тот момент, когда мы едем к нему. Она улыбается, и моё сердце делает сальто и чуть не выпрыгивает из груди. Я чертовски сильно люблю её. Она придерживает дверь лифта, и медсестра закатывает меня внутрь.

Готов отправиться домой? Спрашивает меня Эмили на языке жестов.

Я киваю. Это грубо — общаться жестами перед тем, у кого нет проблем со слухом. Я-то знаю это, надо бы и ей объяснить. *Жду не дождусь вернуться домой и затащить тебя в кровать.* Я поигрываю бровями.

Эмили хихикает. *А ты уже достаточно поправился для этого?*

Тебе придётся быть сверху.

Чёрт, мой член встаёт, стоит мне только подумать об этом.

Медсестра, что едет с нами в лифте, ударяется о моё кресло, а затем начинает кашлять в кулак. Эмили стучит по её спине и спрашивает:

— С вами всё в порядке?

Женщина кивает. По-моему, на самом деле, она смеётся, но откуда мне знать наверняка.

У края тротуара стоит чёрный седан, за рулём сидит отец Эмили. Мой взгляд тут же устремляется к ней, и она улыбается.

Он сам так захотел, показывает она.

Почему?

Эмили пожимает плечами. *Спроси его.*

— Логан, — приветствует меня её отец. Наши взгляды встречаются, и он протягивает мне ладонь для рукопожатия. Я принимаю приглашение, мы крепко и уверенно жмём друг другу руки. — Как ты себя чувствуешь?

— Готов отправиться домой, мистер Мэдисон.

— Прошу, называй меня Ральфом, — отвечает он.

У меня внутри всё сжимается, и я смотрю на Эмили, но она укладывает мои вещи в багажник. Я осторожно поднимаюсь из кресла, держась за дверцу машины. Затем, допрыгав на одной ноге, падаю на место рядом с водительским — там просторнее.

Когда дверца закрылась, медсестра, которая везла меня, поворачивается ко мне и показывает жестами: *Надеюсь, вы скоро поправитесь.* Блин! Она знает язык жестов. В смущении я провожу рукой по лицу, а она смеётся и инструктирует меня: *Не торопитесь и не перебарщивайте с этим делом.*

Я киваю, в то время как моё лицо заливается краской. Эмили лишь улыбается и качает головой. Мы попались. Вот именно поэтому нельзя общаться на языке жестов, когда рядом слышащие. Помимо того, что это очень грубо.

Отец Эмили молчит всю дорогу до её дома. Он не произносит ни слова, как и она сама.

Когда машина останавливается у дома Эмили, мистер Мэдисон вылезает из машины и открывает мне дверцу. Я снова протягиваю ему руку.

— Спасибо, что подвезли, сэр.

Но вместо того, чтобы пожать мою ладонь, он помогает мне выбраться из

автомобиля и встать на костыли.

— Я поднимусь наверх, так мы сможем поговорить.

Я снова смотрю на Эмили, но она уже сидит за рулём и машет мне рукой, отъезжая.

— Куда она поехала? — спрашиваю я.

— По делам, заодно привезёт твои лекарства, — отвечает отец Эмили.

— Это мог бы сделать кто-нибудь из моих братьев.

Он машет рукой.

— Ничего страшного.

Генри, консьерж, спешит, чтобы помочь мне войти внутрь.

— Я так рад, что ты вернулся, Логан, — говорит он.

— И я, — со смехом отвечаю я.

Отец Эмили улыбается, а я по-прежнему не знаю, что делать с этой его внезапной дружелюбностью. Пока мы поднимаемся в лифте, он молчит, как и тогда, когда я вытаскиваю ключ и, открыв дверь, вхожу в квартиру Эмили. Возможно, мне стоило бы объяснить ему, почему у меня есть ключ, но, если честно, мне не хочется этого делать.

Я падаю на диван. У меня совершенно нет сил, неохота идти куда-то дальше.

— У тебя что-то болит? — спрашивает мистер Мэдисон.

— Нет. — Я оглядываю комнату. — Где Трип?

Я ожидал увидеть его в одних трусах на диване Эмили.

— Он вернулся обратно в Лос-Анджелес, — отвечает папа Эмили.

Он садится на диван, в противоположном от меня конце, и, кажется, ему некомфортно. Не в том плане, словно он не знает, что сказать. Это больше похоже на то, что он испытывает дискомфорт на эмоциональном уровне, и из-за этого именно я начинаю переживать, что же сделать для *него*.

— Навсегда? — интересуюсь я.

— Да.

— О, ничего себе. — Вот так неожиданность!

— Логан, мне нужно извиниться перед тобой, — говорит мистер Мэдисон. Его щёки порозовели, очевидно, что он очень нервничает.

— В этом совершенно нет необходимости, мистер Мэдисон, — начинаю я.

Отец Эмили обрывает меня, подняв руку вверх.

— Ральф, — поправляет он. — И мне следует поблагодарить тебя. То, что ты сделал, требует недюжинной смелости.

— О, перестаньте, — пытаюсь прервать его я.

— Дай мне, на хер, закончить, ладно? — улыбаясь, говорит он.

Он, что, только что выругался?

— Вы тусовались с моими братьями?

Мистер Мэдисон усмехается.

— Нет, но я родился в таком же грёбаном районе, как и ты. Просто в один прекрасный момент я забыл, откуда родом.

Не знаю даже, что сказать. Я понятия не имел, что мистер Мэдисон из бедной семьи.

— Я рос в жуткой нищете. В районе похлеще вашего. — Он протяжно выдыхает. — Но на каком-то этапе своей жизни я совершенно позабыл о том, что действительно важно. Моя семья для меня всё. Я ничто без них.

Он морщится, словно не знает, что говорить дальше.

— Я гожусь тем, что ты появился в жизни моей дочери. Я бы не смог быть более счастлив её выбором.

— Спасибо, сэр, — отвечаю я потрясённый. Мой мир словно перевернулся с ног на голову. Я совершенно не ожидал от него такого.

— Я знаю, что ты хотел бы всегда быть с моей дочерью. — Отец Эмили лезет в карман и достаёт оттуда маленькую коробочку для драгоценностей, а затем впихивает её мне в руки. Я открываю коробочку — внутри помолвочное кольцо с маленьким

бриллиантом. Для того, чтобы его разглядеть, понадобится микроскоп, но, по мне так, самое оно. Кольцо прекрасно, по всей его поверхности красуется гравировка. Похоже, оно старинное.

— Если ты вдруг решишь попросить её выйти за тебя замуж, то знай, у тебя есть моё благословение. Это кольцо её бабушки. — Внезапно мистер Мэдисон снова выглядит нервным. — Или можешь купить собственное. На самом деле, мне не так уж важно.

Я вспоминаю, как однажды он мне сказал о том, что я куплю своей жене малюсенький бриллиантик и буду жить с ней в убогой квартирке. Он пожимает плечами. Тоже вспоминает эти слова.

— Спасибо, сэр. — Я едва могу соображать. — Даже не знаю, что сказать.

— Я не намекаю на то, чтобы ты просил её руки как можно быстрее.

— Я собираюсь сделать ей предложение в самом скором времени, — признаюсь я. Я задумал это в больнице, как только очнулся. Мне не хочется быть вдали от неё хотя бы секунду. Ни за что.

— Тогда у тебя есть моё благословение, и её матери тоже. — Он предупреждающе тычет в меня пальцем. — Мне кажется, что ты хороший человек. Но если ты каким-то образом разобьёшь ей сердце, я сотворю с тобой жуткие вещи. — Он внимательно смотрит на меня. — Я знаю людей. — Но при этом он улыбается.

Я смотрю на свою сломанную ногу.

— Потерять Эмили будет самым страшным наказанием, — говорю я. Мне тоже нужно кое-что сказать ему. Я делаю глубокий вдох. — Мне кажется, мы должны прояснить кое-что.

Мистер Мэдисон поднимает брови и придвигается вперёд.

— Давай.

— В ту ночь я хотел оттолкнуть не вас. Эмили шла прямо за вами, и я хотел защитить её. И мне пришлось толкнуть вас в надежде, что вы упадёте прямо на неё, как фишки домино. — Я пожимаю плечами. — Это сработало.

Он громко смеётся.

— Я знаю.

— Знаете? — Как, чёрт побери, он это понял?

— Да, я видел выражение твоего лица. Никто так сильно не испугается за человека, который обращался с тобой как с куском дерьма. — Он откидывается на спинку дивана и разглядывает меня, прищурив глаза. — Ты увидел тот мчащийся автомобиль, и выражение на твоём лице сказало мне, что ты абсолютно влюблён в мою дочь и что ради неё пожертвуешь собой. — Он кивает на кольцо. — Поэтому я дал тебе своё благословение. Не потому, что ты спас мне жизнь.

— О. — Возможно, я похож на идиота, но мне просто не приходит в голову, что на это можно сказать.

— И ещё кое-что, пока Эмили не вернулась. — Он нервно смотрит в сторону двери. — Во-первых, когда ты будешь готов, тебя ждёт стажировка в отделе рекламы «Мэдисон-Авеню». Ты талантливый художник, Логан, и мне нужны такие люди. — Он поднимает руку, чтобы остановить меня, когда я в удивлении открываю рот. — Трип признался мне, что те зарисовки для рекламной кампании нарисовал ты. У тебя дар. — Он улыбается, и эта улыбка отражается в его глазах. Или я принял слишком много обезболивающих. — Но ты не начнёшь сразу с верхушки из-за того, что женишься на моей дочери.

Я вглядываюсь в него, гадая, кто этот мужчина, что сидит передо мной и расхваливает меня.

— Я и не ждал бы какого-то особенного к себе отношения. — И не принял бы подобного.

Мистер Мэдисон снова смотрит в сторону двери.

— И второе. — Он облизывает губы, а затем встречается со мной взглядом. — Как ты думаешь, ты бы смог нарисовать для меня татуировку? Я бы хотел нечто, что отражало

бы мою жизнь. Такую татуировку, которая бы имела для меня значение.

Он хочет татуху?

— У вас есть на уме что-то конкретное? — спрашиваю я.

Он качает головой и хлопает меня по колену здоровой ноги.

— Я уверен, ты придумаешь идеальный эскиз.

Тут дверь открывается, и в квартиру входит Эмили. Я прячу коробочку с кольцом в диванные подушки.

— Подумай об этом и дай мне знать, когда что-нибудь придумаешь, — говорит мистер Мэдисон, а затем прижимает палец к губам, словно просит сохранить всё в тайне.

Я киваю.

Он целует Эмили в щёку и выходит за дверь. Эмили пулей летит ко мне.

— Что он тебе сказал?

Я по-прежнему не могу поверить в произошедшее.

— Он сказал мне, что любит меня. — Я широко ухмыляюсь ей.

Она закатывает глаза и шлёпает меня по плечу.

— Не валяй дурака.

— Но так и есть, — протестую я. — К тому же, я травмирован. Не бей меня.

Я хватаю Эмили за руку и притягиваю к себе.

Она садится рядом.

— Нет, правда, что он сказал?

— Сказал, что я могу попросить твоей руки, — отвечаю я, прижимаясь ко лбу Эмили своим, и быстро целую её.

Она кладёт руку себе на грудь и делает глубокий вдох-выдох.

— Что?

Я пожимаю плечами.

— Ещё до аварии я спрашивал его разрешения просить тебя выйти за меня. Он отказал. — Я смотрю на дверь, словно ожидая, что вот-вот войдёт её отец. — Но сейчас он передумал.

Я просовываю руку в подушки и достаю коробочку. Вообще-то, я собирался ждать подходящего момента, но теперь не хочу. Я хочу как можно быстрее надеть на её пальчик это кольцо. Хочу, чтобы она стала моей. Целиком и полностью.

Когда Эмили видит коробочку, её глаза расширяются.

— Только я не смогу встать на одно колено, — извиняюсь я.

Её глаза наполняются слезами, и я засовываю коробочку обратно в подушки.

— Ладно, как-нибудь в другой раз.

— Ты издеваешься? — спрашивает Эмили, а затем хватает меня за футболку и тянет к себе. — Спроси меня. Спроси меня. Пожалуйста, спроси. — Она смотрит мне в глаза, и я никогда ещё не любил её так сильно, как в этот момент. Но вдруг она отстраняется и робко смотрит на меня. — Ну, если ты действительно хочешь спросить меня. Ты не должен спрашивать, если не хочешь.

Я притягиваю её голову согнутой рукой и ерошу костяшками волосы.

— Я не просто хочу. Мне придётся.

Она смотрит на меня, и её мысли пребывают в таком же беспорядке, как и её волосы.

— Я не могу жить без тебя, глупая, — пытаюсь объяснить я.

Она улыбается. Было время, когда слова типа этого разрывали ей сердце; но теперь это просто слово. И что самое забавное, она совершенно не глупая.

— Я люблю тебя, — говорит Эмили. Она целует меня, её язык проскальзывает в мой рот, и от его мягкого прикосновения мой член тут же твердеет словно камень.

— Вытаскивай коробочку. — Я чувствую её улыбку, когда она снова начинает меня целовать.

— Какую коробочку?

— С кольцом. И спроси меня. Обещаю, что скажу «да».

— Как легко тебя уговорить, — дразнюсь я.

Но она не всегда была такой. В самом начале было чертовски трудно любить её, но я не смог противостоять своим чувствам. Эмили — это словно часть меня, которой мне всю жизнь так не хватало. Я не могу вообразить и дня без неё. Я копаюсь в подушках и достаю коробочку. Моё сердце, словно кувалда, стучит в груди, хотя Эмили и сказала, что примет моё предложение. Я открываю коробочку, шарниры скрипят.

— Ты выйдешь за меня? — спрашиваю я.

Она берёт коробочку и садится, откинувшись на спинку дивана. На её лице застывает удивлённая улыбка. В ней смесь благоговения и счастья.

— Я рассматривала его, когда была маленькой. Папа говорил мне, что мой богатый муж купит мне огромный бриллиант, и мы будем жить долго и счастливо. А я лишь хотела это кольцо и мужа, который будет меня любить.

Я поднимаю её лицо за подбородок.

— Я люблю тебя.

Мои брови сводятся на переносице.

— А ты не забыла сказать «да»?

— Ничего я не забыла, — бросает она в ответ, затем ставит коробочку на столик и поднимается с дивана. — Я просто ещё не сказала «да». — Эмили показывает в сторону кухни. — Не хочешь ничего попить? Я просто умираю от жажды.

Она делает вид, что собирается уходить, но я хватаю её за футболку и притягиваю к себе на диван. Забираю со стола коробочку, вынимаю оттуда кольцо и протягиваю его.

— Выходи за меня, Эм, — умоляю я. — Если ты скажешь «да», то у нас будет море безумного секса и мы будем жить долго и счастливо. — Мне хочется засмеяться, но вот только это ни фига не смешно. Я вновь повторяю: — Выходи за меня, Эм. Пожалуйста.

Она шлёпает меня ладонью по лбу, и я тут же застываю.

— Конечно, я выйду за тебя, — говорит Эмили. Она позволяет мне надеть кольцо ей на палец. — Я просто не могла облегчить тебе задачу, дурачок.

Она садится рядом со мной и утыкается в то местечко, которое полностью принадлежит ей. Между нами нет никаких секретов. Больше нет. И это охренеть как здорово!

Я целую её.

— А теперь мы можем отправиться в кровать? — спрашиваю я.

Прошли недели с нашего последнего секса. По счастью, большую их часть я был без сознания, но сейчас-то нет. Она нужна мне больше воздуха.

Она стучит по гипсу, который окружает почти всё моё бедро.

— Мне кажется, это будет немного трудновато.

Я качаю головой.

— Просто тебе придётся быть сверху.

Я притягиваю Эмили к себе на колени и поднимаю её футболку, лаская кончиками пальцев нежную кожу её живота. Она собирается стянуть футболку, но вдруг смотрит в сторону двери.

— Что? — неровно дыша, спрашиваю я.

— Кто-то стучит в дверь, — отвечает Эмили и, тяжело дыша, на мгновение приваливается ко мне. Я беру подушку и, ругаясь про себя, прижимаю её к промежности.

Эмили открывает дверь, и в квартиру вваливаются её родители в сопровождении моих братьев. Последние кричат: «С возвращением!»

Мама Эмили поднимает её руку с кольцом.

— Ты сказала «да»? — спрашивает она.

— Конечно, — отвечает Эмили.

Ко мне подходят братья и поздравляют меня, отец Эмили просто сияет. Что происходит?

Заходит Мэт с пищей в руках и обнимает Эмили. Он утыкается лицом в её волосы

— наверное, вдыхает их аромат.

— Ты хорошо пахнешь, — говорит он ей. Эмили шлёпает его, но Мэт только смеётся в ответ.

— Она сказала «да»? — усаживаясь рядом со мной, спрашивает Пол, замечает подушку на моих коленях и усмехается.

Вы, ребята, ужасно не вовремя, показываю я.

Пол пытается принять невинное выражение.

Вечеринка в честь помолвки всегда вовремя. Он показывает на подушку и поднимает бровь. *У тебя ещё будет время для секса.* Он тяжело вздыхает. Я вижу, как вздымается его грудь, наполняясь воздухом. *Немного погодя я всех выставлю.*

Обещаешь?

Он смеётся.

Обещаю. Пол улыбается. *У тебя вся жизнь впереди, чтобы заниматься любовью с этой женщиной.*

Я смотрю на Эмили, и она улыбается мне, запрокинув за ухо прядь волос. Я знаю. И именно это я и планирую делать.

Сэм напёк кексов, показывает Пол и, поднимаясь с дивана, спрашивает: *Хочешь один?*

Я съём всё что угодно, если это приготовлено Сэмом.

Захвати мне парочку.

Собираешься разлентиться и растолстеть, раз свадьба впереди?

А у тебя какое оправдание? Спрашиваю я. Пол толкает меня в плечо. Я морщусь, потому что моё тело всё ещё болит. Брат смотрит мне в глаза и, кивнув в сторону Эмили, показывает: *Тебе и без того уже повезло с ней.*

Ну, если ты встретишь девушку, которая разобьёт тебе твой чёртов нос, женись на ней, говорю я ему. Он смеётся и уходит за кексами. Я же, обратившись к воспоминаниям, потираю переносицу. А потом хватаю салфетку со стола и начинаю набрасывать эскиз татуировки для мистера Мэдисона.

Мне пришло в голову, что ему подойдёт уличный указатель, как на перекрёстке, с названиями «Мэдисон-Авеню» и «Семья». «Семья» будет более выраженной, и я расположу эту вывеску выше. «Мэдисон-Авеню» же будет показушной, в огнях и безделушках, в отличие от уютной и приятной «Семьи». Может, я даже украшу её кружевными, античными узорами. А «Мэдисон-Авеню», несмотря на всю свою роскошь, по сравнению с ней будет смотреться не так затейливо. Пока ещё не знаю точно, как я это сделаю, но позже выясню. А внизу я напишу слова, которые он мне сказал: «Моя семья для меня всё. Я ничто без них».

И я сделаю такие же себе, на рёбрах — они тоже мне подходят.

Эмили

Я закрываю дверь за родственниками. Логан выглядит уставшим. Авария произошла совсем недавно, и он ещё восстанавливается. Вообще, я позволила им задержаться слишком долго.

— Может, тебе выпить обезболивающее? — спрашиваю я.

Он качает головой и показывает, чтобы я подошла ближе.

— Пока нет, — отвечает Логан и притягивает меня к себе, чтобы усадить на своё здоровое колено. Другая его нога лежит на кофейном столике. Но он морщится, когда шевелится. Ему по-прежнему больно двигаться. Это точно. Он поднимает низ моей футболки, чтобы положить свою ладонь на мою кожу. Его голова опускается на спинку дивана, и он смотрит на меня из-под полуопущенных век, в его глазах пылает огонь.

Господи, какой он красивый! И весь мой.

Его ладонь скользит вверх по моему телу, пока не обхватывает грудь. Большой палец ласкает мой сосок, и ощущения от этого прикосновения простреливают меня насквозь.

— Логан, — осторожно протестую я. — Ты ещё не совсем поправился.

Я накрываю его руку своей и тяну вниз. Но жар от его ладони проникает даже сквозь мою футболку. Выгнув спину, я прижимаюсь к нему. Ничего не могу поделать. Это Логан.

Он наклоняет меня, чтобы я примостилась на его согнутой в локте руке, лёжа на его коленях. Затем поднимает мою футболку, оголив грудь, и смотрит на меня, облизывая губы. Логан расстёгивает переднюю застёжку на моём лифчике и наклоняется, чтобы взять мой сосок в рот.

Он удерживает меня в своих объятиях, а его язык проделывает чудеса. У меня перехватывает дыхание, и я ёрзаю на его коленях. Он усмехается, хрипло.

— Не волнуйся. Я о тебе позабочусь.

Одним быстрым движением Логан расстёгивает пуговицу на моих джинсах, потом — молнию. Глядя мне в глаза, он проскальзывает рукой в мои трусики. Проводит по моей горячей щёлочке, а затем перемещается сразу на клитор. Тесные джинсы прижимают его ладонь, которая с нажимом двигается маленькими кругами. Но мне нужно больше.

— Пойдём в кровать, — прошу я.

— Думал, ты никогда не попросишь, — со смехом отвечает он. Я помогаю ему подняться на ноги и встать на костыли, и Логан нетвёрдой походкой направляется в сторону спальни.

— Ты уверен, что не хочешь выпить лекарства? — спрашиваю я. От усталости у него вокруг глаз образовались тёмные круги.

Логан качает головой, прислоняет костыли к кровати и стягивает до колен спортивные шорты и трусы. Я подхожу, чтобы помочь ему снять обувь и носок со здоровой ноги. Приходится немного повозиться, чтобы стянуть шорты с гипса, но что поделать. Его член, твёрдый как камень, упирается мне прямо в лицо.

— Знаешь, когда ты первый раз пришёл в себя и ещё был под действием обезболивающих, то сказал Сэму, что я не так уж много времени посвящаю этой твоей части. — Я беру его член в руку и поднимаю глаза вверх.

— Правда? — Логан чуть не поперхнулся. Он вталкивается дальше в мою ладонь. — Я ничего такого не имел в виду. И вообще, я никогда не говорю с ними о таких интимных вещах. — Он поднимает моё лицо за подбородок. — Ты ведь веришь мне, правда?

Я киваю. А затем облизываю налившуюся кровью головку его члена. Моё тело готово для него. Слишком много времени прошло с тех пор, как он был во мне последний раз, и я хочу сделать это для него. Из Логана выходит низкий гортанный звук, когда я обхватываю головку его члена ртом. Я вращаю языком, и он глубже вталкивается в меня. Смотрю в его голубые глаза, и Логан ругается.

Я со звонким звуком выпускаю изо рта его член, он поднимает меня и валит на кровать. Я бормочу что-то бессвязное, но Логан не произносит ни слова. Он перекачивается

на спину и располагает меня так, что моя нижняя часть прижимается к передней части его бёдер, а мои икры лежат на нём. Затем он проскальзывает в меня, медленно и глубоко. Растягивает меня, отчего я чувствую лёгкую боль — он не был внутри меня слишком долго.

Движения Логана медленные и неторопливые, его бёдра двигаются в неспешном ритме. Потом Логан приподнимается на локте, чтобы посмотреть на меня. Кончиками пальцев потягивает мои соски, и мне уже не важно, что я лежу здесь, с Логаном, что он внутри меня, что я полностью обнажена, а он наблюдает за тем, как я наслаждаюсь каждой секундой.

— Я не продержусь долго, — говорит он.

— Не жди меня, — настаиваю я. — Я не обязательно должна кончить.

Логан фыркает, что больше похоже на сопение.

— Ты должна кончить.

Его руки проскальзывают между моих ног, его палец устремляется внутрь меня и размазывает по моему клитору влагу. Он медленно входит в меня, а его пальцы двигаются маленькими кругами. Я закусываю нижнюю губу и открываю глаза, чтобы посмотреть на него. Боже, он прекрасен!

— Ты должна кончить, — повторяет Логан, и от его слов внутри меня всё сжимается. Я близко. Очень близко. Я опускаюсь на его член и поднимаюсь, и мои ноги расходятся всё шире. Его пальцы не перестают ласкать меня, и мы находим тот ритм, что мне нравится.

— Кончи на мой член, Эм, — умоляет Логан. И я наконец падаю в пропасть. Мой оргазм разрывает меня на части. У меня такое ощущение, что я разлетаюсь на маленькие осколки, но потом его пальцы замедляют свои движения, дрожь ослабевает, и вот он входит в меня последний раз и изливается внутрь меня.

Я лежу, распростёртая на его теле, голая. Стараюсь выровнять дыхание. Логан медленно выходит из меня, передёрнувшись.

— Боюсь, тебе лучше привести себя в порядок, — говорит он мне и тянется к своим костылям, чтобы встать. — Давай я принесу тебе полотенце.

Я подскакиваю и, перебравшись через кровать, выхватываю костыли из его руки. Он рычит и опять тянется к ним. Я убираю их в другой конец комнаты, чтобы Логан не смог встать.

— Оставайся на месте, — указывая на него пальцем, говорю я.

Логан смеётся и натягивает через голову свою футболку. Он никогда не раздевается полностью.

— Может, вздремнём? — спрашивает он.

Я иду в ванную и привожу себя в порядок, а потом шлёпаю босыми ногами обратно в спальню, держа в руках смоченное в тёплой воде полотенце. Я протягиваю его Логану, и он вытирается им, а затем ложится на кровать, закинув руку за голову, чтобы ему удобнее было смотреть на меня. Я совершенно голая, но мне всё равно.

— Я чуть с ума не сошёл, пока ждал, когда они уйдут, — признаётся Логан. Он трёт руками глаза. Похоже, ему хочется спать.

— Я тоже. — Я приношу ему обезболивающее и стакан воды, а затем наблюдаю, как он принимает лекарство. — Хочешь перекусить?

Он, зевая, качает головой.

— Вздремнёшь со мной?

Логан смотрит на меня, и его любовь ко мне озаряет его лицо. Я никогда и подумать не могла, что когда-нибудь буду так счастлива.

Я залезаю на кровать и укладываюсь ему под бок, в это местечко, что предназначено только для меня. Нам обоим нужно переделать кучу домашних заданий, чтобы нагнать учёбу, но наши преподаватели пошли нам навстречу, когда я рассказала им, что произошло, особенно в ситуации с Логаном. Я записала свои лекции, что мне всё равно пришлось бы сделать, так что прослушаю их, когда будет время. Логан же отстал куда больше меня.

— Когда проснёшься, займёшься своими домашними заданиями, — предупреждаю

я и прижимаюсь к нему.

— Я планирую многим заняться, когда проснусь, — снова зевая, говорит он и усмехается.

— Например?

— Тобой. — Он смеётся и крепко меня сжимает.

Потом поднимает мою руку и целует татуировку на внутренней стороне запястья. Я смотрю на татушку — с неё всё и началось. Он освободил меня, открыв мой мир. Он покой для моей души. Тот, кому удалось снять мои оковы, и я буду любить его вечно.

— Вечные обещания, — бормочу я. А потом закрываю глаза и засыпаю под биение его сердца.

КОНЕЦ

Читайте продолжение серии «Братья Рид» Тэмми Фолкнер в переводе группы [Translation for you: перевод художественных книг](#).